

КОСТЁР

НОЯБРЬ 11/1981

КОСТЁР

11

НОЯБРЬ

1981

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер». 1981 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Приказ — удержать мосты	2
Белый путь очерк Г. Балуева и А. Гостомыслова	4
Пятилетка в действии	9
На Аптекарском острове повесть Н. Федорова	10
Барабан	22
Они рисуют для вас	24
Тихоня рассказ Г. Маликовой	26
Откровенный разговор	30
В гостях у «Скорохода» очерк Г. Ефремова	32
Замечательная гора рассказ В. Голявкина	34
Стихи Л. Фадеевой	36
Спортклуб «Кузнечик»	38
Морская газета	42
Школа будущих командиров	44
Арчбек	47
Стихи твоих ровесников	48

Обложка художника
В. Лебедева

Борис НИКОЛЬСКИЙ

ВЕЛИКАЯ МУЗЫКА ВЕКА

Рисунок А. Голованова

Век двадцатый... Как много удивительных слов и новых понятий принес он в нашу жизнь, в наш язык!

Вслушайтесь в эти слова!
Большевик.

Советы.

Пятилетка.

Рабфак.

Ударник.

Они звучат, как великая музыка века. В них — шелест знамен Революции. В них — гул великой эпохи.

Вслушайтесь в эти слова!
Субботник.

Стахановец.

Днепрогэс.

Магнитка.

Политрук.

За каждым из них — стремительное движение Родины нашей от невежества — к свету, от бесправия — к свободе, от нищеты — к могуществу. За каждым из них — воля партии, энергия партии, мысль партии!

Вслушайтесь в эти слова!
Спутник.

Атомоход.

Целинник.

Космонавт.

Созидательный ритм пятилеток в каждом из этих слов. Труд вдохновенный народа. Поступь истории явственно слышится в них.

И старые, привычные, казалось бы, слова обретают сегодня в устах нашей партии, нашего государства новую силу, новый высокий смысл.

Мир.

Дружба.

Братство.

Мечта и воля народов планеты в каждом из этих слов. Миру — мир! Нет — войне! Словно клятва, словно присяга, звучат они.

Но есть среди этих слов, рожденных Двадцатым веком, самые Главные Слова, слова, исполненные особого значения. Слова эти — символ века, надежда века, совесть века.

Вслушайтесь в эти слова:

Ленинский,

Ленинец,

Ленинизм!

ПРИКАЗ — УДЕРЖАТЬ МОСТЫ

1917 год. Хроника революционных дней.

8 октября в статье «Советы постороннего» Владимир Ильич Ленин намечает общий план вооруженного восстания в Петрограде:

«Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценной каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову».

16 октября избран Военно-революционный центр, который немедленно приступил к детальной разработке плана вооруженного восстания.

Во все воинские части петроградского гарнизона направлены агитаторы, назначены комиссары Военно-революционного комитета.

24 октября, будучи в подполье, В. И. Ленин написал письмо членам ЦК:

«Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно».

Поздно вечером 24 октября Ленин пришел в Смольный.

Временное правительство, стремясь разобщить народ, разъединить части города, отделив Васильевский остров, Петроградскую и Выборгскую стороны от центра, приказало штабу военного округа захватить мосты и развести их.

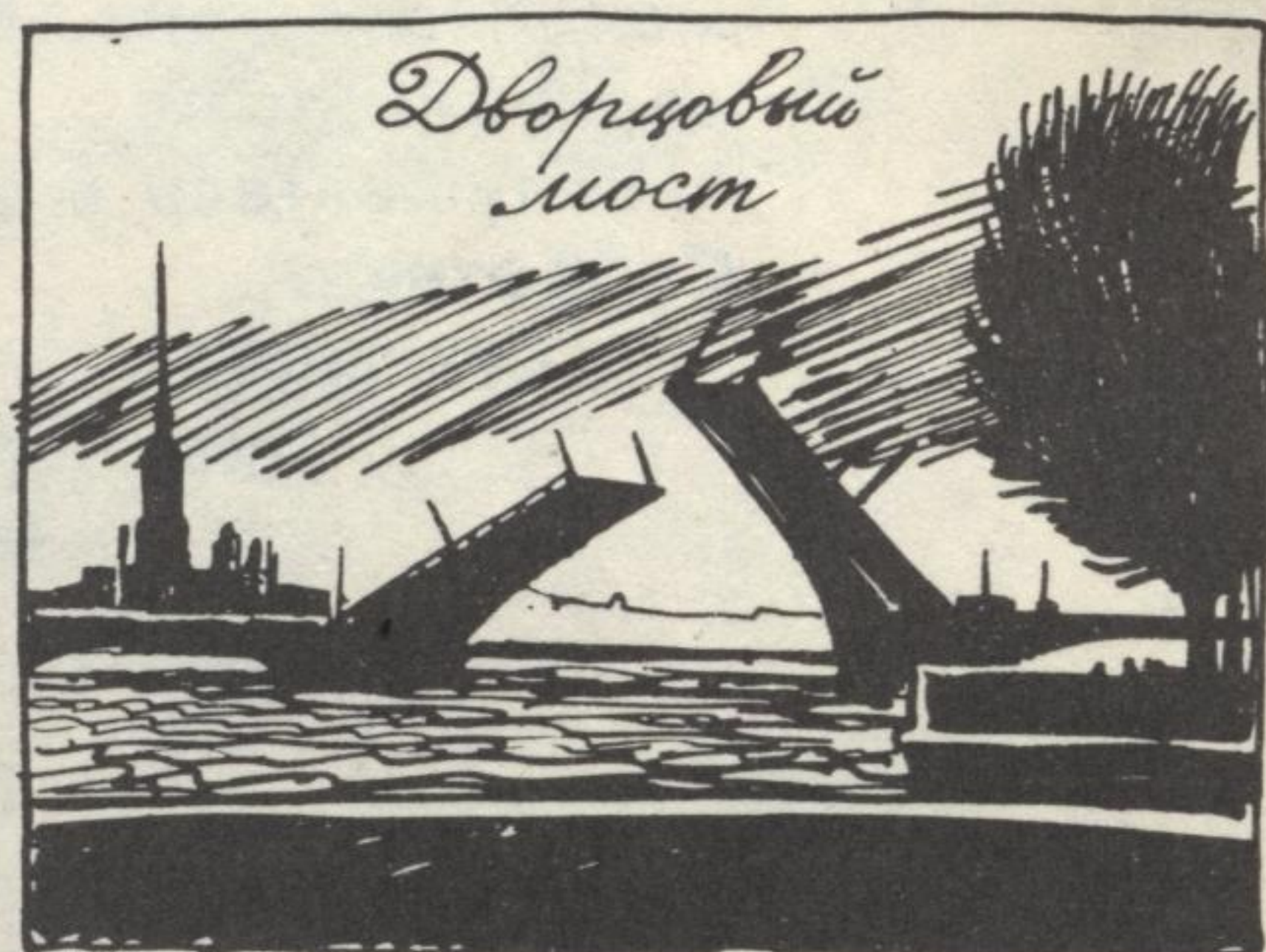
Литейный мост штаб округа поручил развести юнкерам Михайловского училища. Но там встретили солдаты Московского полка и красногвардейцы Выборгского и 1-го Городского районов. Они не допустили разводки моста, разоружили юнкеров и под конвоем отправили обратно в училище. «Часов в 11 вечера, — вспоминает красногвардеец Патронного завода Ф. З. Евсеев, — мы вместе со слесарями-водопроводчиками сняли с мостового механизма шестерни, шпонки и ручки, чтобы мост нельзя было развести».

Троицкий (ныне Кировский) мост по плану Временного пра-

вительства должны были развести юнкера и женский батальон. Но Троицкий мост уже надежно защищали революционные пулеметчики Петропавловской крепости, красногвардейцы Петроградского района и рота Павловского полка.

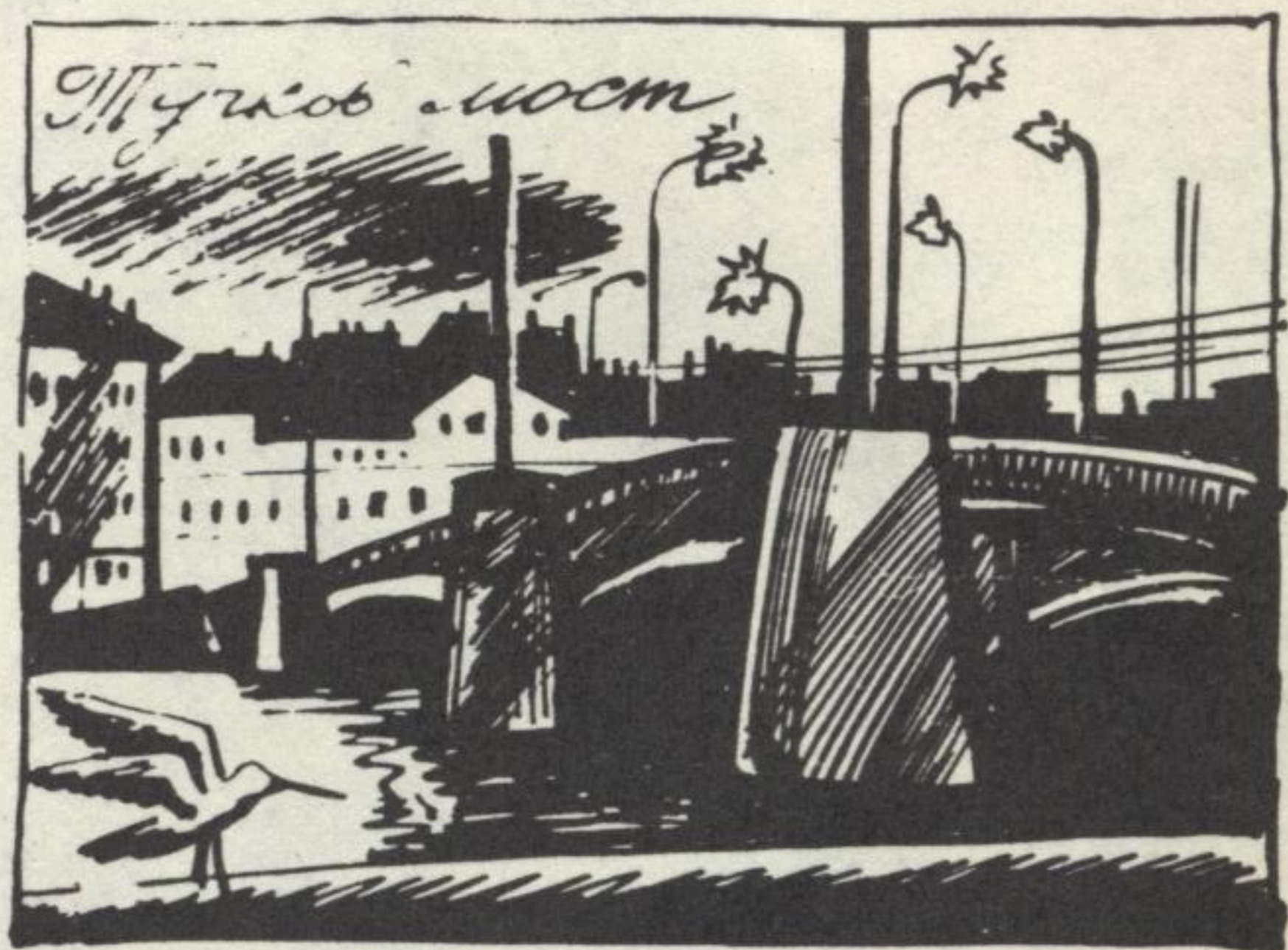
Дворцовый мост юнкера захватили, но не надолго — в 7

часов утра 25 октября его заняли матросы и красногвардейцы.

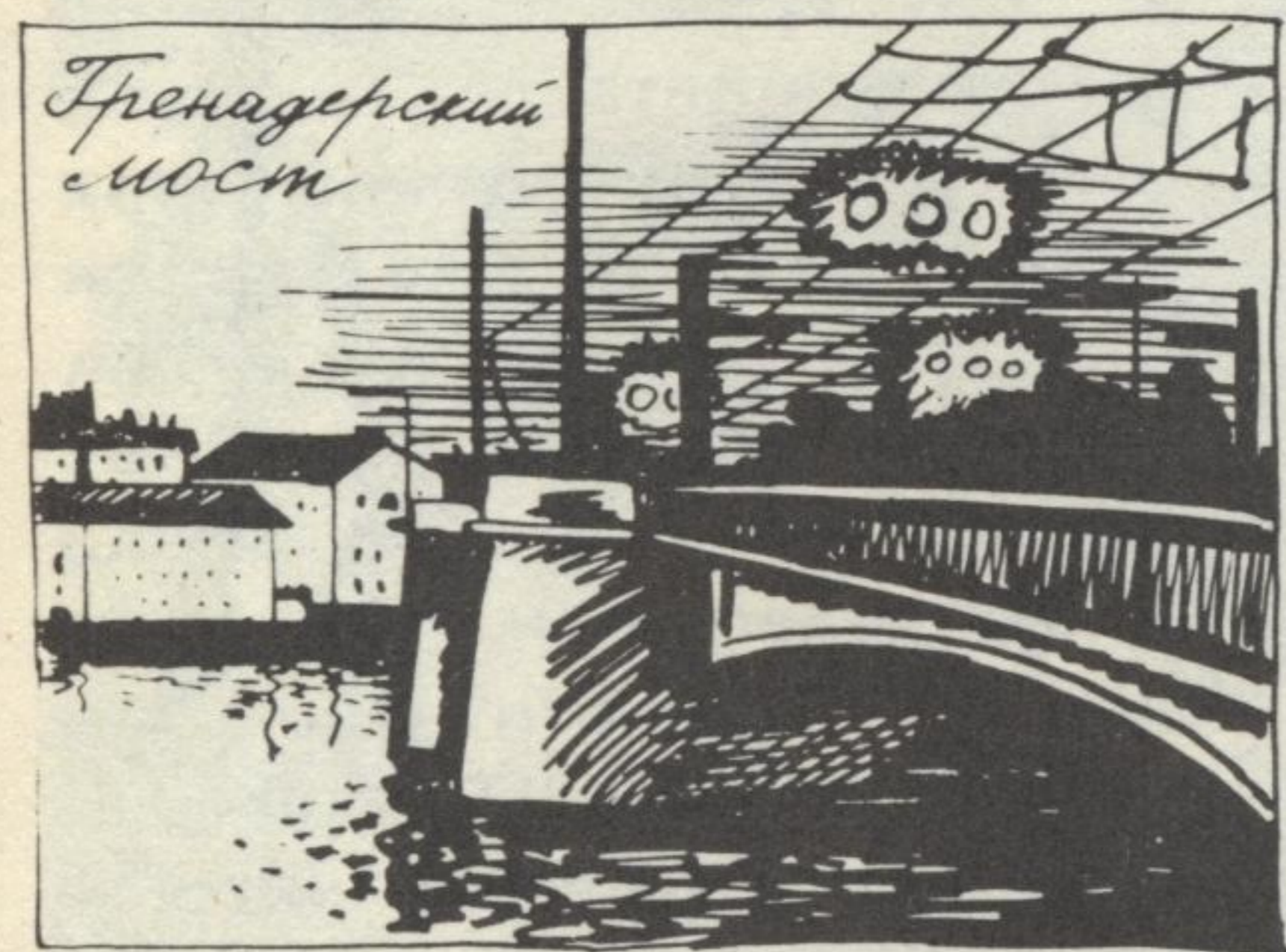
Большеохтинский мост охраняли красногвардейцы Охты и Сестрорецка и патруль 9-го кавалерийского полка.

Тучков мост захватили солдаты огнеметно-химического батальона и красногвардейцы-василеостровцы.

Сампсониевский (ныне мост Свободы) и Гренадерский мосты через Невку надежно охраняли красногвардейцы Выборгской стороны и революционные солдаты. Солдаты свели мосты, а ключи взяли с собой. «Скоро весь угол комнаты, где помещался полковой комитет, был завален тяжелыми ключами», — вспоминал комиссар Гренадерского полка А. Ф. Ильин-Женевский.

Николаевский мост (ныне мост Лейтенанта Шмидта). Борьба за него была особенно упорной.

ционного комитета Н. И. Подвойский, — то и дело посылал нам курьеров с записками, на которых было написано два-три слова: „Взята ли центральная телефонная станция и телеграф?“, „Захвачены ли мосты и вокзалы?“ и т. д.».

Почти весь город, кроме Зимнего дворца и штаба военного округа, был занят отрядами Красной Гвардии и революционными войсками. Приближался час решительного штурма.

«Военно-революционный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов постановил: поручить вам всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами восстановить движение по Николаевскому мосту», — такой

приказ был получен из Смольного на крейсере «Аврора».

25 октября в 3 часа 30 минут утра «Аврора» встала на якорь у Николаевского моста и высадила десант. Авроровцы вместе с матросами 2-го Балтийского экипажа и Гельсингфорского отряда бросились к мосту. Юнкера в панике разбежались. Корабельные электрики привели в действие механизмы. Мост был сведен. Тотчас же на него хлынули вооруженные василеостровцы.

21 час 40 минут. Выстрел с «Авроры» холостым зарядом — сигнал к штурму Зимнего.

26 октября, 2 часа 10 минут — Зимний взят.

Еще днем 25 октября в Актовом зале Смольного открылось экстренное заседание Петроградского Совета.

«Товарищи! — торжественно и взволнованно сказал Владимир Ильич Ленин. — Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась».

Рисунки В. Лебедева

Из воспоминаний очевидца, одного из первых комиссаров Советской власти И. В. Егорова:

«Иду через Благовещенскую площадь (ныне площадь Труда) мимо Ксеннинского института (ныне Дворец Труда) на Николаевский мост. Что за диво? На мосту рогатки, он разведен.

Спрашиваю юнкера:

— В чем дело? Почему мост разведен?

— По приказу командующего округом!

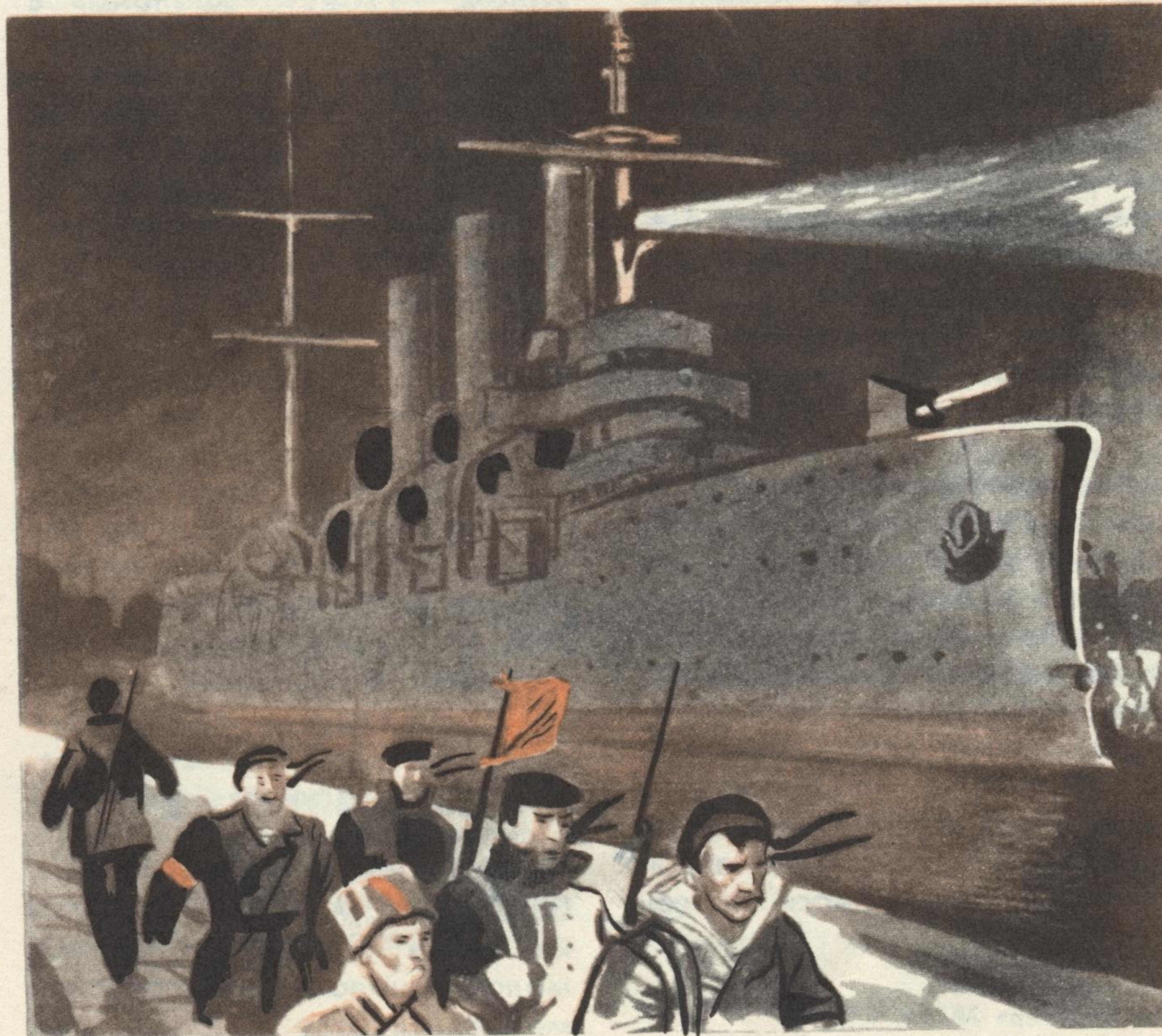
Оглядывая мою приличную одежду и принимая за своего, юнкер доверительно поясняет:

— Большевики должны выступить. Мы им прервали связь с Васильевским островом!»

Это происходило днем 24 октября. А в 11 часов вечера красногвардейцы Трубочного, Балтийского, Судостроительного заводов и Голодаевской писчебумажной фабрики отогнали юнкеров и свели мост.

Борьба за мост еще не была окончена. В ночь на 25 октября большой отряд юнкеров снова овладел Николаевским мостом и развел его. Однако все усилия врагов революции были напрасны.

Вооруженное восстание развертывалось четко по плану Ленина. «Он, — вспоминает председатель Военно-револю-

БЕЛЫЙ ПУТЬ

НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ НА БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

НЕРЮНГРИ

Поезд Тында — Беркамит ходит только ночью. Потому что каждый день ценен. Днем людям надо работать.

Вместе с толпой бежим к черной змее поданного на дальние пути поезда, карабкаемся по высокой подножке в вагон. Темно. Идем, ощупывая руками полки. Нашарим человека — значит, занято. Нащупанные молча сносят наши прикосновения.

Наконец устраиваемся. Поезд трогается. В окне дрожат якутские звезды.

В вагоне, чиркая спичками, закусывают. Завтра будет уже не до закусывания. Потому что пассажиров в обычном понимании в нашем поезде нет. Все — бамовцы, ездили в Тынду по делу, и прямо с поезда всем — на работу, на Нерюнгринский угольный разрез.

Этот разрез — то главное, ради чего от Байкало-Амурской магистрали сделан отрезок железной дороги на се-

вер, в Якутию. На Нерюнгринском разрезе будут добывать до 13 миллионов тонн в год, из них 9 миллионов — очень ценного угля: коксующегося. Но и сейчас уже разработка месторождения идет полным ходом. Уходят эшелоны с углем. Все больше оживает промерзшая до глубинных недр Якутия. И самый большой муравейник жизни здесь — Нерюнгринский угольный разрез и строящийся рядом город Нерюнгри.

Мы уже мимолетно видели его, когда скатывались через Якутию на автобусах. Спросили, где угольный разрез. И нам показали на пологую сопку. В предрассветной сини глаза кололи электрические точки, которые окаймляли сопку, как габаритные огни.

Мы легли, накрывшись полубубками. И, казалось, только сомкнули глаза, поезд мерзко заскрипел, остановился. Пассажиры стали молча выпрыгивать в снежную тьму.

Нас встретил начальник штаба ЦК ВЛКСМ Якутского участка БАМа Тлютай Бирюкбаев, молодой человек в щегольской меховой куртке.

— Беркамит — это по-эвенкийски значит: места, где ставят самострелы на зайцев, — пояснил он, когда мы, усевшись в его «уазик», ехали через новенькую железнодорожную станцию Беркамит.

Не успели и десяти слов сказать, показался Нерюнгри: современные крупнопанельные дома, башенные краны — сплошная стройка. А вот и знаменитая, обтыканная огнями сопка.

— Приезжали сюда японские предприниматели, — усмехаясь, сказал Тлютай. — Когда увидели пласты угля, достигающие местами 80 метров, на глаза у них навернулись слезы, и они упали на колени на краю разреза.

— На колени — перед чем? — удивились мы.

— Перед нашим богатством, — сказал Тлютай.

Рассвело. Белое солнце лезло из-за сопки.

Машина проскочила Нерюнгри. Нам не терпелось взглянуть на разрез. И вот он! Сопка действительно была разрезана, вскрыта гигантскими уступами. Они, как ступени, уходили вниз, в нутро сопки.

По одному из уступов шла бетонная дорога, такая широкая, что походила скорее на взлетную полосу, чем на дорогу. Наш «уазик» съехал на нее, и мы поняли, зачем она нужна — такая. По ней навстречу нам катился на четырех колесах огромный металлический жук. Каждое из его колес было величиной с двухэтажный дом. И на этих колесах ехало нечто вроде гигантской тачки.

Наш «уазик» вильнул и прижался к стене уступа. Казалось, что металлический жук катит слепо и раздавит нас, даже не заметив этого. Но когда машина поравнялась с нами, мы увидели, что она не так уж слепа. В уголке платформы, повисшей над передними колесами гигантской машины, виднелась крохотная кабинка. Тлутай, выскочив из «уазика», замахал руками. «Жук» остановился. По металлической лесенке мы полезли на спину чудовища.

Мы даже вздрогнули. Нам показалось, в кабине этой странной машины сидит артист Михаил Боярский. Но нет! Это был Саша Субботин, водитель, чрезвычайно похожий на него. Мы втиснулись в маленькую кабину, и у нас возникло ощущение, что мы сидим в комфортабельных «Жигулях».

Саша только недавно закончил среднюю школу, три года работал шофером, и вот, как человеку опытному и осторожному, ему доверили водить машину, которая стоит полтора миллиона рублей, и Саша один на ней заменяет девяносто водителей обычных, маленьких самосвалов.

Сквозь стекла кабины мы увидели большой, как завод, экскаватор, от которого только что отъехал Саша. Там уже грузилась другая, такая же огромная машина. С нашей высоты просматривалась вся чаша вскрытой сопки, и было очевидно, что взрыть такую гору, превратить ее из горы в котловину можно было только с помощью таких вот могучих машин.

Когда мы, распрощавшись с Сашей Субботиным, стали ездить и знакомиться с другими

людьми, то выяснилось, что все они — люди техники: либо испытывают, либо уже эксплуатируют новые, созданные специально для Севера, механизмы.

Мы погуляли, как по цехам, по внутренним лабиринтам экскаватора ЭКГ-20, который может погрузить за сутки тысячу кубометров грунта, прокатились на проходящем испытания углевозе, созданном на базе БелАЗа и похожем скорее на поезд, чем на автомобиль. А в гостинице познакомились с худощавым нервным инженером, который здесь, в Нерюнгри, находится в командировке уже три года. Мы поразились: три года!

— Да хоть двадцать три! — оторвавшись от экрана телевизора, засмеялся инженер, хотя только что говорил, что тоскует по жене и дочке. — Хоть тридцать три! — повторил он. — Лишь бы машину довести до ума.

Мы уже видели его машину. По склону сопки лез электрический экскаватор, и за ним по снегу, как удав, полз кабель. Экскаватор был похож на разбухший раз в четыре танк, на который нахлобучили высоковольтную башню. Пришлось отбежать почти на километр, чтобы вся эта машина влезла в видеоискатель фотоаппарата.

Экскаватор полз туда, где был обнажен пласт угля. Мы спустились на этот, самый нижний, горизонт. Перед нами высилась обглоданная ковшом экскаватора, сверкающая на солнце ледяным блеском угольная стена. Сотни машин, одна за другой, подъезжали к экскаватору, и он, вгрызаясь в черную стену, сыпал в кузова уголь.

Мы, конечно, не упали, как японские предприниматели, на колени, но невольно вспомнили пророчество Михайлы Ломоносова, что богатство России прирастать будет Сибирью. Прирастает!

ВТОРОЙ ВАГОНЧИК

Белый гребень девятиэтажных корпусов на холме, а кругом серое море косолапых до-

мишек — это Тында, столица БАМа. Снег под ногами черен, на крышах черен — дымят тридцать семь котельных, сыплют копотью, не уставая.

По этому черному снегу мы идем к Боре Борисову, монтеру пути, человеку, популярному в Тынде. Боря прибыл на БАМ в числе первых, с отрядом «Московский комсомолец». Его не брали: нелепо высокий, сутулый, руки висят, как плети, очки, специальности нет и делать ничего не умеет... Но он был настойчив, пришел к поезду, и в последний момент ему сказали: «Садись!»

На какой-то станции в поезд пробрался слепой и пошел по вагонам с протянутой кепкой. Он пел. В наше время такое странно, верно? И все смотрели на певца с недоумением. А Боря тут же присоединился к слепому и пошел с ним, обняв за плечи, помогая петь и собирать деньги. Странно — не странно, а человеку надо помочь, решил Боря. «Ну тебя, парень!» — сказал «слепой» и, сняв свои черные очки, полез из вагона.

За разливом сереньких деревянных домиков показалось зеленое стадо вагончиков. Нам показали, где живет Боря. Мы с трудом отодрали примерзшую железную дверь. Внутри было, как в пещере. Всюду громоздились книги. Весь вагончик был забит ими. Это были очень хорошие книги.

— Вы так любите читать?

— Да, то есть нет, — стеснительно сказал Боря. — Книги помогают мне выявить свои собственные мысли.

Боря был, как и раньше, сутул, высок. Только руки у него висели тяжело — все умеющие рабочие руки.

Этот вагончик у Бори второй. Первый сгорел. Сначала ему показалось, что треск, пламя — все ему снится. А когда проснулся, вскочил, дверь уже была отрезана огнем. Не будя, он выбросил ночевавшего у него парня в окно. Выскочил сам, схватив гитару. Пламя гудело внутри вагона, как в печке. Босиком по снегу с гитарой в руках Боря побежал звать на помощь.

Сгорели тогда его книги, и он начал собирать библиотеку снова.

Боря — душа бамовских гитаристов. У него прекрасный магнитофон и целая фонотека с записями бамовских бардов, исполнителей собственных песен.

Боря интеллигентен, вежлив, стеснителен. Но есть люди, которые его не любят, боятся. Потому что Боря имеет привычку говорить правду прямо в глаза.

Как-то выдвигали знакомого всем парня на ответственную должность. Все были «за», один Боря «против». «Ты что-то знаешь о нем плохое?» — спросили Борю.

— Да, то есть нет, — сказал он стесняясь. — Но когда мы уезжали из Москвы, его провожала мама. И я слышал, как он с ней разговаривал. И я понял: он — очень плохой человек.

Борю пристыдили: ну что, действительно, за чепуха — с собственной мамой человек, видите ли, как-то не так разговаривал?!

А через некоторое время парень совершил такой поступок, что его пришлось исключить из комсомола. Оказалось, Боря прав: все связано, все едино: и то, как человек относится к маме, и то, насколько он честен в работе, в отношении к другу, в отношении к долгу.

Сам же Боря ценит выше всего дружбу.

Он ездил через всю страну к заболевшему другу и отдал ему свои деньги. А теперь говорит:

— Вот заработаю двести рублей и уеду. Сколько можно жить в вагончике? И зачем?

Зарабатывает двести рублей и снова не едет.

— Нет, — стеснительно говорит он, — все же надо дело доводить до конца.

А конец — это окруженная горами Чарская котловина. А за ней, недалеко, — хребет Кодар.

В тоннеле, который пробьет его тело, должны встретиться идущие на восток и идущие на запад рельсы БАМа.

ОПЯТЬ В ПОГОНЮ?

Нечто подобное ощущали, должно быть, древние мореплаватели, когда их суденышко долго взбиралось на гребень океанской волны, а затем так же долго скользило с живой горы. Вот и наш «уазик» либо лез на сопку, либо осторожно, как бы даже на цыпочках, спускался вниз. Мы, конечно, заметили Володе, шоферу: дескать, больно уж он осторожничает. Володя промолчал, но уши у него побагровели от возмущения.

Вскоре он остановил машину и молча вылез. Мы за ним. Дорога на сей раз не лезла на сопку, а как бы обвивала ее. За снежным бруствером дороги метров триста — крутой склон. И там, где мы остановились, бруствер был смят, и вниз катился страшный барахтающийся след. В конце его мертво лежало длинное черное тело сорвавшегося бензовоза.

— Шофер-то успел выпрыгнуть? — после долгого молчания спросили мы.

Володя сплюнул и полез в машину, что, очевидно, должно было означать: он-то выпрыгнул! Но вам на это рассчитывать нечего.

Сначала мы еще спрашивали, как называется та или иная сопка. Потом перестали: сопки шли бесконечно — ничего не было, кроме сопки. Эти белые конуса торчали вплотную друг

к другу, как будто гигантская кастрюля молока вскипела, всплеснулась и на миллионы лет оцепенела так, замерла, замерзла.

Глубоко под нами показалась железная дорога — торчащие из-под снега две черные головки рельсов. И даже странно было: из-за того, чтобы резали снег эти две железные ниточки, понадобилось почти сто лет (в 1889 году инженером Волошиновым проведены первые изыскания на трассе нынешнего БАМа) непрекращающихся усилий, а в наши дни — огромный коллективный труд.

Автострада круто метнулась вниз, на лед реки, прижалась к рельсам, и мы с удивлением обнаружили, что и железная дорога идет прямо по льду. На его, с буграми наледей, зеленоватое стекло отсыпан желтый щебень, уложены звенья и... Донесся стук колес приближающегося поезда, и мы даже остановили машину, таким невозможным среди этой вспученной горами пустыни показался знакомый и родной перестук.

Поезд шел осторожно. Как бы присматриваясь. Как бы даже принюхиваясь к брошенному на лед свежему пути. По крутой дуге поезд ушел за сопку, вынырнул из-за другой и, извиваясь, как уж, уполз в сумятицу гор.

И уже не казалось странным, что ради двух железных ниточек положено столько трудов.

Оказалось — пусть прямо по льду, пусть по временным мостам и обходам — надо гнать рельсы, не останавливаясь, ни на что не взирая, вперед и вперед. Ибо для того, чтобы быстро и экономично сделать железную дорогу, нужна железная дорога. Парадоксально, да? Но тем не менее это так. Потому что строительство БАМа — это миллионы тонн грузов, которые быстрее всего, дешевле всего перебросить к месту стройки по железной дороге. Пройдет полгода, растает лед, провалится нынешняя желтеющая вдоль реки насыпь, но к этому времени мостовики успеют сделать стальной мост, и временная железная дорога станет постоянной.

Уже сегодня подсчитано: решительность и смекалка бамовцев сэкономила для страны многие миллионы рублей.

Мы ехали и ехали по безлюдной дороге. Стемнело. Когда машина взбиралась вверх, в лобовом стекле плясали звезды. Метнулось и сникло пламя — мы увидели кучу горящих бревен. А затем через равные интервалы — еще и еще: метрах в ста от дороги горели странные костры.

— Зачем? Что это?

Володя, наш водитель, сердито молчал. Он вообще производил впечатление раз и навсегда рассердившегося человека.

— Вечную мерзлоту протаивают, — сказал он, промолчав

километров десять. — Будут ставить телеграфные столбы.

Как же мы сразу не догадались? Ведь железную дорогу можно сдать в эксплуатацию только тогда, когда между станциями есть связь.

Свет фар нашей машины то упирался в дорогу, то уходил в черную бездонность провалов, ущелий.

— Сейчас должен открыться его поселок, — бросил Володя, когда машина, одолев подъем, нырнула в гущу тайги.

Мы ехали в бригаду Григория Запорожца, в ту самую, что отсыпает полотно дороги.

«Уазик» как-то неуверенно остановился.

— Кажется, здесь, — сказал Володя.

Мы вышли из машины. Никаких признаков поселка. Темная таежная чащоба и мерцание звезд вверху.

— Да ты не ошибся ли?

Володя молча пошел по дороге. Мы за ним. Метров через двадцать открылась вся изрытая, изжеванная колесами тяжелых автомобилей поляна. Широкие следы трайлеров, рубчатка гусениц, мазки полозьев сворачивали на дорогу, уходили на запад.

Наш шофер молча вернулся в «уазик», достал термос с кофе. Мороз усиливался. Слышно было, как шелестит дыхание. Мы тоже сели в машину.

— Что же теперь?

Володя сумрачно усмехнулся.

— От Тынды — если по прямой — мы отъехали километров сто. А если по спидометру, — он взглянул на прибор, — то все четыреста. До Чары осталось — если по карте — то километров пятьсот. А если по дороге, — он посмотрел сквозь лобовое стекло, — то, может быть, тысяча. А у нас бензину километров на двести.

— Запорожец со своим хозяйством двинулся на запад, к Чаре. Один выход — его догнать!

Володя завинтил термос и молча погнал машину вперед. Звезды ударили в лобовое стекло.

На БАМе ничто не стоит на месте. Здесь жизнь как бы пульсирует. И чтобы найти человека, мы уже убедились, приходится гнаться за ним. Ну что ж, опять в погоню?.. А если Запорожец оторвался от нас более чем на двести километров?

Через час езды дорога вдруг раздвоилась. Правая лезла на сопку. Левая падала куда-то в черную пустоту. Левая показалась нам более наезженной, и мы полетели по ней.

Река, подъем; река и снова подъем. Дорога на глазах паршивела, сужалась, пока не превратилась в один единственный след. Володя вывернул по нему вправо, и наш «уазик» влетел в сползающее по склону горы зеленое озерцо. Только не вода была в том озерце, а дышащее, парящее, ледяное

месиво, которое с шорохом, медленно текло куда-то вниз, в темноту. Машину развернуло боком и поволокло вместе с этим движущимся зеленым студнем.

— Наледь!

Мы много слышали об этом страшном и коварном враге — наледях, но столкнулись впервые.

Володя включил передний мост, осторожно попробовал, рванул, и мы буквально выскочили из зеленой сочащейся каши, обогнули дерево, снова попали на автомобильный след и по нему осторожно стали спускаться вниз.

И вдруг перед нами открылось фантастическое зрелище: глубоко под нами, празднично сияя огнями, стоял пассажирский поезд. Этого не могло быть. Откуда здесь поезд? Да тем более пассажирский! Но тем не менее это было.

Мы осторожно скатились вниз, выскочили из «уазика».

Вблизи поезд имел еще более праздничный вид. На обшивке вагонов были нарисованы ордена, которыми награжден комсомол, схема Байкало-Амурской магистрали, написаны лозунги. И самый крупный: «Наш путь — на Чару!»

— Поезд Валентина Шпенькова — самой знаменитой бригады БАМа, — сказал Володя. — Повезло, что поехали не по той дороге, — сумрачно добавил он.

„БРОНЕПОЕЗД“

С подножки спустился и прыгнул на снег заросший красной бородой, громоздкий, медвежеватый мужчина в сером свитере, поздоровался, поочередно захватывая наши ладони в свои огромные теплые лапы.

— Добро пожаловать, — сказал он. — Я комиссар «бронепоезда», Юрий Ильич Подольяк. — Он покосился на вагоны, усмехнулся. — Конечно, это никакой не бронепоезд. Но все почему-то наш состав именно так зовут.

По груде мерзлых, скользких, приготовленных для топки

сахарных чурок мы добрались к вагону, поднялись и минут через десять уже чувствовали себя как дома, расспрашивали, рассказывали и пили чай.

Юрий Ильич провел нас по всему «бронепоезду», и мы увидели блистающие чистотой купированные вагоны, где живут члены бригады, агитвагон, библиотеку, кинозал, дискотеку, столовую, баню, мастерские, штабной вагон.

Мы собрались сесть и порасспросить о жизни «бронепоезда», но Юрий Ильич только засмеялся.

— Нас не расспрашивать надо. Надо нашей жизнью пожить. Вы приглашены на праздник, — объявил он. — Прошу за мной!

Мы прошли за ним в дискотеку, которая была уже полным полною народу: юные лица, праздничные костюмы, галстуки, отливающие матовым лоском туфли... Мы невольно глянули друг на друга, на наши свитера, на разбитые валенки, глянули и полезли за спины, в угол. Мерцали светильники. В одном торце вагона за барьером было возвышение для диск-жокея и музыкальной аппаратуры, в другом — бар.

— Друзья! — сказал в микрофон кудрявый парень, диск-жокей. — Сегодня у нас событие. Сегодня день рождения у Виктора Сидорова. И в честь его дискотека...

Высокий, широкоплечий молодой человек поднял руку, требуя внимания. Все смолкли.

— Хочет сказать Валентин Шпеньков, наш бригадир, — торопливо объяснил кудрявый.

— Жил на свете молодой художник, — неторопливо и негромко произнес Шпеньков. — Он приехал посмотреть на Сибирь, на нас. Приехал и не уехал. Остался. И стал в нашей бригаде монтером пути. Я рад, что сегодняшней вечер мы посвящаем прекрасному бамовцу, отличному художнику, чьими трудами наш «бронепоезд» обрел этот праздничный вид. — Шпеньков сделал жест рукою, и все невольно посмотрели на мерцающие светильники, колеблющиеся

желтые шторы, на повешенные между окнами живописные, изображающие сибирскую природу, панно. — Имениннику ура! — махнул рукою Шпеньков.

Грянуло «ура», загрохотала современная музыка. Хлопнула пробка. Сияющий Виктор Сидоров стоял с бутылкой брызнувшего шампанского.

Среди шума, криков, грохота музыки возник вдруг юноша в полушубке. Черная борода его была в инее, лицо бледно. Он шагнул к магнитофону, нажал на клавишу — музыка оборвалась. Танцующие в недоумении остановились.

— Укладчик сошел с рельсов, — сказал он тихо.

Все замерли. Лишь было слышно, как у Виктора Сидорова льется из бутылки на пол шампанское.

— Так? И что? — тягуче спросил Шпеньков. Толпа раздалась, и он стоял один посреди вагона.

— Укладчик сошел с рельсов, — почти шепотом повторил юноша.

— Ты зачем пришел? Сообщить нам об этом? — щурясь, спросил бригадир. — Укладчик сошел — что надо делать?

Юноша молчал, опустив глаза.

— Почему ты здесь? А не там, где твои люди?

Помедлив, Шпеньков подошел к магнитофону и вдавил клавишу. Грохот музыки затопил вагон. В нерешительности помешкав, танцующие снова пришли в движение.

Юноша стоял в задумчивости. Очевидно было, что он не слышит музыки, не видит танцующих. Лицо его вдруг передернулось. Он рванул дверь и вышел, впусив облако морозного пара.

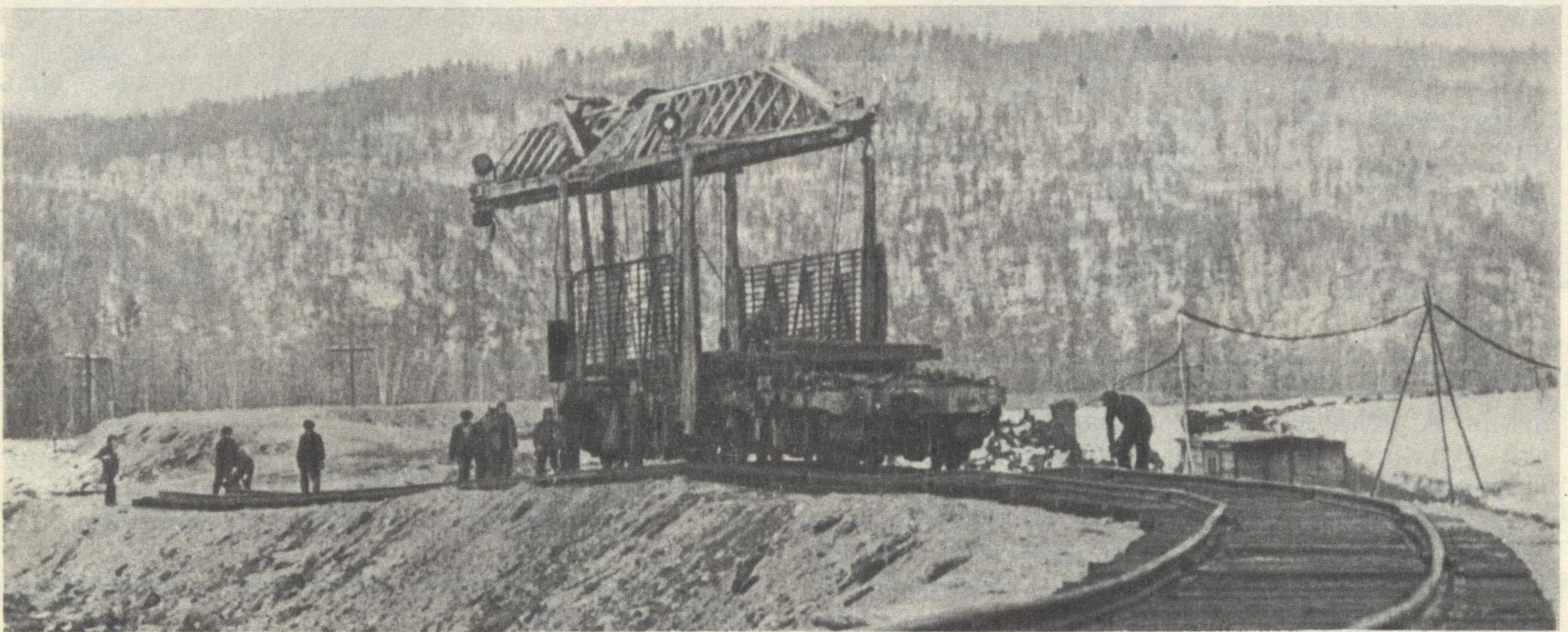
Шпеньков, посмотрев ему вслед, с непроницаемым лицом отошел к стене.

Мы прильнули к окну. От поезда по сыпучему снегу в морозную ночь бежал человек.

Герман БАЛУЕВ,
Александр ГОСТОМЫСЛОВ
Рисунки Д. Титова

Окончание следует

ПЯТИЛЕТКА В ДЕЙСТВИИ

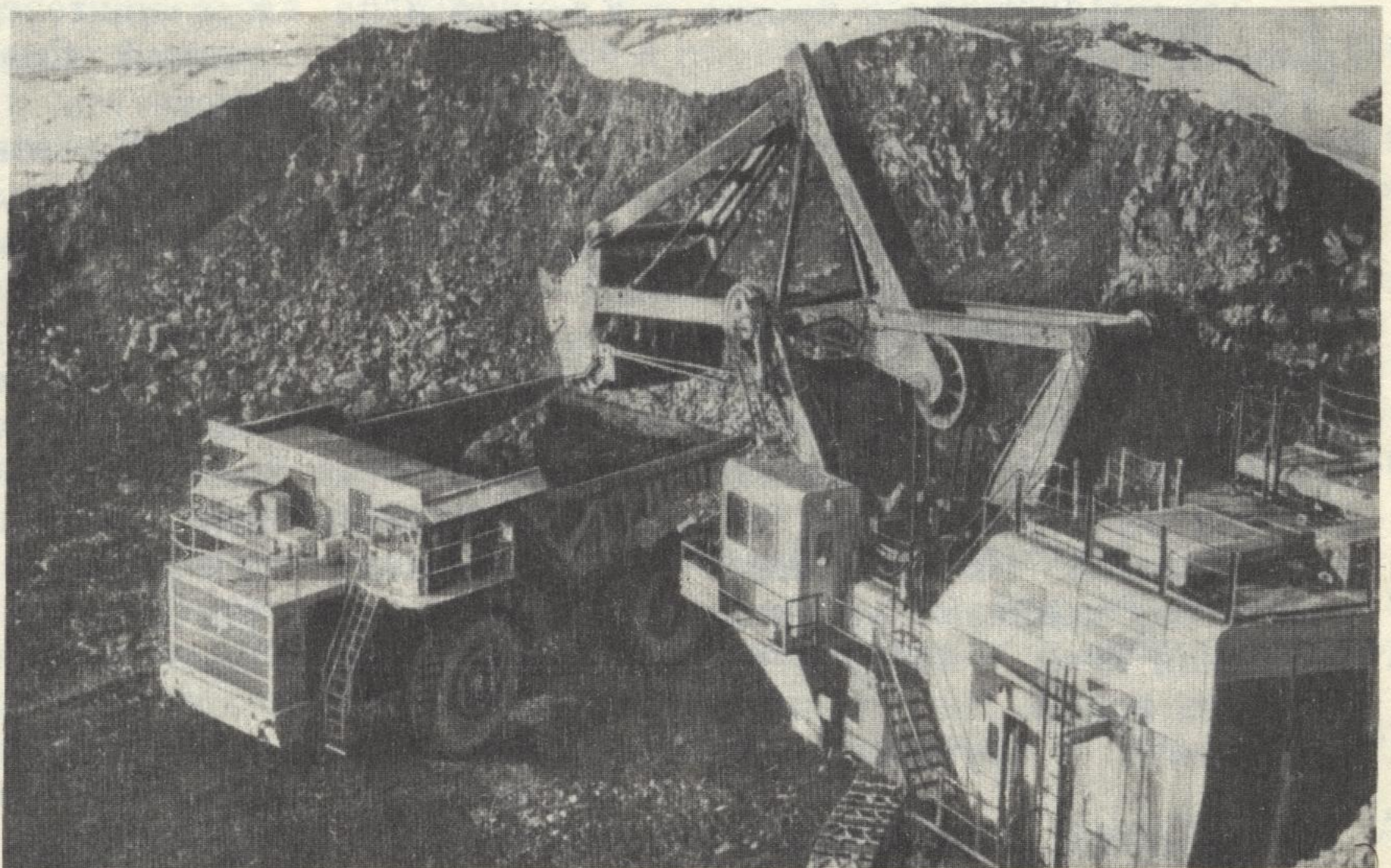

Быстро, ускоренными темпами развивается экономика Сибири. Геологи изучают новые месторождения угля, нефти, газа. Путьцы прокладывают новые дороги. Строители возводят заводы и города.

Идут на вахту монтеры пути знаменитой бригады Валентина Шпенькова (третий слева). Они ведут укладку пути от Тынды на запад к поселку Чара. Там соединятся западный и центральный участки БАМа.

Все дальше и дальше уходит путеукладчик через мари и тайгу, через мосты, сквозь тоннели... Следом идут рабочие поезда, а потом открывается постоянное движение.

Одна из больших удач геологов — богатый пласт угля в Южной Якутии, в Нерюнгри. Его добывают открытым способом. Тут работают мощные машины и опытные водители.

НА АПТЕКАРСКОМ ОСТРОВЕ

Н. ФЕДОРОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. Слепкина

— Здравьте, Гертруда Викторовна, — сказал Клочик, когда мы вошли. — Что-то мы с Лехой того, заболели. Ломает, прямо сил нет.

— Так сразу вдвоем и заболели? — недоверчиво спросила врачиха.

— Ага, — сказал Клочик, — сразу вдвоем. У меня вчера, понимаете, день рождения был, ну вот мы и отметили. Мороженого грамм по триста срубали, лимонаду из холодильничка. Ну, а потом прогулка на свежем воздухе. А сейчас к вечеру бывает так подморозит — ой-ой-ой!

— Мы бы, конечно, потерпели, — сказал я. — Но коллектив не хочется заражать, эпидемии разводить.

Врачиха вынула из стакана деревянную палочку и, направив на нас лампу, осмотрела наши горла.

— Все совершенно чисто, — сказала она. — Но у тебя, Нечаев, выпала пломба. А у тебя, Клочиков, два очень плохих зуба. Сейчас я выпишу вам направления, и после уроков обязательно пойдете в стоматологическую поликлинику.

Да, такое начало не предвещало ничего хорошего. Уж лучше десять контрольных, чем один зубной врач.

— Гертруда Викторовна, — не растерялся все-таки Клочик, продолжая гнуть свою линию, — вы пока пишите, нам бы температуру померить. Худо совсем.

Врачиха поставила нам градусники и, бросая на нас бдительные взгляды, застрочила направления. А я сидел и уже совершенно ясно понимал, что дурацкая затея с натиранием провалилась. Потому что никакой доменной печи у себя под мышкой я не чувствовал. Моя догадка оправдалась полностью. Через пять минут со словами: «Марш на урок, симулянты!» врачиха вытолкнула нас за дверь. Тут же и звонок на урок прозвенел.

— Трепло! — сердито бросил я Клочику и направился в класс.

Трубадур уныло поплелся следом за мной, на контрольную.

Когда я прочитал условие задачи, то мне показалось, что нечто похожее я уже встречал. «Так, так, так, — сказал я сам себе. — Главное — без паники. Может, еще и выплывем».

И только я по-настоящему задумался над первым действием, как ощутил под мышками легкий зуд и еле заметное жжение. Поначалу я не обратил на это внимания и продолжал думать над задачей. Но уже через несколько минут у меня под мышками начался настоящий пожар. Доменная печь, о которой твердил Клочик, разгоралась вовсю. Ни о какой задаче я больше не мог думать. Я крутился, извивался, хлопал, как

крыльями, локтями, тряс рубашку и дул себе за воротник. С Клочиком происходило то же самое!

— Нечаев, Клочиков, вы чего дергаетесь как ненормальные? — строго спросила Елена Алексеевна, заметив наши странные ужимки.

Еще через несколько минут я не выдержал, встал и сказал:

— Елена Алексеевна, можно выйти?

— И мне! — вскочил Клочик.

— Да вы что?! У нас, кажется, контрольная идет.

— Очень надо! — сказал Клочик и, схватив себя за курточку, начал ее трясти, будто ему душно было.

В классе раздался смех,

— Что ж, идите, — сказала учительница. — Но имейте в виду: до конца урока осталось десять минут.

Мы пулей вылетели из класса и бросились в уборную. Там, сорвав с себя одежду, мы как одержимые, принялись отмывать проклятую соль.

— Эх, досада! — говорил Клочик, поливая себя водой. — Такая температура — хоть чугунок выплавляй! И все насмарку!

Когда мы вернулись в класс и сели за парту, я уже точно знал, как решить задачу. Наверное, первый раз в жизни мне ужасно хотелось, чтобы урок потянулся подольше. Но тут прозвенел звонок.

Глава 10.

КЛОЧИК РАССКАЗЫВАЕТ

— Графиня во всем призналась, — торжественно изрек Клочик.

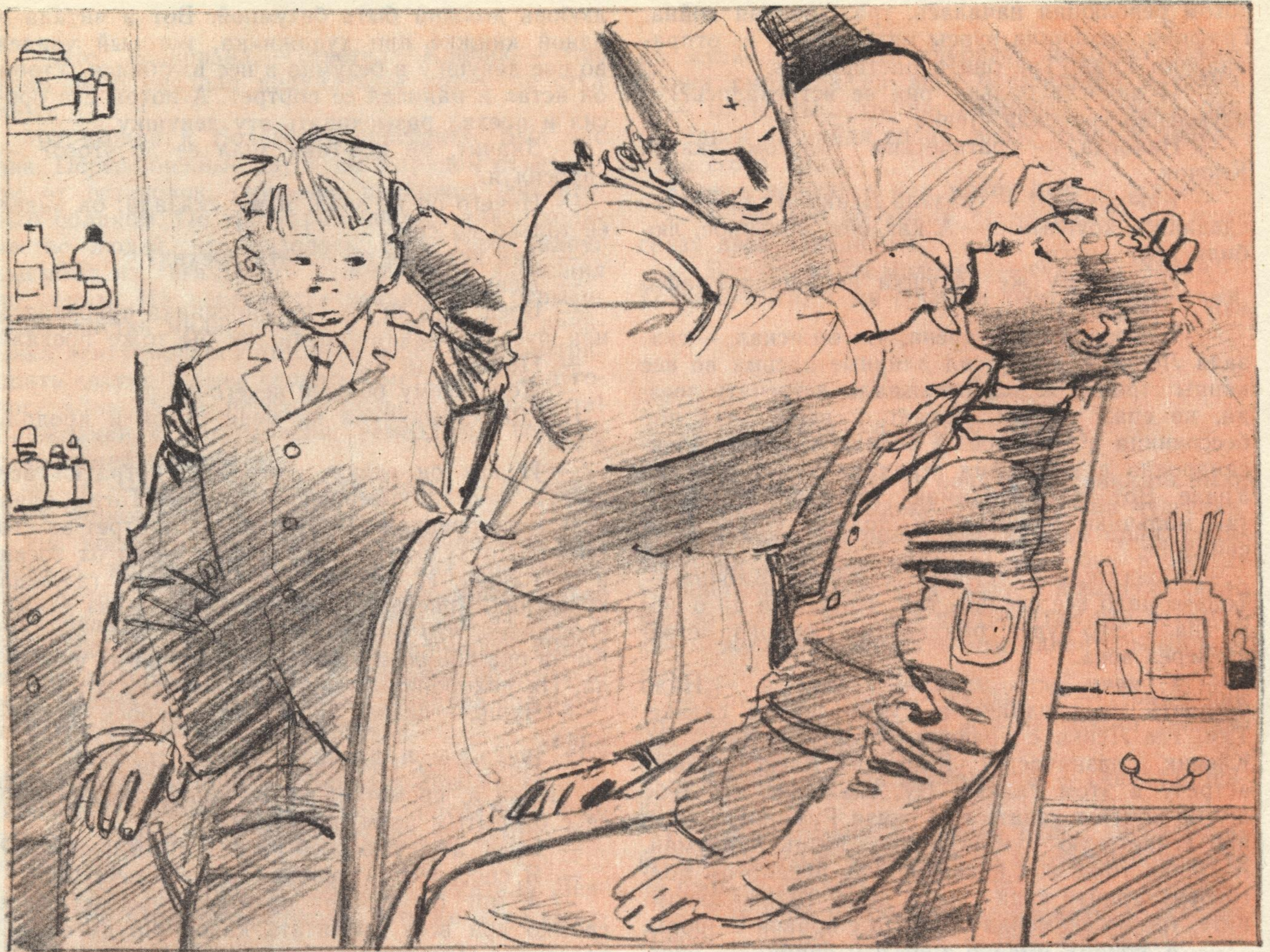
Мы стояли на набережной около памятника Крузенштерну. Вечер был тихий и уже полетнему теплый. Солнце навалилось на крышу Горного института, и в Неве дрожали фиолетовые блики.

— Да говори же ты, — нетерпеливо сказала Ленка, и мы невольно придвинулись к Клочику. Даже бронзовый Иван Федорович с любопытством наклонил голову, желая, наверное, узнать, в чем призналась Графиня.

— Жуткое дело, — сказал Клочик. — Только я ей намекнул, что мы в твоём альбоме видели одну очень-очень загадочную фотографию, как она сразу меня за стол усадила, достала банку с клубничным компотом — ух, вкусно! — и все-все рассказала. В общем, твой дедушка и Графиня были близко знакомы.

— Как здорово! — Ленка захлопала в ладоши. — Значит, у них любовь была?

— Ну, этого я не знаю. Про это мне ничего не говорили. Но они встречались. Факт.

— А почему дедушка скрывает, что знал Графиню? — спросил я.

— Да ничего он не скрывает, — сказал Клочик. — Все очень просто: у Графини раньше другая фамилия была. Крылова. А Веревкина она по мужу, которого на войне убили.

— Но ведь мы Ленкиному дедушке ее имя и отчество говорили? А он все равно не вспомнил?

— Ну, а если я у Лены спрошу, кто такой Алексей Александрович, она скажет? А ведь это, между прочим, ты. Вот и дедушка звал тогда Графиню просто Клава. Она ж не намного старше Лены была.

И тут я вдруг понял, какая огромная пропасть времени отделяет нас от тех событий! Просто Клава. Я знал, что Графине очень много лет, видел в ее альбоме фотографию, где она стоит в коротком платье, держа в руках смешной матерчатый зонтик с кружевами, но как-то совсем не связывал эту фотографию с Клавдией Александровной Веревкиной, Клочиковой старушкой-соседкой. Мне казалось, что она всегда была такой вот маленькой, худенькой и седой, так похожей на графиню из «Пиковой дамы». А ее детство представлялось чем-то сказочным, не бывшим в действительности. Об этом детстве можно было вспомнить и поговорить, посмотреть фотографии, как можно вспомнить о давно прочитанной книге с картинками. А сейчас я вдруг ясно

осознал, что Графиня когда-то была такая же как Ленка, прыгала через скакалку, играла в куклы и плакала, когда ребята вроде нас с Клочиком дергали ее за косу.

— Витя, но почему же они расстались? — спросила Ленка и тут же сама себе ответила: — А, понимаю. Наверное, дедушку срочно взяли на войну, потом ранение, госпиталь. Они ищут друг друга, пишут письма, страдают, но все напрасно.

— Вот те на! — Клочик удивленно захлопал глазами. — Откуда ты все знаешь?!

— Ничего я не знаю, — сказала Ленка. — Я так думаю. А что, угадала?

— В общем, да. Последний раз они виделись на выпускном бале в гимназии у Графини. Столько лет прошло, а она мне все рассказала, будто это вчера было! И какие ей твой дедушка цветы подарил, и как они танцевали. Она говорит, у них военный оркестр был приглашен, и в тот вечер все «Амурские волны» играли. Тогда этот вальс жутко модным был. А на следующий день они в Ботанический сад собирались.

— В Ботанический?! — вырвалось у меня.

— Ну да. Только в сад они не пошли. На другой день дедушку забрали в армию и сразу на фронт отправили.

— Постой, Клочик. Но когда же это все было? В каком году?

— Весной тысяча девятьсот семнадцатого. А

потом революция началась, гражданская война. Графиня закончила курсы медсестер, и ее отправили на Урал. Так они и растерялись.

— И никогда больше они не встречались?! — изумленно спросила Ленка.

— Никогда, — трагическим голосом сказал Клочик.

— Какой ужас! — сказала Ленка, и глаза у нее сделались круглыми. — А как они, наверное, любили друг друга!

— Но почему же дедушка не нашел Графиню? — спросил я.

— Я совершенно уверена, что он искал, — сказала Ленка. — Он писал длинные письма во все концы страны, ходил на вокзалы встречать поезда, не спал ночами. Может, у него с тех пор бессонница и осталась. А бедная Клавдия Александровна в это время страдала там у себя на Урале. Вот это я понимаю трагедия! В общем так, мальчики, я считаю, мы должны устроить им свидание.

— Обязательно устроим, — сказал Клочик. — Только надо все сделать так, чтобы они ни о чем не знали. Это будет грандиозный сюрприз: встреча через века.

— У меня есть план, — сказал я. — Надо устроить им свидание в Румянцевском садике. Там, где Ленка с Графиней познакомилась. Ты, Клочик, назначаешь Клавдии Александровне встречу в этом садике. Ну, скажешь, что тебе жутко хочется узнать про князя Румянцева. Или про египетскую мумию — что хочешь придумай. А Ленка тоже под каким-нибудь предлогом подговорит прийти туда своего деда. Только запомните: третья скамейка от входа с правой стороны.

— А почему именно третья и справа? — спросил Клочик.

— В том-то и весь фокус. Рядом с этой скамейкой стоит деревянная будка. Там дворники держат грабли, метелки, скребки. Мы туда заберемся и через щель все увидим. А если мы вместе с ними будем, то никакого сюрприза не получится.

— Но ведь подсматривать нехорошо, — сказала Ленка.

— Нехорошо, — согласился я. — Но мы же только чуть-чуть. Посмотрим, как они друг друга узнают, и уйдем потихоньку.

— Я согласна, — сказала Ленка.

— И я согласен, — сказал Клочик. — Это будет свидание века! А сейчас предлагаю сходить в мороженицу. У меня есть рубль. Лен, хочешь мороженого?

Ленка закатила глаза и вздохнула:

— Вообще-то, я бы лучше выпила шампанского. Но раз у тебя только рубль... Ладно, давай мороженое.

Глава 11.

ТРУБАДУР БЕЗУМСТВУЕТ

Когда мы уже доедали вторую порцию, Ленка сказала:

— И все-таки, мальчики, что ни говорите,

любовь должна быть безумной. Вот я читала в одной книжке про художника, который увидел во сне девушку и безумно в нее влюбился. Утром он встал и написал ее портрет. А потом все бросил и поехал разыскивать эту девушку.

— Значит, он все-таки знал ее до этого? — спросил я.

— Ничего он не знал. Я же сказала: он видел ее только во сне.

— Так кого же он искать поехал?

— Девушку.

— Бред. А если бы ему марсианка приснилась или русалка какая-нибудь, он бы тоже поехал?

— Поехал бы.

— Делать ему больше нечего было.

Но Ленка махнула на меня рукой и продолжала:

— И так он ездил много лет, истратил все деньги и стал совершенно нищим. Тогда один вельможа предложил ему продать портрет за сто тысяч. Но художник отказался и умер от тоски и от голода. И тут сразу в гостиницу, где жил художник, приехала девушка, которую он искал. Оказалось, что она тоже много лет его искала. Когда она обо всем узнала, то приняла яд и умерла. Их похоронили вместе, на высоком холме.

— Чушь, — сказал я. — Сама небось придумала.

— Ничего ты, Нечаев, не понимаешь, — сказала Ленка и, посмотрев на Клочика, слушавшего ее с открытым ртом, добавила:

— Витя, а ты способен на безумный поступок?

— Я способен, — хрипло сказал Клочик.

— А мог бы ты вот прямо сейчас встать и громко при всех прочитать какое-нибудь стихотворение? Про любовь?

Безумный Клочик, не долго думая, поднялся и уже было раскрыл рот. Потом, решив, наверное, что так его будет плохо слышно, вскочил на стул.

— Стихотворение! — диким голосом выкрикнул он.

Люди в кафе с любопытством повернули головы в нашу сторону. А Клочик вдруг замолчал, мучительно что-то соображая. Потом нелепо взмахнул рукой и крикнул:

— Утопленник!

Послышался смех, со звоном упала чья-то ложка, я потащил Клочика за штанину, но он взбрыкнул, и со стола полетела розетка с недоеденным мороженым.

— Прибежали в избу дети! — уже падая, закричал мой трубадур. Какой-то мужчина подхватил его на руки, нас окружили, послышались голоса: «Чей это мальчик? Он болен. Надо сообщить родителям!»

— Товарищи! — закричал я, протискиваясь к Клочику. — Это мой мальчик! Сейчас я отведу его домой, не волнуйтесь. У него свинка.

Я схватил Клочика за плечо и потащил к выходу. Ленка побежала за ним. Когда мы были уже далеко от мороженицы, она сказала:

— А ты молодец, Витя. Не испугался. Только ведь я просила тебя про любовь, а не про утопленника.

— Не сообразил, — ответил Клочик. — Мне надо было сначала подумать, а потом на стул лезть.

Мы вышли к Большому проспекту. Был час пик. Переполненные автобусы с трудом отъезжали от остановок, окутывая прохожих фиолетовым облаком. По тротуарам несло такое количество людей, что казалось, весь город вдруг высыпал из гигантского кинотеатра и заспешил по домам. На перекрестке раздавались отрывистые свистки милиционера, а из огромного динамика агитационного автобуса через каждые тридцать секунд гремел сердитый металлический голос: «Закончили переход Большого проспекта! Гражданин с контрабасом, немедленно сойдите с проезжей части!»

— Ой! — вдруг вскрикнула Ленка. — Я забыла в мороженице варезки.

Ну, конечно, этого было достаточно для Клочика. С криком «Я мигом!» он, как гончая, кинулся через дорогу. Но успел добежать только до середины. Милиционер схватил его за руку и принялся что-то сердито ему выговаривать. Потом к ним подошел мужчина с повязкой общественного инспектора ГАИ и, взяв трубадура под руку, повел к агитационному автобусу.

— Влип трубадур, — сказал я. — Сейчас ему будут читать лекцию о правилах дорожного движения. И в школу могут бумагу прислать. А ведь это ты, Ленка, все время его с панталыку сбилаешь.

— Тебя, конечно, не собьешь, — сказала Ленка. — Ну, что же ты стоишь. Его же надо выручать.

Дождавшись зеленого, мы перешли улицу и направились к автобусу, на крыше которого был прикреплен плакат, призывающий к соблюдению правил дорожного движения. И вот тут случилось невероятное! Над мигающим разноцветными огнями проспектом, над головами спешащих людей вдруг зазвучал взволнованный, прерывающийся голос Клочика, многократно усиленный могучим, похожим на колокол, динамиком: «Мне вас не жаль, года весны моей, протекшие в мечтах любви напрасной», — звенел голос трубадура. И мне вдруг показалось, что все вокруг на какое-то мгновение остановилось: изумленно застыли люди на тротуарах, остановились машины и автобусы, замер длинный, переполненный трамвай, так и не успев проехать перекресток. «Мне вас не жаль, о таинства ночей...» — несло из динамика, и улица, позабыв, что ей все время надо двигаться, молча и неподвижно слушала.

Потом голос оборвался, и все вокруг снова задвигалось, зашумело, словно кто-то заново включил остановленную кинолентку.

Из агитационного автобуса два парня с красными повязками вытащили сияющего Клочика.

— Во, псих, — сказал один из парней. — Что теперь с ним делать? Сдадим в детскую комнату?

— Да не стоит, — сказал другой. — Заучился, видно, студент. У них теперь в школе такая программа, что свихнуться недолго. Пусть домой идет.

Дружинники отпустили Клочика, и смущенный,

но жутко довольный трубадур подошел к нам. Ленка смотрела на него блестящими глазами.

— Витя, ты... ты настоящий... — начала она, но, так и не найдя слова, вдруг взяла и поцеловала его в щеку.

Клочик вспыхнул как маков цвет и сказал:

— Я бы все до конца прочитал, да на меня сразу двое навалились.

— Все равно ты молодец, — сказала Ленка. — Только, Витя, я же послала тебя за варезками.

Глава 12.

СВИДАНИЕ ВЕКА

За двадцать минут до начала свидания мы были в Румянцевском садике. Погода была чудесная. Солнце золотило бронзовые крылья орла, сидящего на макушке обелиска, воробьи в кустах устроили невообразимый гвалт, а в воздухе пахло чем-то очень свежим и чистым, так что хотелось как можно чаще вдыхать этот удивительный воздух.

— Вот она, будка, — сказал я. — Прямо как по заказу стоит. Мы из нее не только увидим, мы и слышать все будем.

— Ребята, но она же закрыта! — сказала Ленка.

И действительно, на двери будки висел большой ржавый замок. Этого я совсем почему-то не ожидал. А ведь надо было!

— Вот и посмотрели свидание века, — сказала Ленка скисшим голосом. — Что же делать? Не под скамейку же, в самом деле, нам забираться.

— Пустяки, — сказал Клочик. — Сейчас я домой сгоняю, притащу ломик. В два счета все откроем.

— Спокойно, трубадур, не горячись, — сказал я. — Никаких взломов и взрывов. Доставайте-ка ключи от дома. Сейчас мы эту старую рухлядь быстро откроем.

Но ни один ключ не подошел. Потом я попробовал Ленкину шпильку, Клочиков перочинный ножик и большой ржавый гвоздь, валявшийся тут же. Но проклятый замок не поддавался. И вот когда мы уже думали, что все пропало, Ленка вдруг сказала:

— Ну-ка, мальчики, отойдите.

Она взялась за ручку, слегка дернула, и дверь со скрипом открылась! Я чуть не завыл от досады и стыда. Оказалось, что дверь была просто не заперта, а замок висел на одной скобе. Для балды, что называется.

В будке пахло кошками и нагретой пылью. Мы устроились на каком-то ящике и приготовились. Через большую, в три пальца шириной, щель нам было все отлично видно.

Принято считать, что на свидания всегда опаздывают женщины. Но на этот раз первой на горизонте появилась Графиня. Она неторопливо подошла к скамейке, аккуратно присела на краешек и, достав из сумочки сухарь, принялась рассеянно кормить птиц, которые будто только ее и ждали. А через пять минут на дорожке сада

появился дедушка. Мы затаили дыхание. Наступал критический момент свидания века. На дедушке был длинный темно-серый плащ-реглан, широкополая шляпа и в руках большой черный зонт. Вдруг мы с ужасом увидели, что он повернул не налево, как было предусмотрено нашим планом, а направо. Неужели все пропало! К счастью, оказалось, что дедушка просто решил сделать круг. Через несколько минут он уже подходил к скамейке, где сидела Графиня. Мы замерли. Дедушка неторопливо приблизился, рассеянно скользнул взглядом по Клавдии Александровне, потом уселся в метре от нее и развернул газету. Графиня подняла голову, вздрогнула и вдруг вся напряглась, будто внутри нее сработала какая-то пружина. Сухарь выпал у нее из рук, и она судорожно вцепилась в сумочку, неотрывно глядя на дедушку. А тот, как ни в чем не бывало, продолжал читать газету и даже чему-то улыбался. И вот в этот момент Ключик, видно наглотавшись в нашем сарае пыли, чихнул, громко и надрывно!

— Будьте здоровы! — сказал дедушка, подняв голову.

— Спасибо, — рассеянно ответила Графиня. — Но я не чихала. — И оба беспомощно огляделись по сторонам.

— Да? А мне показалось, вы чихнули. Простите, ради бога.

Тут из-под скамейки вдруг выскочил огромный

черный кот. Голуби и воробьи, клевавшие Графинин сухарь, в панике взмыли вверх.

— Ах, вот, оказывается, кто чихал, — сказал дедушка, смеясь. — Никогда бы не подумал, что коты могут так громко чихать.

— Я бы тоже никогда не подумала, — тихо сказала Графиня и грустно опустила голову.

— Вот вы лучше послушайте, что пишут эти, так называемые, синоптики, — сказал дедушка и с негодованием ткнул пальцем в газету. — Во второй половине дня дождь, возможен с грозой. Я надеваю плащ, беру с собой зонт, а на небе ни облачка. Ну, да бог с ними. Бумага все терпит. Тут еще есть прелюбопытнейшая статья. Вы знаете, отчего, оказывается, вымерли динозавры?

— Динозавры? Разве они вымерли? — спросила Графиня, не понимая видно, о чем он толкует.

— Подчистую, — сказал дедушка.

— И давно?

— Порядком. Шестьдесят пять миллионов лет назад. Оказывается, на Землю упала огромная комета. И так разогрела океан, что на Земле стало как в хорошей парилке. Ну, они все от жары и скончались.

— Какой ужас, — тихо сказала Графиня, и мне показалось, что она вот-вот расплачется.

— Да, хорошенького мало, — сказал дедушка. — Но есть и другая гипотеза. Резкий скачок

магнитного поля. Представляете, полюса вдруг в один прекрасный день взяли и поменялись местами. Ну а динозавры...

Но договорить он не успел. Графиня резко встала и быстро, не оглядываясь, пошла к выходу. Дедушка удивленно посмотрел ей вслед, и в лице его что-то дрогнуло. Он тоже встал и сделал несколько неуверенных шагов вслед за Графиней. Потом остановился, и газета выпала у него из рук. Вдруг совершенно неожиданно дунул сильный упругий порыв ветра, стремительно швырнув газету вглубь сада. В одно мгновение небо потемнело, будто на него легла чья-то тень, потом грохнул оглушающий раскат грома. А вслед за ним на землю стремительно полетели тяжелые капли, поднимая с земли облака пыли. Дедушка продолжал потерянно стоять на дорожке сада. В одну секунду он был совершенно мокрый. А нераскрытый зонтик так и лежал на скамейке.

— Он не узнал ее, не узнал! — говорила Ленка. И в глазах у нее стояли слезы.

Глава 13.

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ НА БЛЮДЕ

На этот раз Клочик и вправду превзошел самого себя: фотографии получились приличные. Во всяком случае, глядя на них, было ясно: это — Клавдия Александровна. Это — Ленка, а это — я. И даже чайник, стоявший на столе, нельзя было спутать с газовой плитой или с умывальником. И я, честно говоря, пожалел, что во время съемок корчил рожи, думая, что ничего путного не выйдет.

— Леха, ты на эту, на эту карточку погляди, — говорил Клочик, бледный от гордости. — Хоть в «Огонек» для обложки посылай.

На фотографии, про которую он говорил, Ленка тащила в рот ложку с вишневой ягодой, искаса поглядывая на камеру и тихонько улыбаясь. Ни меня, ни Графини в этом кадре не было.

— Успел-таки отдельно щелкнуть, — сказал я.

— Успел, — ответил довольный Клочик. — Эх, увеличить бы ее тридцать на сорок! Во, был бы портретик. Да жаль, у меня бумаги такой нет.

— А ты в фотоателье снеси. Благо что ходить далеко не надо. Там тебе хоть метр на метр сделают. А потом можешь на крыше его устанавливать. Вроде транспаранта.

— Ну, кто же мне даст портрет на крыше поставить, — сказал Клочик, будто я ему всерьез такую чушь предлагаю.

— Тогда у нас в классе приколоты. Между портретами Льва Толстого и Софьи Ковалевской.

— Не то. А что если... — Клочик вскочил со стула и запрыгал как ненормальный. — Придумал. Колоссальная мысль! Витрину в нашем фотоателье помнишь?

— Ну, помню.

— Там кто висит? А? Моряк с висячими усами висит. Первоклашка какой-то прилизанный с букварем и девица рыжая с выпученными глазами.

И висят они там, наверное, сто лет. Как себя помню, они там висят.

— Уж не хочешь ли ты... — начал я, не поверив своим ушам.

— Ну, конечно! — перебил меня Клочик. — Ты только представь: идет Ленка утром в школу и вдруг видит на витрине свой портрет! Ух, что будет!

Клочик даже зажмурился от удовольствия.

— Бред, — сказал я. — Никто Ворожеву на витрину не повесит.

— Ну почему не повесят. Сам ведь говоришь, что карточка хорошая. Ее только увеличить надо. Да чего гадать — пошли и проверили!

Я понял, что безумная любовь требует безумных идей и что спорить с трубадуром бесполезно.

В ателье было совершенно пусто. Лишь за столом дремал старичок-приемщик, а из глубины помещения доносились вопли какого-то малыша. Когда мы подошли к столу, старичок пробудился и взял ручку:

— На документы? На паспорт? Или художественный портрет желаете заказать? Можем даже на тарелочках.

— Нет, нет, мы не фотографироваться, — сказал Клочик. — Мы бы хотели поговорить с фотографом. У нас к нему дело. Личное.

Старичок сразу потерял к нам интерес.

— Пройдите по коридору и подождите, пока мастер освободится, — сказал он, зевнул и снова закрыл глаза.

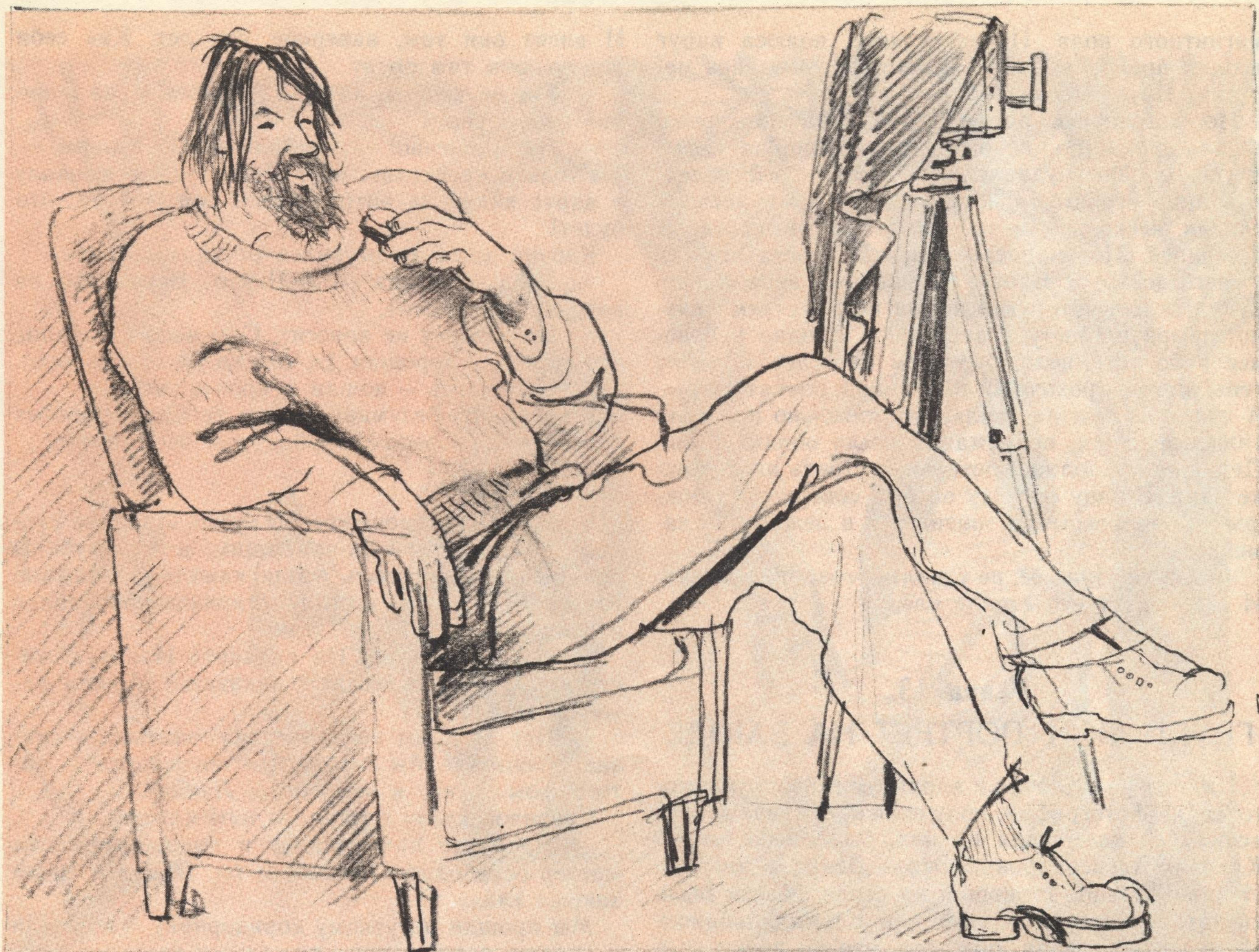
Мы прошли по узкому коридорчику и подошли к проему, завешенному тяжелыми черными шторами. Из-за штор неслись отчаянные крики малыша. Мы заглянули. В ярко освещенной комнате, на площадке, огороженной маленькими деревянными перильцами, стоял белобрый карапуз и отчаянно ревел. Рядом суетилась его мама, безуспешно пытаясь сунуть в руки малышу огромный разноцветный мяч. Напротив стоял высокий бородатый фотограф с длинными растрепанными волосами, чем-то похожий на постаревшего Д'Артаньяна.

— Мамаша, да успокойте же вы наконец ребенка! — кричал он, хватая себя за волосы. — У меня уже сил нет!

— Ах, товарищ фотограф, ради бога, простите, — отвечала женщина. — Он у нас почему-то ужасно боится брюнетов. Особенно бородатых. Вы знаете, в нашей семье все блондины...

— Что же, побриться прикажете?! Волосы выкрасить? Мальчик, да замолчи ты хоть на минуту! Посмотри в эту дырочку. Сейчас оттуда птичка вылетит. — И фотограф замахал своими длинными руками, изображая, наверное, как вылетит птичка. Малыш закричал с удвоенной силой.

Мы с Клочиком потихоньку продвинулись вглубь комнаты. Заметив, что малыш нас видит, я скорчил рожу и подмигнул ему левым глазом. А Клочик показал ему «козу». И до чего же удивительный народ эти маленькие! Не успела еще последняя пара слез скатиться с толстых щек малыша, а он уже не кричал. Будто кто-то нажал

кнопку и выключил звук. Тогда Клочик показал ему язык, а я подмигнул правым глазом. И малыш вдруг потешно засмеялся, сразу позабыв, что он боится бородатых брюнетов.

— Великолепно! — закричал фотограф и бросился к аппарату.

Через минуту он сердечно тряс наши руки, приговаривая:

— Вы спасли меня от инфаркта! Честное слово, эти дети когда-нибудь сведут меня в могилу.

— Пустяки, — отвечал Клочик, довольный, что все началось так удачно.

— Нет, нет, это не пустяки. Инфаркт — это очень серьезно. И потому я решил вас отблагодарить. Я сделаю ваши портреты на блюде. «Групповой портрет двух друзей на блюде». Гениально!

— На блюде? — удивленно переспросил Клочик.

— Да, да, именно на блюде! Впрочем, можно и на тарелочках. Так что, прошу садиться. Под лучи, так сказать, юпитеров.

— Нет, спасибо, — сказал Клочик. — Мы к вам совсем по другому делу.

— Жаль, — сказал фотограф. — И что за народ такой недалекий пошел. Все кричат — старина, «ретро», гоняются за бронзовыми канделябрами и медными самоварами, набивают плечи ватой и при этом совершенно забыли о старой доброй фотографии. Да что там блюдо — портрет

обычный заказать не желают. Паспорт и пропуск — вот и вся палитра.

— А мы к вам как раз насчет портрета, — сказал Клочик. — Вот у вас на витрине фотографии висят...

— Ну, висят. Бездарная, скажу вам, работа. Но их повесили еще до того, как я сюда пришел. Надо заменить, да руки не доходят.

— Конечно, заменить! — радостно подхватил Клочик и достал из кармана Ленкину карточку. — У нас как раз есть отличный портрет. Вы его только увеличьте, ну и подретушируйте, если нужно.

Фотограф мельком взглянул на карточку и обиженно отвернулся.

— Шутите. Тут и не видно ничего толком. Обычная любительская халтура.

— Как это, халтура? — оскорбился Клочик. — Да вы, пожалуйста, внимательно посмотрите. Все прекрасно видно! Даже чайник!

— Чайник, может, и видно, — сказал фотограф. — Но у нас же не магазин хозтоваров. Нет, нет, не выдумывайте. Давайте лучше я сделаю вас на блюде. Бесплатно. Поверьте моему слову, через год-два вам в очередь придется записываться, чтобы портрет на блюде заказать.

— Товарищ мастер! — занервничал Клочик. — Вы даже не представляете, какая это замечательная девочка! Отличница! В Греции два года жила!

— Ну и что. Я тоже пять лет жил в Кирово-Чепецке. Но это не дает мне оснований вывешивать свой портрет на витрине.

— Значит, вам фотография не нравится? — угрюмо спросил Клочик.

— Не нравится.

— А если я вам ее живую приведу?

— Кого?

— Ну, девочку эту. Повесите вы тогда ее на витрину?

— Живую?

— Ну, зачем. Вы сами ее портрет сделаете.

— Не знаю, не знаю. Надо посмотреть.

— Отлично! — сказал Клочик. — Мы будем у вас через полчаса. Ждите.

Когда мы вышли из ателье, я сказал:

— Ты что, рехнулся, трубадур? Ты давай безумствуй, но меру знай. Неужели и вправду собираешься тащить сюда Ленку?

— Конечно, — ответил Клочик. — Да фотограф как только ее увидит, так сразу и согласится. Факт!

— А если нет?

— Что нет?

— Если не захочет Ленку на витрину вешать? Ох, Клочик, худо тебе будет. Да Ворожева тебя на пушечный выстрел не подпустит.

Но я понимал, что спорить с Клочиком было бесполезно. Да и вообще, разве можно разговаривать с человеком, у которого чувства?

Ленку мы увидели, когда она выходила из парадной своего дома.

Заметив нас, она сказала:

— Хорошо, что я вас встретила. Просто не знаю, что с бабушкой делать. Ни с кем не разговаривает, на улицу не выходит и даже газет не читает. Мучается, прямо ужас. А как Клавдия Александровна?

— Болеет она, — сказал Клочик. — Грипп у нее.

— Никакой это не грипп, — сказала Ленка. — Это у нее на нервной почве. Витя, надо что-то придумать.

— Придумаем, — сказал Клочик. — Пошли, быстро!

— Куда?

— Да тут недалеко. В фотоателье.

— Это зачем еще?

— У меня там фотограф знакомый работает, — сказал Клочик. — Увидел он у меня твою карточку и говорит: вот, наконец, то, что я искал. Ты, говорит, обязательно мне эту девочку приведи. Я сделаю ее портрет и повешу на витрину. А то, говорит, такая там любительская халтура висит — смотреть тошно.

— А ты не врешь? — подозрительно спросила Ленка.

— Вот еще. Что мне делать больше нечего? Да ты вон у Лехи спроси.

— Все точно, — сказал я. — Он еще сначала на блюде хотел тебя сделать. А потом говорит: нет, говорит, такой портрет на витрине висеть должен.

— Но так сразу, — неуверенно сказала Ленка. — Мне же надо подготовиться...

— Ничего не надо, — сказал Клочик. — Главное — быть естественной. Пошли. Мастер ждет.

Через пять минут мы снова были в ателье. К счастью, посетителей там не оказалось. Фотограф сидел в кресле и ел бутерброд с сыром.

— Вот и мы, — сказал Клочик. — Как договорились.

Мастер поперхнулся и, отряхнув с бороды сырные крошки, пробурчал:

— Нет, дети все-таки сведут меня в могилу.

Потом он поставил стул на середину комнаты, усадил в него Ленку и включил прожектора. Походив вокруг и покачав головой, он сказал:

— Нет, не пойдет. Мало экспрессии.

— Как это мало! — взвился Клочик, еще не понимая, что он погиб. — Очень даже много.

— Не годится, — упрямо повторил фотограф, разглядывая Ленку будто рыбу в аквариуме. — Она, как бы это попроще сказать, неретроспективна. В лице не хватает ностальгического подтекста. Одним словом — нет, загадки. Ну, вы вспомните хотя бы Мону Лизу — это же тайна! Мистерия. А тут... тут все ясно. Так что, друзья, давайте-ка я лучше сделаю вас троих на одном блюде.

— Мне тоже все ясно, — сказала Ленка и встала. — Ты, Витя Клочиков, не безумный. Ты просто дурак. — И она выбежала из комнаты.

Клочик как ошпаренный побежал следом. Фотограф замахал руками:

— Куда же вы, куда?! Постойте!

Клочика я нашел во дворе. Он сидел на ящике и ковырял палкой в луже.

— И почему так странно выходит, — сказал он. — Когда очень хочешь сделать что-то хорошее, обязательно плохо получится.

Я не стал ничего ему говорить. Я просто сел рядом с ним на ящик.

Глава 14.

СЕРЕНАДА НА ВОЛЬНОМ ВОЗДУХЕ

Занятия в духовом оркестре проводились два раза в неделю по вторникам и пятницам. И каждый раз я с нетерпением ждал этих дней. Не только потому, что я очень полюбил свою альтушку, на которой мне так хотелось сыграть «Амурские волны». Просто я знал, что в эти дни домой я приду поздно и могу сразу, ни о чем не разговаривая, завалиться спать.

А дома у меня царил такая тишина, что хоть уши затыкай. Все вдруг стали ужасно вежливыми, тихими и чужими. В коридоре в углу появился огромный размеров вещевой мешок грязно-зеленого цвета. Всякий раз, когда я видел этот мешок, я почему-то вздрагивал.

В ту пятницу, возвращаясь из Дома пионеров, я увидел во дворе на скамейке знакомую фигуру трубадура.

— Поговорить надо, — сказал он.

Я сел рядом и положил на колени альт. Клочик долго молчал и наконец сказал:

— Вот, Леха, ты музыкант.

— Ну, в общем, да, — скромно подтвердил я.

— Согласись, музыка — это все-таки сила. Ты когда, к примеру, на своей альтушке играешь, у меня мороз по коже идет. А почему — черт его знает! Мне кажется, я звук вижу, который из твоей трубы выходит. Он, знаешь, такой синий и немного пушистый...

Клочик замолчал. Я хлопнул его по плечу и сказал:

— Давай уж, выкладывай, что задумал.

Клочик вынул из кармана листок бумаги и протянул мне:

— Читай. Это я из толкового словаря выписал.

Я взял листок и прочитал:

— СЕРЕНАДА. — В старой Италии и Испании песня трубадуров в честь возлюбленной, исполняемая под ее окном.

Ну, конечно! Мне стало совершенно ясно, куда клонит Клочик. Раз у человека чувства, он должен играть на трубе. И не где-нибудь, а под балконом возлюбленной!

— Сыграешь? — спросил Клочик.

— Серенаду, что ли?

— Ну. Ты думаешь это для Ленки?

— Конечно. А для кого же?

— Помнишь, Графиня рассказывала, что когда они с Ленкиным дедушкой в последний раз на выпускном вечере виделись, там оркестр все

время «Амурские волны» играл. Вот я и подумал: как заиграешь ты «Амурские волны», так дедушка все сразу и вспомнит. И они... Ну, в общем, у них все тогда хорошо будет. А, может, и у меня...

— Так я же плохо еще играю. Может подождем полгодика?

— Да ты что?! Полгода! Сегодня пойдем! Надо торопиться.

И тут меня охватило какое-то странное возбуждение. Мне вдруг показалось, что именно сегодня должно решиться что-то очень важное. «Да, да, Клочик тысячу раз прав, — подумал я. — Надо торопиться. Потом будет поздно». Если бы в тот момент меня кто-нибудь спросил, почему надо торопиться и что будет поздно, я вряд ли бы ответил. Но я твердо сказал:

— Хорошо. Я согласен. Пошли!

— Нет, — сказал Клочик. — Сейчас рано. Люди кругом. Дворники. Разве они дадут серенаду сыграть. Ночью пойдем. В двенадцать.

— В двенадцать?! Так нас же не пустят!?

— Все продумано. Моя мама работает в ночь. Я подхожу к твоему окну, ты потихоньку вылезаешь, пробираемся к Ленкиному дому, играем серенаду и расходимся. Смотри, не проспай только. На всякий случай оставь окно приоткрытым.

Дома, стараясь не глядеть на зеленый мешок, я сразу прошел в свою комнату и закрыл дверь.

Никто даже не спросил меня ни о чем. В начале двенадцатого свет в нашей квартире погас, и повисла тишина. До прихода Клочика оставалось сорок минут. Я прислушивался к каждому шороху под окном, и во рту у меня было почему-то сухо. Тогда я прилег на кровать и решил расслабиться по системе йогов. Но в жизни все ужасно странно устроено. Другой раз полночи крутишься, уснуть хочешь — и никак. А когда не надо, глаза не успеешь закрыть, как уже дрыхнешь. Одним словом, я лег на кровать и уснул. И сразу увидел сон. Мне снилось, будто Клочик стоит возле памятника Крузенштерну и играет на моем альте «Амурские волны». И так здорово у него получается — просто блеск! А бронзовый адмирал, чем-то похожий на Ореста Ивановича, держит в руках мою удочку и слушает. Сам я стою рядом, с Клочиковым фотоаппаратом в руках. Напротив, на скамейке, как все равно в партере в первом ряду, сидят и слушают музыку мои родители, Клавдия Александровна с Ленкиным дедушкой и сама Ленка. У папиных ног лежит зеленый вещмешок, доверху чем-то набитый. Из мешка торчит наш торшер с зеленым абажуром. А моя мама сидит в мотоциклетном шлеме.

Клочик кончил играть. Все захлопали и закричали «браво»! Я тоже стал кричать «браво», а потом добавил: «По такому случаю я сейчас сниму всех на блюде. Бесплатно». Но на меня замахали руками, затопали и закричали, что сниматься на блюде они не желают. А Крузенштерн протянул удочку и стал щекотать мне кончик носа. Я чихнул и проснулся.

Из открытого окна торчала длинная ветка. И тут же я услышал громкий шепот Клочика:

— Уснул все-таки. Вставай.

— Сколько сейчас? — спросил я.

— Полвторого, — ответил Клочик. — Проспал я. Будильник почему-то поздно зазвонил. Ну, ничего. Это даже лучше. Вылезай!

Я взял альт и вылез из окна. Ночь была совсем теплая и светлая. А вокруг стояла такая необыкновенная тишина, что даже слова, произнесенные шепотом, казалось, разносились по всему городу.

На груди у Клочика я заметил фотоаппарат, а сбоку висела еще какая-то сумка.

— Зачем это? — тихо спросил я.

— Так, на всякий случай, — ответил Клочик. — А это вспышка. У соседа попросил. В полной темноте снимать можно.

Мы вышли на непривычно пустую, притихшую улицу. На углу светофор бессмысленно переключал свои огни. Большой серый кот чинно и неторопливо переходил дорогу на красный свет. «Ночью все кошки серы», — почему-то подумал я. Вдруг впереди отчетливо послышались чьи-то шаги. Шаги в этой тишине казались жутко тяжелыми и громкими, будто бронзовый адмирал Крузенштерн, покинув свой пьедестал, решил размяться. Мы кинулись в ближайшую парадную и притихли. Мимо нас поспешно прошла девушка с букетом тюльпанов в руках. Снова стало тихо. Наконец через несколько минут мы стояли напротив Ленкиного дома. Где-то далеко, за мостом Лейтенанта Шмидта, лязгнул трамвай, и от этого

далекого звука вокруг стало еще тише. Клочик глубоко вдохнул, словно собираясь нырнуть, и сказал:

— Давай, Леха!

Мне казалось, что стоит сейчас вынуть трубу и сыграть хотя бы одну ноту, то сейчас же проснется весь-весь город.

«Ну и хорошо, — почему-то подумал я. — И пусть проснется!»

Я достал из мешка альт и вставил холодный мундштук.

— А что играть?

— Как что?! «Амурские волны».

— Я же плохо еще играю. Собьюсь!

— Все равно, — сказал Клочик. — Играй!

И я заиграл. Сначала я старался дуть как можно тише. Но постепенно так увлекся, что уже не думал ни о какой осторожности. Звуки весело запрыгали по старым кирпичным стенам, по уснувшим окнам, отдаваясь гулким эхом в длинных подворотнях. Вдруг стало ужасно шумно и весело. И никакой тишины над городом больше не висело. А совершенно довольный Клочик лихо притопывал ногой и даже пытался подпевать!

Потом все понеслось так стремительно быстро, что в голове моей остались лишь отдельные яркие вспышки. В окнах дома вдруг замелькал свет, послышались голоса, лай собак, хлопанье оконных рам. Балконная дверь квартиры Ворожевых с шумом распахнулась, и оттуда в зеленом колпаке и в полосатой пижаме выскочил Ленкин дедушка:

— Милиция! — истошно закричал он. — Где милиция? Первый раз за неделю уснул! Первый раз! Да что же это такое!

А Клочик с перепугу схватился за аппарат и ослепил дедушку вспышкой. Потом еще раз! И еще!

— Пожар! Горим! — послышались крики из соседнего дома.

Мы кинулись бежать. Позади нас завизжали автомобильные тормоза. Хлопнула желтая дверца с надписью ПМГ-13. Сильные руки милиционеров подхватили нас и повели к машине. На ее крыше бешено крутился темно-синий фонарь.

— Эта, что ли, твоя квартира? — спросил сержант.

— Эта, — сказал я.

— Ну так отпирай.

— К-ключа н-нету, — заикаясь, ответил я.

— Что же ты, артист, по ночам гуляешь, а ключа с собой не берешь? — И милиционер нажал кнопку звонка. В нашей тихой, вежливой квартире он прозвучал как сирена.

Послышались голоса, шарканье ног, и в дверях появились встревоженные лица моих родителей.

— Боже, что случилось? — всплеснула мама руками.

— Ваш мальчик? — строго спросил милиционер.

— Наш, — сказал папа.

— Непорядок, товарищи родители. Форменное,

скажу, безобразия. Разгуливает по ночам с духовым инструментом, общественный порядок нарушает. Шутка ли, целый дом разбудил! Надо бы протокол составить. Но, учитывая малый возраст задержанного, ограничимся предупреждением. А вообще, я бы на вашем месте выдрал бы его хорошенько.

— Но он же был дома! — воскликнула мама. — Он спал!

— Спал да встал, — усмехнулся милиционер. — И в окошко, на свежий воздух. А там уже его дружок поджидал с фотоаппаратом и лампой-вспышкой. Так что советую вам хорошенько во всем разобраться.

Милиционер козырнул и вышел.

— Чтобы я больше в доме этой иерихонской трубы не видела! — закричала мама. — Или я — или труба!

Мама бросилась на кухню, но споткнулась о зеленый мешок и чуть не упала. Она пнула мешок ногой и крикнула:

— Вот твоё мерзкое воспитание! Хоть бы ты скорей сгинул!

— Не беспокойся, — сказал папа. — Через три дня я уеду.

— Господи, неужели я доживу до этого счастливого дня, — сказала мама и заплакала.

— Алексей, в чём дело? — спросил папа сухим и каким-то совершенно чужим голосом.

Я молчал.

— Если ты сейчас не объяснишь, то я... Я начну относиться к тебе по-другому.

И в этот момент я вдруг понял, что я не должен молчать. Что молчать я не имею права. И я рассказал им все. И про Графиню, и про фотографию Ленкиного дедушки, которая лежит у нее в альбоме, и про свидание века. Я рассказал им про Клочика, так мечтавшего научиться играть на трубе, и про трубадуров, исполнявших свои приветственные серенады под балконами возлюбленных. Я рассказал им даже про то, как далекой весной тысяча девятьсот семнадцатого года военный оркестр играл «Амурские волны» на выпускном вечере в гимназии у Клавдии Александровны Веревкиной.

Потом я лежал на кровати с открытыми глазами и смотрел в потолок. Рядом со мной, свернувшись калачиком, дремал альт. Почему-то мне вспомнился Ботанический сад, белый куст рододендрона, вороны на талом снегу. Я вспомнил старика, который рассказывал мне про аптекарский огород, про Петра Первого, про цветы... Как это он еще тогда сказал: красота спасет мир...

Я лежал и не мог уснуть, а в комнате родителей все горел и горел свет.

Глава 15.

НА АПТЕКАРСКОМ ОСТРОВЕ

Утром я стоял на стрелке у Ростральных колонн и ждал десятого автобуса. Яркое светило солнце, и в голубой невской воде играли золотые искорки.

Вчера я написал четыре письма. Одно опустил в наш почтовый ящик, одно — в Ленкин, и два в квартиру Клочика. В письмах было написано: «Очень прошу сегодня в одиннадцать часов утра приехать на Аптекарский остров в Ботанический сад. Я расскажу что-то очень важное. Буду ждать. Ваш друг Алеша».

Подкатил новенький «Икарус», и через несколько минут я был у знакомой железной ограды, за которой уже зеленела густая молодая трава. Я остановился у главного входа и стал ждать.

Первым, конечно, появился мой трубадур. Он шел вместе с Клавдией Александровной, которая держала его под руку.

— Алеша, голубчик, здравствуй, — заговорила Графиня. — Какая чудесная мысль — пойти в Ботанический сад! Последний раз я была здесь до войны, в тридцать девятом году. Или нет, пожалуй, в сороковом. И тоже, представьте, весной.

— А я так и вообще не был, — сказал Клочик. — А тут ничего. Красиво. Жаль только, бананов нет.

В саду и вправду было хорошо. На зеленых лужайках, усыпанных малюсенькими голубыми васильками, копошились грачи, солнце играло в прозрачных струях фонтанов, а на деревьях уже появились молодые листочки.

И тогда мы заметили, что к нам приближаются Ленка с дедушкой. На дедушке был строгий темно-серый костюм и голубая рубашка с галстуком в горошек. Я с опаской посмотрел на Графиню. Но она оставалась спокойной и даже улыбалась. Ленка приветливо замахала нам рукой, а дедушка, подойдя к Клавдии Александровне, молча поцеловал её руку.

— Наконец-то, — тихо сказала Графиня.

— Прости, Клава, — сказал дедушка и виновато улыбнулся.

Я думал, что они сразу начнут много говорить, наперебой вспоминая прожитые годы. Но они молча стояли и только пристально смотрели друг на друга.

Мы отошли в сторонку, и Ленка сказала:

— Сегодня утром, когда я получила письмо и сказала деду, что мы идем в Ботанический сад, он сразу все понял. Ничего не сказал, а понял. Видели бы вы, как он заволновался, брюки сразу стал гладить. Я ему говорю: «Деда, давай я выглажу». А он ни в какую. Да разве, говорит, ты сможешь. Так и не дал.

И тут позади себя я услышал голос папы:

— О, да у вас, я погляжу, большой сбор.

— Не хватает только Алешкиной трубы, чтобы сыграть нам «Амурские волны», — добавила мама и улыбнулась.

И все начали раскланиваться, говорить, что сегодня чудесная погода и что весна в этом году наступила совсем незаметно.

Тогда я подбежал к будке, где сидела старушка и продавала билеты.

— Скажите, пожалуйста, в какой оранжерее цветут рододендроны? — спросил я.

— Поздненько, молодой человек, пришли, — ответила старушка. — В оранжереях они уже отцвели.

— Как отцвели?! — закричал я.

— Да вот так. Время, стало быть, прошло. Да вы не расстраивайтесь. Сейчас много всего цветет. А как рододендрон цветет можно здесь в саду посмотреть. На открытом воздухе. Пройдите чуток вперед и налево.

Через минуту мы все стояли около небольшого кустика, усыпанного нежными фиолетовыми цветами. Здесь на воздухе куст не был таким большим и ослепительно красивым, как в теплицах. Но цветы при ярком солнце на сверкающем синем небе казались еще нежнее и чище.

— Вот, — сказал я. — Я хотел показать вам эти цветы.

— И все? — спросила мама.

— Все, — ответил я.

Я думал, что вот сейчас мама начнет ругаться, говорить о том, что у меня очередная дурацкая затея, что я отрываю людей от важных дел... Но мама молчала. И все остальные тоже молча стояли и смотрели на цветы. А потом заговорили разом. Заговорили о том, что тут хорошо и красиво, о том, что не были в Ботаническом саду тысячу лет и что такой зеленой травы они уже давно не видели.

А мама вдруг сказала:

— Саша, почему ты совсем перестал писать? У тебя ведь неплохо получались пейзажи.

— Было время, — сказал папа. — А во всем Алешка виноват: почему он не водит нас сюда, в Ботанический. Сам, понимаете ли, идет в *суптропики*, а родители должны загорать у газовой плиты. Ну да я вижу, он уже осознал свои ошибки. Осознал, Алешка?

— Осознал, — сказал я.

— Но что же мы стоим на одном месте! — сказала Клавдия Александровна. — Пойдемте. По-

мнится, там дальше, в сторону Невы был чудесный пруд. Интересно, сохранился он или нет.

Мы пошли по узкой извилистой дорожке сада и тут я неожиданно увидел бородатого фотографа, меланхолично сидевшего на одной из скамеек. Он тоже нас заметил, а когда мы проходили мимо, вдруг встрепенулся и стал делать нам с Клочиком знаки, чтобы мы подошли.

— Мальчик, — сказал он и нервно затряс Клочика за плечо. — Ты знаком вон с теми двумя пожилыми людьми?

— Знаком, — ответил Клочик. — А что?

— Ты должен меня с ними познакомить! Какой типаж! Я мечтал о такой паре всю жизнь!

— Могу познакомить, — ответил Клочик, уже догадываясь, куда клонит фотограф. В конце концов это было даже очень кстати.

— Позвольте представиться, — обратился фотограф к Графине. — Мастер художественной фотографии. У меня к вам предложение. Мне бы очень хотелось сделать ваш совместный портрет. Если не возражаете, я бы изготовил его на блюде.

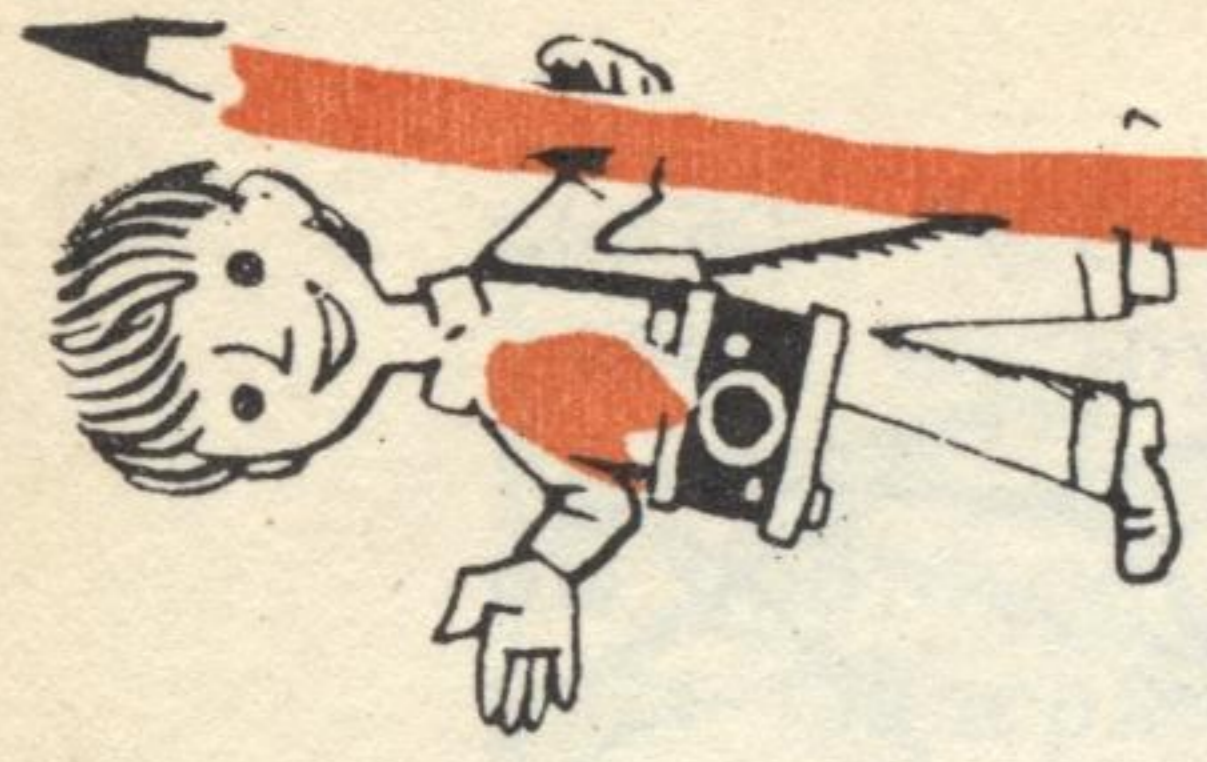
— Молодой человек! — восторженно воскликнула Клавдия Александровна. — Вы прочли мое сокровенное желание. Я всю жизнь мечтала заказать портрет на блюде! Митя, это просто чудо!

— Вот и отлично, — сказал фотограф и прямо весь засветился от радости. — Я сразу почувствовал, что вы меня поймете. Виден стиль. — И почтительно поклонившись, мастер художественной фотографии удалился.

Потом мы вышли к очень маленькому заросшему пруду, через который был перекинут горбатый деревянный мостик. И мне вдруг показалось, что там, на другой стороне пруда, я вижу высокого седого старика с палкой. Но когда я подошел ближе, там уже никого не было.

БАБАНА

Пионеры всей страны делу Ленина верны!

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

СЛУШАЙТЕ
ВСЕ!

В дни работы VIII Всесоюзного Слета к пионерам Советского Союза с конкретными заданиями обратились министерства черной металлургии, сельского хозяйства, здравоохранения, рыбного хозяйства, лесного хозяйства, Госснаб и Центросоюз СССР.

Обсудив эти задания, VIII Слет пионеров дал старт пятилетке трудовых пионерских дел. По инициативе тюменских пионеров объявлена всесоюзная трудовая операция «Урен-

Может быть, кто-нибудь скажет, что нет такой планеты? А вот и неправда! Это наша Земля. И хоть гремят еще войны, и затаилась где-то вражда, члены клуба интернациональной дружбы Дворца пио-

гой» — по сбору металлолома для газопроводов от Уренгойского месторождения до Центрально-Европейской части СССР.

Пионеры и школьники Краснодарского края, Костромской, Харьковской, Сумской областей стали инициаторами операции «Пионерская ферма», пионеры Астраханской области — операции «Живое серебро».

Ребята из Воронежской, Брянской, Вологодской и Черниговской областей призвали активно включиться в операцию «Зеленая аптека».

Итак, пятилетка трудовых пионерских дел — в действии! «Барабан» ждет от юнкоров сообщений о трудовых делах своего отряда, дружины, школы.

лине и из Окружного дома пионеров города Перника, что в Болгарии.

Город Перник — побратим Ворошиловграда. Так что мы с болгарскими пионерами знаем друг друга не только по письмам. Металлурги, студенты и школьники Перника — частые гости нашего клуба.

„МАЛЮТКА“

У нас прошел сбор на тему «Пионерская слава». На этом сборе мы узнали, что в годы войны с немецкими фашистами на фронтах, собраные пионерами и комсомольцами страны, был построен боевой танк «Малютка». Водителем-механиком его стала одесская комсомолка Екатерина Петлюк. «Малютка» участвовала в Сталинградской битве. Орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалями была награждена за храбрость Катя Петлюк.

А совсем недавно красные следопыты из Омска прочли на страницах газеты «Омская правда», которая вышла зимой 1941 года, письмо Ады Занегиной:

неров, верим, что наша Земля станет носить это имя. А пока «Планетой Дружбы» мы назвали свой клуб.

Мы ведем переписку с зарубежными сверстниками и пионерами из всех союзных республик нашей родины. Наши друзья не только рассказывают о себе, но и знакомят нас с историей, культурой, обычаями своих народов. А как приятно получить от зарубежных друзей сувенир, книгу или пластинку! Это ведь не просто подарки. Даже обыкновенная почтовая марка или значок многое могут поведать о стране, о людях, которые там живут и трудятся.

Много у нас друзей. И, пожалуй, самые давние — ребята из Центрального пионерского дома имени Г. Титова в Бер-

КИД откликается на важнейшие события. Ведь дружба не имеет границ, и боль наших далеких сверстников — наша боль, а их радость — наша радость.

Игорь Третьяк,
школа № 5,
Ворошиловград

В «Барабане» № 3 за этот год напечатано письмо Тани Лентяшиной. Она спрашивает, что в человеке главное... Думаю, главное — уметь дружить. Без дружбы не может быть счастливой жизни. А у Тани с Ирой, мне кажется, не дружба, а одно название.

Света Горощук,
село Стурзовка,
Молдавская ССР

Я думаю, что дружба у Тани и Иры настоящая. Где же внимание друг к другу? Вот у меня тоже подруга настоящая. Я с ней дружила пока в наш класс не пришла новенькая девочка. Теперь моя подруга стала ходить с ней в кино и гулять... Очень обидно.

Натasha Худякова,
Ярославль

Зачем обижаться на человека, если он занят и не может подойти к телефону? Иру просто могли не позвать к телефону взрослые, чтобы не мешать кушать.

Постарайся, Таня, повлиять на свою подругу, не торопись от нее отказываться!

Инга Изюмова,
Ухта

Письмо Тани меня взволновало. Что за подруга, которой ни до чего нет дела? Безразличие — это страшно. Главное в человеке отзывчивость и активность!

Вика Москвина,
Горловка

Как так можно дружить? Не понимаю я эту Иру. «Ни за что не подойдет», — пишешь ты. Это уж она, наверное, назло делает. Как это не подойти к телефону? У нас, бывает, толком не пообедает, к другу бежишь, раз он ждет. Мне кажется, тебе надо сказать своей подруге так: «Хочешь дружить — давай дружить по-настоящему!»

Миша Гордин,
Калининск,
Саратовская область

«Я — Ада Занегина. Пишу еще по-печатному. Гитлер выгнал меня из родного города. А мне хочется домой. Я собрала на куклу 122 рубля 25 копеек. А теперь отдаю их на танк. Дорогой дядя редактор, напишите всем детям, чтоб они тоже свои деньги отдали на танк, и назовем его «Малютка».

Следопыты разыскали Аду Александровну Занегину, написали ей письмо, а потом нашли и вторую хозяйку танка — Екатерину Александровну Петлюк. (Одного из юнкоров вы видите на снимке.)

О поиске омских следопытов узнали на Смоленщине. Пионеры школы № 2 Смоленска решили собрать металлолом для колесных тракторов и назвать эти трактора «Малютками».

Решено — сделано. С Минского тракторного завода уже сошел не один трактор «Малютка» из пионерского металла. Сегодня их можно видеть на полях Нечерноземья. Возникла традиция — передавать трактора комсомольцам-механизаторам прямо у кургана Бессмертия под Смоленском. И однажды здесь встретились Екатерина Александровна Петлюк и Ада Александровна Занегина...

Е. А. Петлюк рассказала об этой встрече своим юным землякам. А мы — ребята — рапортовали ей о своей операции «Плуги — комсомольцам целинного совхоза «Одесский». Мы собирали металлолом для этих плугов.

Штаб поиска красных следопытов,
школа № 106,
Одесса

всёлая почта

Учительница:

— Прочти, что ты написал о своей семье по-английски.

Ученик:

— Ничего я не написал, потому что у меня мама с папой немецкий учили, а бабушка французский...

Прислала
Люба Дервеедова
из Горького

Учитель:

— Жителя Москвы называют москвичом, а жителя Одессы?

Ученица:

— Одиссей!

Прислала
Света Гайдук
из Приморско-Ахтарска

«Коля встал раньше, чем проснулся».

Прислала
Нина Г.
Казахстан

нул такой смешной человек, что не рассмеяться было просто нельзя. Сразу исчезло плохое настроение, пошли веселые разговоры, шутки, и на пропасти уже никто внимания не обращал...

Так впервые я узнал, какой у этого художника неунывающий, веселый и добрый характер. Художника звали Михаил Беломлинский.

А как он трудится, то есть рисует, я узнал немного позднее. Поехал я к художнику в мастерскую. Приехал. Смотрю, повсюду — на полу, на стуль-

ВЕСЕЛЫЙ ХУДОЖНИК

Собрались журналисты в путешествие. В горы Дагестана. С ними поехал художник. Трудным оказалось путешествие. Спать приходилось мало, отдыхать редко, погода была плохая, да еще и дорога пошла опасная: слева — пропасти — дна не видать, справа — скалы — страшно смотреть... Короче, все приуныли и настроение стало портиться...

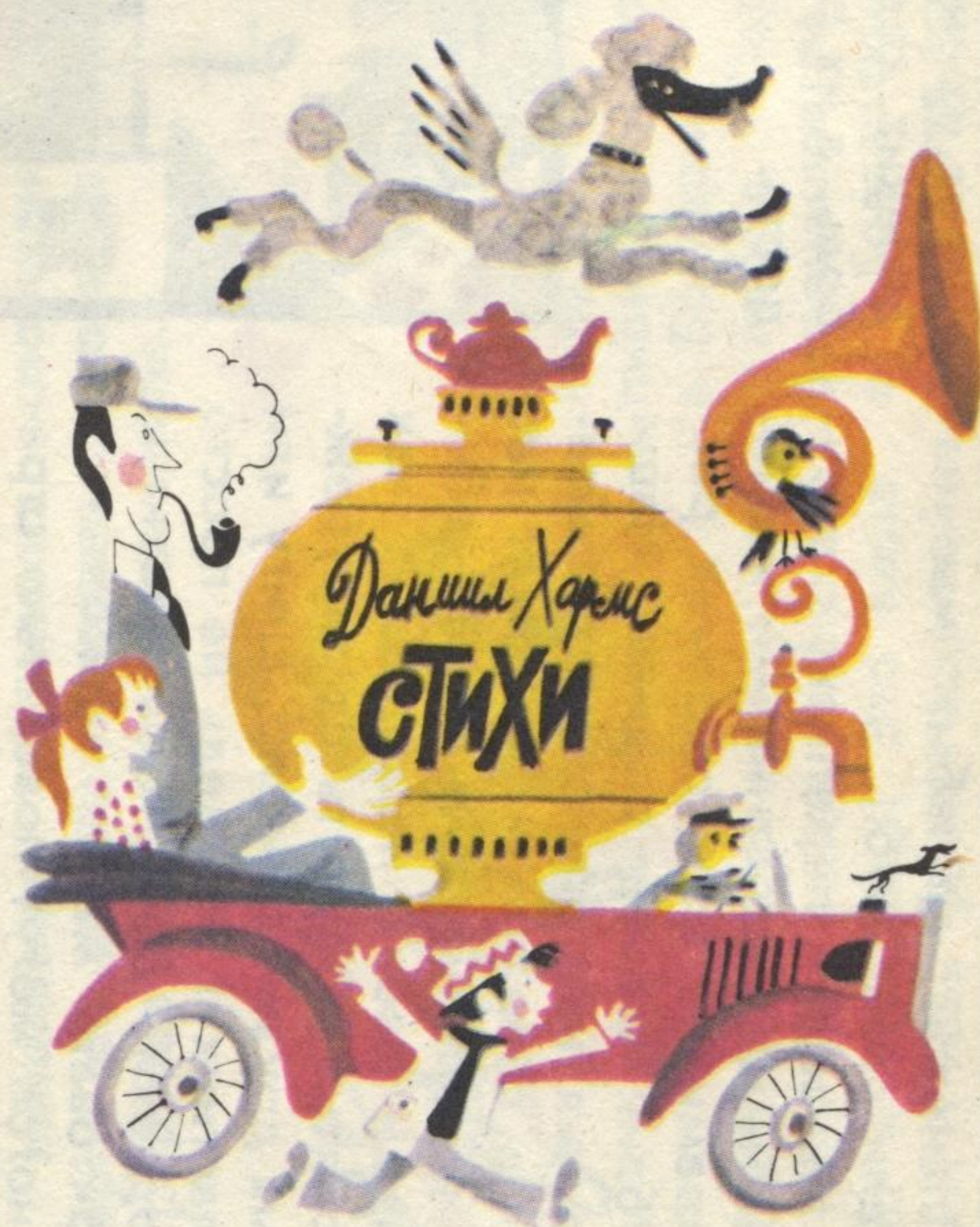
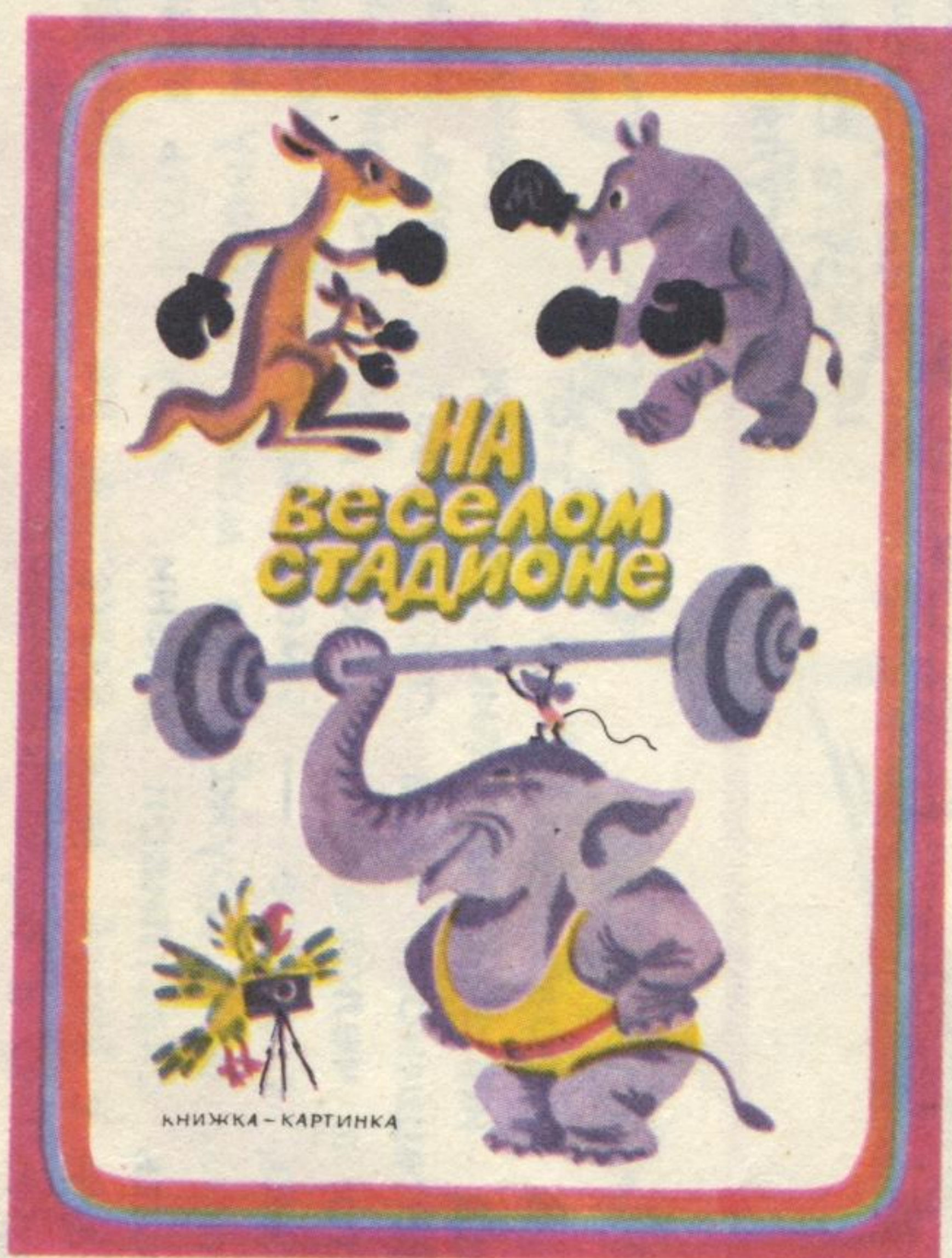
И вот тогда художник взял и нарисовал забавные глаза с большими ресницами, вырезал их, спросил у кого-то очки, наклеил глаза на стекла, а очки надел себе на нос и нагнул кепочку. И на всех гля-

ях, на столе — рисунки бегемотов! Симпатичные бегемоты! Только художника они чем-то не устраивали. И он рисовал новых. К концу дня бегемотов было двадцать три. И все-таки бегемот, который был нужен художнику, в тот день так и не родился. Долго еще он трудился, пока не нарисовал то, что надо. Теперь книга «Кибобо хуго — бегемот» уже вышла. Ее написал Джон Мбонго, африканский писатель из Дар-эс-Салама, пересказал на русский язык С. Сахарнов. Смотрю я на бегемота в книге и думаю: не зря отвергались все те бегемоты... Художник

нашел именно то, что нужно: доброе, наивное животное, у которого все время происходят с людьми какие-то конфликты. Раскройте сами эту книгу и посмотрите... Но сколько труда вложено в один только рисунок!

И еще я узнал про художника много интересного. Узнал, что он любит иллюстрировать книги, полные выдумки, фантазии. И книги приключенческие, познавательные, в которых требуется точность — касается ли это географии, истории или разных профессий. Вот к примеру книга «Здравствуй, Чукотка!» Делалась она так. Ми-

Обложки книг, оформленные Михаилом Беломлинским

С. Сахарнов.
„Сказки из дорожного чемодана“.
Иллюстрация

Джон Толкин. „Хоббит“.
Иллюстрация

Джеральд Даррелл.
„Говорящий сверток“.
Иллюстрация

хаил Беломлинский и писатель Валерий Воскобойников полетели на Чукотку. Писатель писал рассказы, а художник — рисовал к ним рисунки. Книжка про реальных людей, про тех, что живут в чукотских поселках. Вернулись они в Ленинград и стали делать книгу. Рисунки были у писателя дома. Как раз приехал к нему один человек с Чукотки, увидел рисунки Беломлинского к книжке и вдруг говорит: «А я всех знаю. Это вот — Сигутен! Это — Куюльгут! А это — Каяген... И места узнаю — между двух сопочек у нас самолеты садятся...»

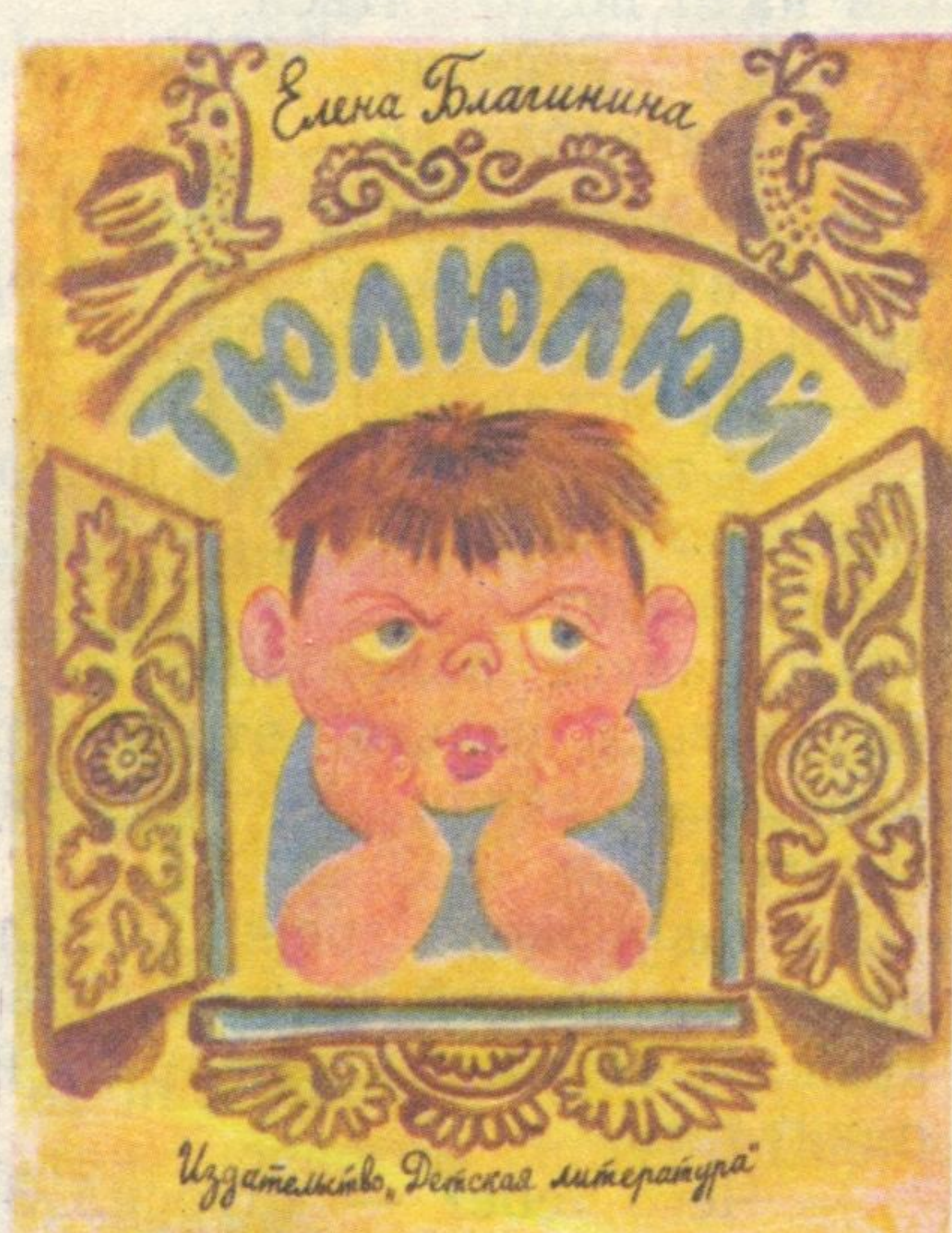
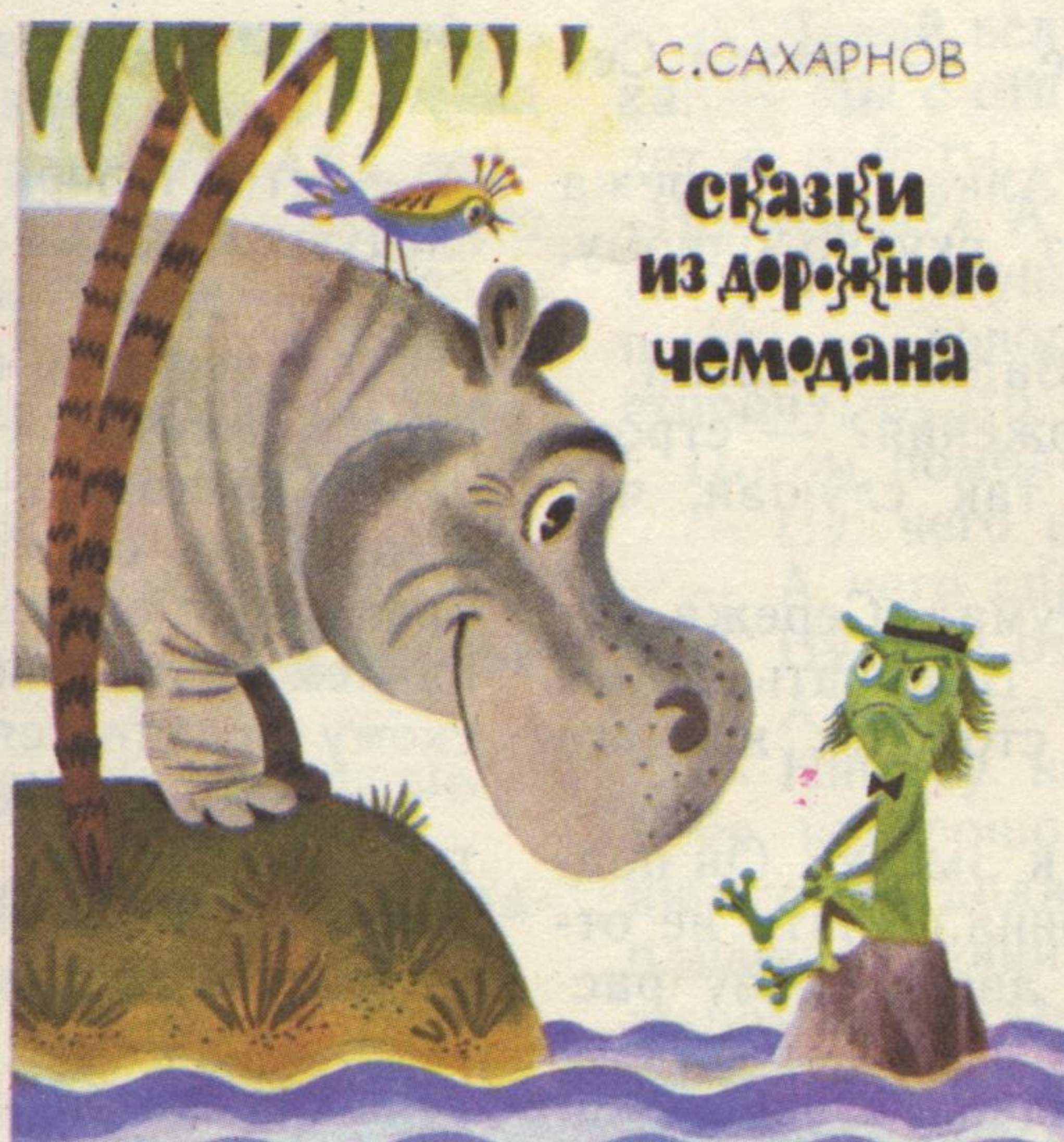
Порой Беломлинский сам придумывает детские книжки. Сначала рождается рисунок, потом текст. Таковы, к примеру, книжки «Про котов, ежей, мышей и веселых малышей», «Надо обязательно быть изобретательным». Художник придумывал и рисовал веселые рисунки и разные «перепутанницы», а уж потом подписи писал поэт Суслов. В книге — фейерверк выдумок: вместо коляски у бельчонка колесо, у крокодильчика — ванночка с водой, у воробышки — клеточка с пропеллером.

В мастерской художника на полках лежат переплетенные

тома — в них рисунки, путевые записи, эскизы, наброски, вырезки из газет, шаржи, коллажи из обрывков плакатов, этикеток, почтовых марок. Все это когда-нибудь пригодится для работы...

А знаете, сколько книг проиллюстрировал Беломлинский? Целых сто! Поставьте-ка на своих книжных полках сто книг — получится настоящая библиотека. Сто книг — и в каждой рисунки художника удивительного — талантливого, умного, доброго и очень веселого!

Олег ОРЛОВ

ТИХОНЯ

РАССКАЗ

Г. МАЛИКОВА

Рисунки В. Топкова

Кто знал, что у Змейки душевная травма? Никто не знал. И не замечал ничего. Да и вообще, что можно заметить, когда он сам незаметный. Ни с кем не дружит, тихий такой, маленький, худой, голову всегда вниз тянет, а плечи, наоборот, вверх. И ходит не как все люди, а вроде подпрыгивает.

Отец Змейки ушел из семьи, то есть, выходит, отец Змейку бросил. Новость эту принесла Алка Терехова. Все прямо оторопели.

— Мальчики! — сказала Алка. — Со Змейкой надо подружиться.

— Да... конечно... в принципе... — сказал Сережа Заволодский.

— Значит, так, — сказала Алка. — Сережа пойдет к Змейке домой, скажет, скучно одному, решил вот зайти, пообщаться...

— Представляю! — сказал Вадик Кулагин.

— У тебя есть другие предложения? — строго спросила Алка. — Если нет, так слушай, что тебе говорят.

«Дурацкое положение, — думал Сережа. — Отказаться нельзя, это факт. Выручать друга в беде — закон. А с другой стороны, как его выручать?..»

После уроков Сережа пошел к Змейке. Он поднялся на шестой этаж и позвонил. Никто не открывал. Позвонил еще раз, и дверь сразу запахнулась.

— Чего тебе? — спросил Змейка. Он был ка-

кой-то взъерошенный, а в рубашке с короткими рукавами казался еще меньше и тоньше.

— Сидел дома, скучно одному, решил вот зайти... пообщаться.

— Интересно! — удивился Змейка и, не оглядываясь, пошел в комнату. Сережа — за ним.

— Ну, — сказал Змейка, — чего стоишь? Садись, — и подтолкнул Сереже стул.

Сережа сел. Змейка стоял посередине комнаты и все время крутил головой. «Нервный», — подумал Сережа.

— Хорошо у тебя, Змей... то есть, Леша.

— Что хорошо?

— Уютно. Книг много. Ты, Леша, наверное, много читаешь?

— Чего это ты меня Лешей называешь? — спросил Змейка.

— А как же еще? Не понимаю, зачем люди друг другу прозвища дают?

— Ясно, — сказал Змейка. — Зови, как хочешь, мне все равно.

«Дальше-то что говорить?» — подумал Сережа, но говорить не пришлось, потому что в дверь позвонили, и Змейка пошел открывать.

— Здравствуй, Леша! — услышал Сережа голос Алки Тереховой. — Заволодский у тебя? Я к нему зашла, а мне говорят, он у Змей... то есть у Леша.

Алка прошла в комнату и села в кресло:

— Как у тебя хорошо!..

— Чего?!

— Уютно у тебя.

— Вы что, сговорились, что ли?

Сережа покраснел, а Терехова вскочила и затараторила: «Леша, сходи на кухню, поставь чайку, очень чаю хочется».

— А ты почему меня Лешей называешь? — тихо спросил Змейка.

— Я?.. У каждого человека имя есть...

— Да ну вас! — махнул рукой Змейка и отправился на кухню.

— Ты зачем пришла? — зашептал Сергей. — Что ты несешь? Я это все уже говорил...

Послышался звонок.

— Здравствуй, Леша! — раздался голос Вадика.

— Что теперь делать будем? — спросила на следующий день Алка.

— Не знаю, — сказал Вадик.

— Зачем ты его заставлял заметку в стенгазету писать? — спросила Алка.

— Терехова, — вздохнул Вадик, — тебе надо почаще на свежем воздухе бывать. Он заметку напишет, с ошибками, конечно. Мы с ним ошибки начнем исправлять, он заинтересуется, по русскому подтянется. Психология, понимаешь?

— Я-то понимаю, — сказала Терехова. — А ты? Что ты ему наговорил? «Одна заметка, две заметки, а потом Шитикова с редакторов снимем, тебя поставим», — передразнила Алка.

— Это я так, — смутился Вадик, — человеку ведь перспектива нужна.

Они молчали.

— Вот навязался на нашу голову, — сказал Вадик.

— Человеку плохо, а ты... — сказал Сережа. — Представляешь? Живешь, живешь, и вдруг отец говорит: «Знаешь, сынок, я создаю новую семью, вы теперь без меня как-нибудь живите». Понимаешь, Терехова?

— Нет, не понимаю. Я у папы спросила, почему так бывает? А он сказал, что в жизни всякое случается, и что самое главное — научиться к жизненным явлениям относиться философски.

— Как это философски?

— Ну, тебе, например, плохо, а ты думаешь, что тебе хорошо.

— Чего это я буду думать, что хорошо, когда плохо? — спросил Вадик.

— Папа сказал: «В плохом заключено хорошее». И еще он сказал, что это дело деликатное.

— Вот! — закричал Вадик. — Деликатное! Я тебя, Терехова, предупреждал. Это тебе не совет отряда проводить: раз-два и готово!

— Ну что ты к ней пристал! — перебил Сергей. — Я вот что думаю. Во-первых: надо Змейке сказать, что мы его разыграли. Во-вторых... — Не успел он договорить, как дверь приоткрылась, и в класс заглянул Шитиков. Увидев ребят, он радостно закричал:

— Ага! Я так и знал! — Он распахнул двери и вошел так уверенно, будто только его и ждали. — Ну-с, чем занимаемся? Что замысливаем? Почему пресса не в курсе?

— Витя, — ласково сказал Кулагин, — походи погуляй. У нас тут ничего интересного. Просто Терехова с нами опытом делится, как распорядок дня составлять, — соврал он с ходу. — Мы с Заволодским решили начать новую жизнь.

— Я тоже новую жизнь начну, — обрадовался Шитиков и сел напротив Алки. — Давай, Терехова, и меня научи. Я с удовольствием...

— Ну уж нет! — Алка встала, тряхнула косами и выскочила из класса.

Все получалось почему-то не так, как они хотели. Змейке сказали, что его разыграли, но Змейка совсем не разозлился. Махнул рукой: «Да ладно!» Он вообще ни на что не злился и ни от чего не отказывался. Тогда Сережа опять пошел к Змейке, сам не зная, зачем.

— Ты чего сегодня такой? — спросил Змейка. — Дома попало?

— Нет, за что попадать-то?

— Не знаю, — сказал Змейка.

— А что ты вообще знаешь? Ты даже не знаешь, зачем я к тебе хожу.

— Я думал, ты со мной подружиться хочешь, — сник Змейка.

— Точно! — обрадовался Сережа. — Так давай подружиться.

— Я думал, мы уже подружились.

— Как подружились, когда ты со мной не разговариваешь? Я прихожу, а ты молчишь.

— Я всегда такой, — сказал Змейка. — Мама говорит, я некоммуникабельный.

— Чего?

— Ну, не такой, как все. Мама говорит, трудно мне будет в жизни... — Змейка отвернулся.

— Ты что?! — испугался Сергей, ему показалось, что Змейка сейчас заплачет. — Я думал, ты сердишься, я не знал, что мы уже подружились.

— Чего со мной дружить, со мной дружить неинтересно, я некоммуникабельный.

— Ерунда, — сказал Сережа, — если захочешь, такой коммуникабельный станешь, Шитиков лопнет от зависти.

— А чего ты руками машешь? — засмеялся вдруг Змейка. — Стоит и машет!

И Сережа тоже стал смеяться.

Все пошло как по маслу. Сережа со Змейкой попросили, чтобы их посадили рядом. А Терехова, когда узнала, что Змейка рыбок разводит, уговорила пионервожатую назначить его смотрителем школьного аквариума. Теперь у Змейки было ответственное поручение. На переменках он без конца бегал проверять своих рыбок, и Сережа видел однажды, как Змейка отчитывал какого-то семиклассника: «Если ты мне рыбок загубишь, я тебе голову оторву», — кричал Змейка, бегал вокруг верзилы и смешно подпрыгивал.

Все было бы хорошо, если бы не Шитиков. На большой перемене он подошел к Сереже.

— Так. Вовлекли, значит. Охватили. И главное, тайно! Без Шитикова. А Шитиков, значит, рыжий. А может, я лучше вашего вовлек бы. Он теперь с рыбками мается, а мог бы стать лучшим корреспондентом школы!

Целый день Сережа чего-то боялся, но ничего не случилось. Змейка по-прежнему бегал к своим рыбкам, а после школы они договорились пойти посмотреть новую книгу, которую подарила Змейке мама.

— Давай вслух прочитаем? — предложил Змейка. — Мы с отцом часто вслух читали. Отец придет с работы, поест, сядет в кресло и спросит: «Почитаем?» А я говорю: «Почитаем». И он читает, а я слушаю, а потом я читаю, а он слушает... — говорил Змейка и все смотрел в одну сторону, будто там телевизор.

Потом помолчал, повернулся к Сереже.

— Ну, чего не спрашиваешь?

— А чего спрашивать?

— Ну, где отец.

— А где? — спросил Сережа и опустил глаза.

— Никому не хотел говорить, а тебе скажу, а то нехорошо как-то: ты мне друг, а друзья ничего не должны скрывать. — Змейка совсем близко придвинулся к Сереже и сказал почему-то шепотом: — Он от нас ушел.

— Совсем? — тоже шепотом спросил Сережа. Змейка пожал плечами:

— Наверное. Они мне с мамой ничего не говорили, а потом позвали однажды и сказали, что папе надо жить отдельно. Я думал, он в командировку собирается и говорю: «Надо, так надо. Проживем как-нибудь». Ну, тут они мне объяснять стали: главное, чтоб у нас были хорошие отношения, что отец будет приходить часто и что для меня ничего не изменится. А я на маму посмотрел и понял: он ко мне только приходить будет, а не к маме. Я, значит, с ним, а мама — одна. Я и сказал, чтоб он вообще никогда не приходил...

— И не приходит? — спросил Сережа.

— Нет...

Теперь понятно, почему Змейку из дому не вытасишь. Он отца ждет. Сережа это так ясно понял, как будто бы сам ждал. Сидит Змейка дома и думает: сейчас раздастся звонок, он откроет, а там — отец...

Вот ведь как получается. Змейка отца ждет, а тот об этом и не подозревает. А что, если разыскать Змейкиного отца?..

...Адрес узнали в справочном. Алка с Вадиком остались в скверике, а Сережа быстро поднялся по лестнице и не раздумывая, нажал кнопку звонка. Дверь открыл высокий мальчишка.

— Мне Павла Ивановича, — сказал Сережа. — Папа, к тебе! — крикнул мальчишка.

Вышел мужчина и с удивлением посмотрел на Сережу.

— Я Лешин друг, — сказал Сережа, — Леши Змеева друг, — повторил он.

— Что? — Павел Иванович больно схватил Сережу за плечо. — Что случилось?!

— Ничего, — сказал Сережа, — правда, ничего. Просто я поговорить с вами пришел.

— О, господи! — сказал Павел Иванович и взялся рукой за голову. — Я думал, случилось что. Извини.

Они вошли в комнату. Сережа думал только об одном: почему тот высокий мальчишка называет Павла Ивановича папой?

— Ты мне что-то хочешь сказать? — спросил Павел Иванович.

— Да, то есть нет. Я спросить хочу.

— Ну, спроси.

— Почему он вас папой называет? — кивнул головой на дверь Сережа.

— Так договорились, мы теперь вместе живем.

— А Змейка?

— Кто?

— Леша, это мы его в классе Змейкой зовем.

— Леша, — повторил Павел Иванович, и около губ у него пролегли две глубокие морщины. —

Леша мой сын. Это все, что я могу тебе сказать.

В комнату вошла женщина, полная, невысокого роста, поздоровалась с Сережей и вопросительно посмотрела на Павла Ивановича.

— Это Лешин друг... — сказал Павел Иванович.

— Что-нибудь случилось? — спросила женщина.

— Нет-нет, все в порядке. Сережа ко мне по делу зашел. Мы тут поговорим немного?

— Да, — сказала женщина, — да, — и быстро вышла.

— Ну, так что? — спросил Павел Иванович.

— Я пойду, — сказал Сережа.

— погоди, — попросил Павел Иванович, — Скажи, это тебя Леша прислал?

— Нет, он не знает ничего. Это я сам.

— Сам? — улыбнулся Павел Иванович. Он положил руку Сереже на колено и попросил: — Расскажи, пожалуйста, про Лешу.

— А что Леша? Леша нормально. Учится, знаете, как! А поручения! — оживился Сережа. — Алка ему даст поручение, он раз — и готово! А на семиклассника орал: «Я тебе голову снесу, если ты мне рыбок загубишь!»

— Рыбок?

— Так он же главный аквариумист школы!

— Леша?

— Леша.

— А с учебой, говоришь, все в норме?

— Конечно. Если Кулагин возьмется...

— Какой Кулагин?

— Ну, это отличник наш, он помогает, если что.

— Значит, отставал?

— Отставал.

— А вы, значит, с ним друзья?

— Да.

— Что-то я тебя раньше у Леша не видел.

— Так это раньше, — вздохнул Сережа.

Павел Иванович проводил Сережу до остановки и пожал на прощанье руку. Как только он скрылся из виду, на Сережу накиннулись Алка с Вадиком.

— Ну, — кричали они, — рассказывай! Чего молчишь?

— Не орите, — сказал Сережа и взял за голову.

— Во дает! — рассердился Вадик. — Мы его тут два часа ждем...

— Он вернется? — спросила Алка.

— Не знаю.

— А что он сказал?

— Ничего.

— Так, понятно, — сказал Кулагин. — Пора расходиться по домам, еще уроки сделать надо.

— Да отстань ты со своими уроками, — сказала Терехова.

С самого детства Сережу учили никогда не обманывать. А ведь он обманывает! И кого? Змейку! Если Змейка узнает, он и ругаться не станет, махнет рукой и скажет: «Эх, ты!»

Через несколько дней Змейка влетел в класс, будто у него день рождения и ему самые лучшие на свете подарки подарили. Он отозвал Сережу в сторону и зашептал в ухо: «Пришел! Вчера... Сижу... Звонок... Открываю... Он!»

Глаза у Змейки были круглые.

— Совсем пришел?

— Да ну тебя! — рассердился Змейка. — Он мне говорит: «Нам не годится ссориться, давай поговорим по-мужски».

— Ну?

— «Ну, ну». Разнукался. Ну, поговорили... — Леша замолчал и стал смотреть в сторону. — Все нормально. Мы с ним в выходной в цирк пойдем...

Они не заметили, как сзади подкрался Шитиков. Он обнял Змейку за плечи и заворковал:

— Змеечка, я должен открыть тебе глаза...

— Не смей! — закричал Сережа и стал оттащить Шитикова от Змейки.

— ...Думаешь, они с тобой дружат, да?! — кричал Шитиков, вырываясь. — Ты думаешь, они... А они...

— Замолчи! — сказал Змейка. — Иди отсюда, пока я тебе голову не открутил!

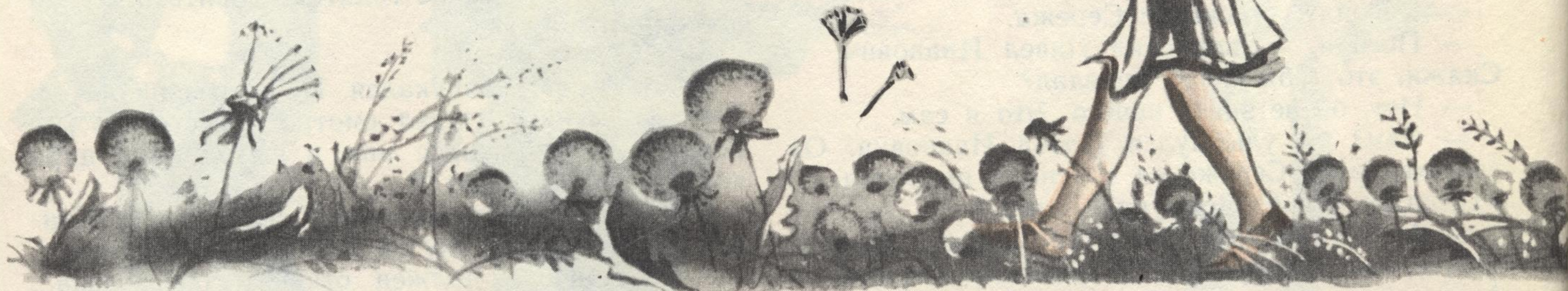
— Психи, — сказал Шитиков и пошел в класс.

ПОСЛЕДНИЙ УРОК

Е. МАТВЕЕВА

Рисунок А. Януса

Была весна. Нежная листва парила вокруг деревьев. Трепещущий теплый воздух гладил по щекам. Иногда проливались светлые дожди. Все было хорошо, прекрасно — впереди целая жизнь. И это радостное чувство, казалось, ничто не могло смутить и нарушить, даже надвигающиеся экзамены в институт.

Я кончила школу и осталась работать в кабинете химии, лаборанткой. В институт не поступила.

Однажды после уроков директор попросила меня отвезти Нине Петровне какую-то бумагу. И пришлось тащиться в новый район: долго ехать на метро, автобусе, идти пешком.

Нина Петровна — моя учительница. Она давно не работала, ей сделали две операции на сердце. После института Нина Петровна пришла в школу, и ей дали наш третий класс. Скучная она была какая-то, голос тихий, монотонный. Так и помню ее: класс галдит, а она стоит у доски с опущенными руками и ждет, а глаза печальные и укоризненные, будто просят: «Ну пожалуйста, успокойтесь, не шумите, я не могу вас перекричать». И стыдно почему-то было, затихали.

Теперь, плутая среди скучных новостроек, я рассуждала так: когда я закончу педагогический, я не буду такой, как Нина Петровна. Уж я никогда не стану стоять у доски с опущенными руками и умоляющими глазами. Есть один секрет: нужно ребят любить, тогда и они будут тебя любить. А если учитель равнодушный, ни рыба ни мясо — пиши пропало...

Такие размышления поднимали меня в собственных глазах. Я не шла, а летела через какие-то рытвины, незастроенный заросший пустырь. Подъезд и дом были невыразительными. Без своего лица.

Дверь открыла старушка. Хорошо бы отдать ей конверт и бежать. Но я уже шла за ней в комнату, предчувствуя напряженные улыбки и томительные разговоры — ни о чем.

Комната была по-больничному чистая и просторная. Я не ожидала увидеть Нину Петровну в постели на высоких подушках. Лицо у нее было маленькое, и сама она была какая-то маленькая.

А может, она и раньше была такой, просто нам, третьеклассникам, казалась тогда больше и выше?

Нина Петровна так обрадовалась мне, что в первый момент я даже растерялась. Села на стул рядом с кроватью, а она все спрашивала слабым девчоночьим голосом обо мне, о моих одноклассниках, о школе.

— Недавно переехали, — Нина Петровна показала на комнату. — Здесь очень хорошо. Даже не верится, что так бывает. По утрам вся комната залита солнцем. А ты посмотри, какое чудо за окном!

Я подошла к окну и увидела незастроенное пространство, настоящий луг, заросший густой глянцево-зеленой травой с маленькими яркими солнышками одуванчиков. Чистая, по-весеннему промытая картина светилась в раме окна.

А ведь это пустырь, через который я только что прошла, не заметив ни блеска травы, ни свечения одуванчиков.

Неслышно появилась старушка, и Нина Петровна сказала:

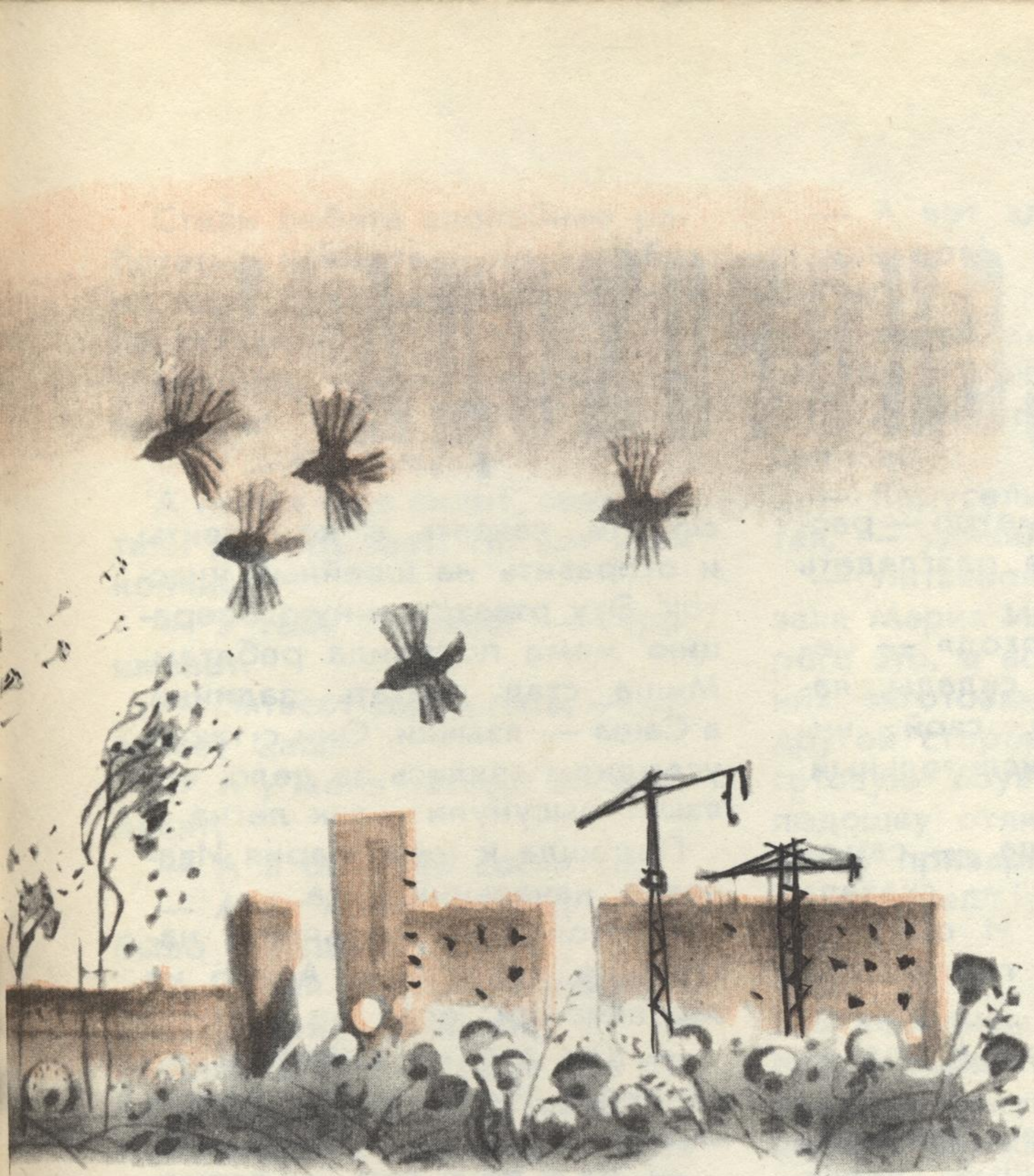
— Мама, ты знаешь, кто это? Это же Наташа Лисицына!

— И вправду, Наташа, — обрадованно согласилась старушка. Но она никогда меня не видела и знать не знала.

— Вторая в первом ряду, маленькие косички на висках, — сказала старушка, открыла ящик письменного стола и достала фотографию нашего третьего класса.

— На зайчонка похожа, — добавила Нина Петровна.

— Всегда были пятерки по русскому языку. Арифметика не очень шла. А почерк аккуратный, буквы кругленькие, — продолжала старушка.

— Мама, посмотри в шкафу, там есть Наташина тетрадка.

И я увидела свою тетрадку, а в тетрадке открытку к 8 Марта и рисунок с поздравлением к Новому году.

У нас дома почему-то не сохранилось моих детских рисунков и тетрадей.

— Помнишь, как ты горько плакала, когда Ленька Фадеев тебя оттащил за косы? — спросила Нина Петровна. — А ведь он тебе нравился?..

Я кивнула, и мы засмеялись. И в самом деле нравился, но я была уверена, что об этом никто не знает.

Что-то странное происходило. Будто вернулась я к близким людям, которые думали обо мне и ждали. И еще я вспомнила, как в больнице лежала со скарлатиной, а Нина Петровна мне письмо прислала. Я тогда очень обрадовалась. Интересно бы прочесть то письмо, только и оно не сохранилось.

Мы пили чай, придвинув круглый столик к постели Нины Петровны, и если бы не эта постель, не маленькое, бледное, совсем молодое лицо в подушках, я забыла бы, что Нина Петровна тяжело больна.

Уже в прихожей мать Нины Петровны взяла мои руки в свои и сказала тихо:

— Спасибо, что пришла. К нам не так уж часто приходят. Правда, Валя Кондратьева каждую неделю навещает.

Я обходила зеленое поле, не решаясь ступить на траву. Что-то сжало горло, дышать стало трудно. Будто очнулась от своего счастливого бездумного существования. Я никогда не была в этом новом районе, никогда не видела этот дом. Не знала, что живут здесь люди, которые любят меня, помнят, знают, какой у меня был почерк восемь лет назад, хранят мою тетрадку и поздравления к праздникам. Наверное, нужно было вернуться, что-то сказать.

Но что?..

ЧТО ЭТО ЗА ПТИЦЫ?

Владимир СТЕПАНОВ

Гуси-лебеди
зимой
проплывают
надо мной.
Пролетают,
вышивают
небо
белую
каймай.

Гуси-лебеди
летят.
Не кричат
и не галдят.
Не дыша
и не шурша
тянут нитку
не спеша.
Неужели
для полета
им погода хороша?
Может быть,
на снежной крыше
сядут птицы
отдохнуть?
Но они
все выше,
выше.
Высоко
лежит их путь.

Пролетают,
проплывают,
пропадают
в небесах.
Улетают,
исчезают,
тают
прямо
на глазах.

Не окликнешь,
не догонишь,
лишь рукой
помашешь им...

Топят печи...
Словно стая,
проплывает
белый дым.

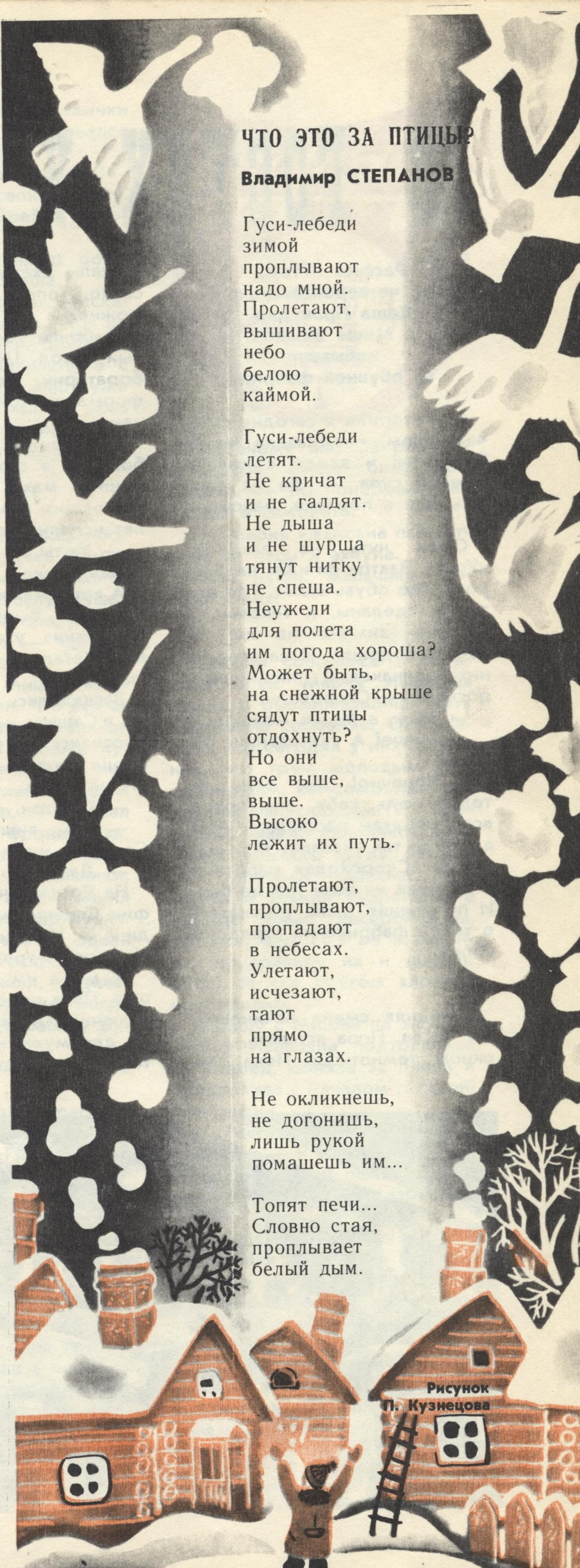

Рисунок
П. Кузнецова

В ГОСТЯХ У „СКОРОХОДА“

Рассказ о том,
как четвероклассники
Саша Прокудин
и Миша Земцов
побывали
на обувной фабрике

— Говорила я сегодня с начальником, — сказала мама. Саша так и замер с полной ложкой супа. — Да ты ешь, ешь, все в порядке, разрешили.

Саша чуть не закричал «Ура!». Завтра он идет на фабрику, где обувь шьют. Где его туфли сделаны, и тапочки, и сапожки зимние на легкой-легкой подошве. И на всех на них одинаковый письменный росчерк — «Скороход».

— Мам, а Мише можно?

— Мише? А учительница отпустит?

— Конечно! Мы ведь не только для себя, мы потом всем ребятам расскажем. Мне в классе так сказали: твоя мама на «Скороходе» работает, а ты даже ни разу там не был. И поручение дали: рассказать о твоей фабрике на отрядном сборе...

Утренняя смена начинается в 7 часов. Пора вставать, а за окном темнотища. Пока зав-

тракали, ехали в метро — рас-
свело. Теперь все разглядеть
можно.

Фабрика «Скороход» — целый город. Цехи, склады, лаборатории, даже свой информационно-вычислительный центр есть.

— Фабрика наша — самая большая в стране, — сказала Сашина мама. — И одна из старейших. Через год ей сто лет исполнится.

— Ух ты, — сказал Миша, — шесть этажей!

А вот и мамин цех. Длинный, светлый. Вырубочный пресс вверх-вниз ухаёт. Тук-тук — есть деталь, тук-тук — следующая.

Загляделись ребята, отстали, а Сашина мама уже далеко. Бросились догонять, но вдруг Миша остановился, схватил Сашу за рукав.

— Смотри, мама твоя!

— Сам вижу, — отвечает Саша, — идем скорей.

— Да ты на стену погляди!

На Доске почета на фотографии Сашина мама — «Прокудина З. И., ударник коммунистического труда».

А мама им уже рукой машет. Пока подошли, она пресс включила, начала рубить детали для мужских ботинок. Потом все эти детали надо пере-

считать, связать в комплекты и отправить на швейный участок. Эту ответственную операцию мама поручила ребятам. Миша стал считать задники, а Саша — язычки. Они с таким усердием взялись за дело, что языки высунули — так легче.

Подошла к ним Мария Ивановна, начальник цеха.

— Молодцы, мальчики, настоящие работники. А кто из вас впереди, если не секрет?

— Как это — впереди? — удивился Миша. — Мы рядом сидим.

— Да я не о том, — засмеялась Мария Ивановна. — У нас все между собой соревнуются — кто больше и лучше делает. Нужно и вам соревнование организовать.

Миша как услышал про соревнование, так, конечно, первым захотел стать. Детали из-под его рук так и посыпались. Саша посмотрел на него и тоже поднажал. Тут мама подошла.

— Вы что это, — спрашивает, — работаете или на пожар торопитесь?

— Мы соревнуемся! — гордо ответил Миша.

— А в соревновании не только скорость, но и качество учитывается. Забыли, что Мария Ивановна говорила?

Стали ребята спокойнее работать, внимательнее, чтобы ни одну детальку несчитанной не оставить.

Наконец Саша вскочил и крикнул:

— У меня все!

А Миша еще сидит, свои детали досчитывает. Но вот и он кончил.

— У тебя сколько? — спрашивает.

— Пятьсот сорок пять, — отвечает Саша.

— А у меня пятьсот восемьдесят.

— А я быстрее сосчитал.

— А у меня зато деталей было больше!

Так они спорили-спорили, пока Мария Ивановна их не услышала. Посмотрела она работу и обоих похвалила — справились с заданием! Оба в победители вышли! И за это их ждет награда — экскурсия по фабрике.

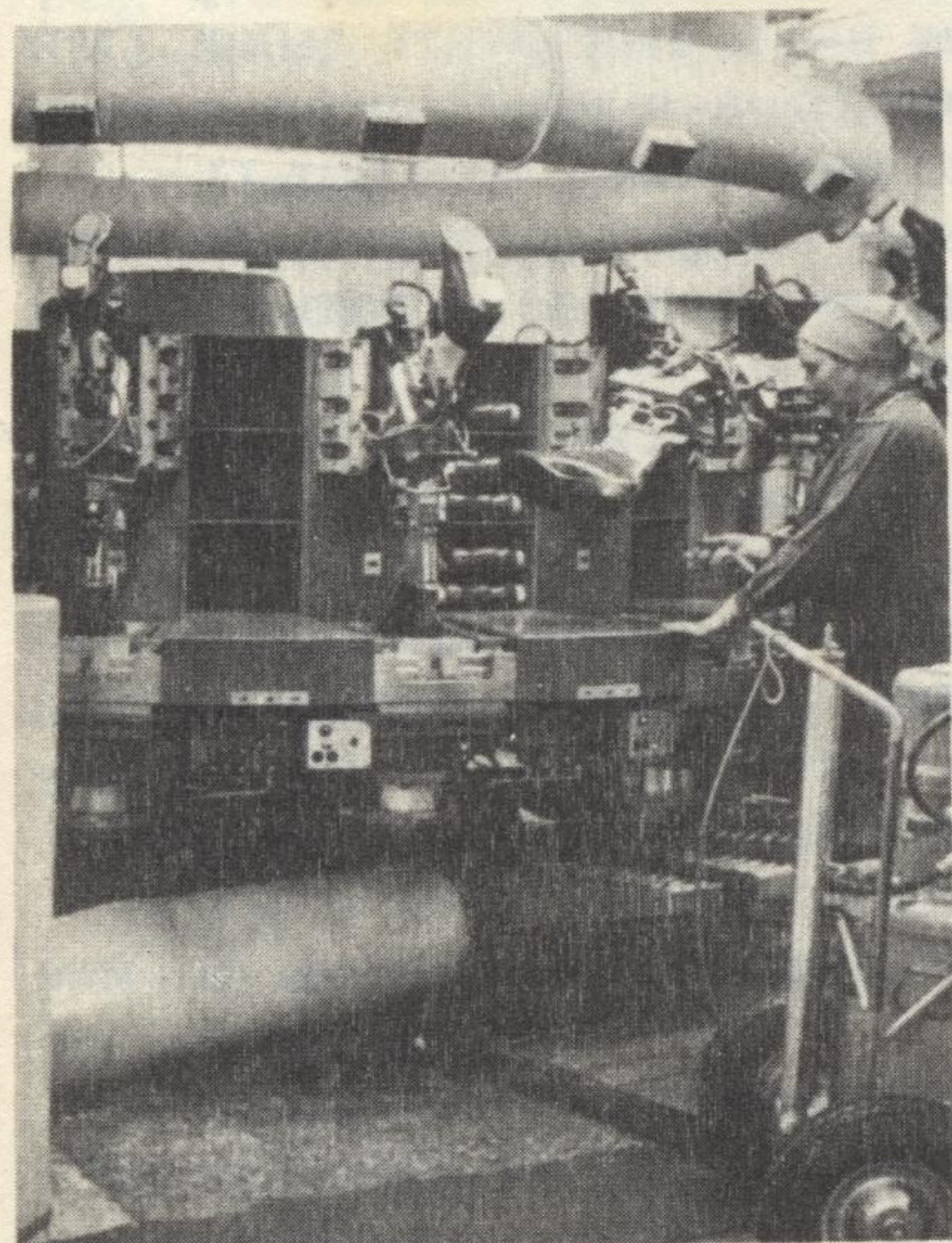
— Ура! — закричали ребята и обменялись крепким рукопожатием.

Участок, куда они пришли, назывался швейным. Саша посмотрел, послушал:

— Как пулеметы строчат.

— Они, наверное, электрические, — догадался Миша.

— Верно, — сказала Мария Ивановна, — к тому же каждая машинка своей операции обучена. Тут две детальки вместе сшивают, там — третью, дальше кант прострачивают.

— А вот здесь мои язычки пришивают! — обрадовался Саша.

— А вон там мои задники! — увидел и Миша свою работу.

— А это что такое? — спросил Саша.

— Карусель какая-то рогатая, — удивился Миша.

— Литьевой агрегат, — сказала Мария Ивановна. — И не рога это, а колодки. Здесь на них заготовки надевают, а с другой стороны снимают уже готовую обувь. Машина сама подошву отливает, сама ее к верху приваривает, крепко — не оторвешь!

В соседнем цехе оказалось еще интереснее. Здесь друзья увидели целую полуавтоматическую линию. Обслуживают ее всего три оператора, а продукции выпускают — как целый цех!

Сначала Саша с Мишей ничего понять не могли. Что это за сооружение? Будто великан играл огромными серыми кубиками и выстроил из них длинный разноэтажный дом.

— Гляди, Миша, — сказал Саша, — похоже, бронепоезд.

Мария Ивановна засмеялась:

— Бронепоезд, мальчики, дело прошлого, а эта линия к нам из будущего приехала. Знаете, сколько сейчас здесь людей занято? Раскройщики, швейники, затяжники, отделы... А в будущем, когда вы подрастаете, эту работу будут делать...

— Автоматы! — догадался Миша.

— Верно. Автомат раскроит кожу на детали лучом лазера. Читали «Гиперболоид инженера Гарина»?

— Кино смотрели.

— Значит, знаете. Только луч этот будет очень тоненьким. Потом детали пойдут на автоматическую линию, на сборку, а оттуда — на литьевую карусель. Несколько секунд — и новая пара готова. Автомат упакует ее в коробку и отправит по специальному транспортеру на выходную базу, а оттуда — в магазин.

— А люди вообще ничего делать не будут?

— Почему же? За работой автоматов будут операторы следить — по приборам, как летчик в самолете.

Тут Мария Ивановна посмотрела на часы и ахнула.

— А ну-ка, мальчики, быстро в цех!

Рабочие собрались в середине цеха. Мария Ивановна вошла в образовавшийся круг и открыла собрание. Она сказала, что сегодня у них праздник, что трем молодым раскройщицам, комсомолкам, недавним выпускницам ПТУ присвоено звание ударников коммунистического труда. Девушкам вручили красные книжечки и значки ударников, а совсем юные раскройщицы, которые еще ПТУ не закончили, поздравили их и прочли стихи. И все кругом хлопали и улыбались.

И Сашу с Мишей не забыли. Мария Ивановна подтолкнула их вперед, обняла за плечи и поздравила с началом рабочей биографии.

— Растите, учитесь, — сказала она, — и ждем вас у себя на фабрике. А на память о первом трудовом дне разрешите подарить вам по книжке...

Когда Саша с Мишей об этом рассказали в школе, на пионерском сборе, то все ребята в классе захотели во что бы то ни стало побывать на обувной фабрике.

И в самом деле: ботинки, сапожки носим, без обуви никуда, а как ее делают — не знаем. Смешно даже.

Г. ЕФРЕМОВ
Фото И. Фомченко

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ГОРА

Виктор ГОЛЯВКИН

РАССКАЗ

Рисунки А. Ивашенцевой

Я катился вперед изо всех сил, всю махал палками, спотыкался, вставал — и не отчаивался. За мной никто не шел, я никому не должен уступать дорогу, никто не видит, как плохо я качусь на лыжах. Пусть папа не думает, что меня надо ждать, пусть идет вперед без остановки — догоню же я его в конце концов.

Я уже перестал спотыкаться. Качусь как по маслу. А папа все дальше и дальше.

Ну как так можно? Вместе пришли, а он все впереди да впереди. Тут у меня внутри как будто моторчик какой-то включился. Разворачиваюсь и нарочно еду в обратную сторону. Пусть он увидит и, может быть, остановится. Изредка оглядываюсь, вижу — развернулся и стал ко мне приближаться. Теперь он сзади, а я впереди.

Наконец догоняет.

— Извини, Славик, — говорит папа, — я тебя совсем загнал. Увлёкся. От тебя пар столбом идет, надо остыть.

Сам он, по-моему, устал, а на меня сваливает.

— Отдохнем, — говорю, — если ты устал.

— Нам с тобой лучше ехать в ту сторону, там самое интересное.

Едем в ту сторону. Скоро показалась большая гора и озеро, покрытое снегом. Дальше ехать вроде бы некуда.

Папа говорит:

— Это моя любимая гора. Правда, красивая? Ты не находишь?

— Ну и что? Гора как гора.

— Да это вовсе не гора, а горушка.

Я еще раз взглянул на гору. Страшная гора, мне показалось.

— Ничего себе «горушка»! Почти до самого неба.

— Возьмем эту горушку штурмом? Не спасешь?

— Что ты, — говорю, — разве на нее вскарабкаешься? Если я на нее и залезу, то как потом слезу? Если хочешь, сам лезь. Я тебя внизу подожду.

Папа расставил лыжи в разные стороны и полез на эту самую «горушку».

— Делай, как я! — кричит. — Слышишь? Вперед, айда!

— А зачем мне лезть на эту гору? — кричу в ответ.

— Поглядим с горы на окрестности.

— Тебе хорошо говорить «айда». Гора-то огромная, а я маленький.

— Есть сколько угодно маленьких, которые лучше больших катаются с гор.

Я попробовал, как папа, расставить лыжи. Они сразу назад покатались, а я упал носом в снег. Попробуй теперь встань. Лыжи мешают...

А отец вприпрыжку шпарит, ему хоть бы что. Даже не замечает, что мне не встать. Потом обернулся и кричит:

— «Елочкой» не получается? А ты «лесенкой» попробуй. — И показывает, как боком сначала одну лыжу ставить, потом другую.

Кое-как карабкаюсь. То палки мешают, то лыжи, то ноги заплетаются. Не выдерживаю и опять падаю. И лежу. Вставать больше не буду. Проклятая гора. Катались бы рядом, туда да обратно.

— Вставай! — кричит отец.

— Я, может, полежать хочу. Чего ты ко мне пристаешь?

— Сколько же ты лежать собираешься?

— Совсем чуть-чуть, минут десять или пятнадцать.

— Полежи одну минуту и сразу — пошел. Ты пока лежишь, соберись с силами, сосредоточься и давай сюда!

— Опять ты со своим «давай-давай»!

— Да ты не ругайся, а то последний запас израсходуешь. Ты молча лежи и с силами собирайся.

Встаю и лезу выше. Немного уже осталось, но зато самое крутое место.

Опять падаю, но сразу же встаю, пока он «давай-давай» снова не заладил.

Папа влез наверх и палку мне протягивает чтобы я за нее ухватился. И вот мы стоим на горе. И молчим. Ничего не скажешь — гору одолели.

— Какой вид! — говорит папа.

— Хороший вид, — говорю.

— Замечаешь, как много видно с высоты, горизонт раздвинулся, панорама перед взором... Чувствуешь, что такое высота?

— Что я теперь должен делать? — говорю.

— Как что? Покатали теперь вниз.

— Вот еще выдумал!

— Неужели ты собираешься на этой макушке торчать? — Он оттолкнулся и — вниз. Вот упадет сейчас с размаху, не будет тогда ко мне приставать.

— Эх, хорошо! — кричит папа и уже снова «елочкой» наверх подбирается. Он, наверное, приехал сюда показать мне, как он здорово на лыжах катается.

— Ничего хорошего не вижу, — говорю.

— Сейчас я тебе покажу.

— Не надо мне ничего показывать. Отстань. Так и знал, что ты будешь меня воспитывать собственным примером.

— Ни за что на свете я теперь от тебя не отстану, — говорит он и лезет вверх. Хоть бы споткнулся. Хоть бы я куда-нибудь испарился от этих проклятых лыж.

— Почему, — спрашиваю, — ты от меня отстать не хочешь?

— Вот ты на вершину такой горы залез. Подумать только, как здорово. С таким человеком, как ты, я бы куда хочешь пошел и был бы уверен, что ты меня не подведешь.

— Знаю, куда бы ты со мной пошел: в горы бы пошел, не «куда хочешь».

— Правильно... — говорит папа.

— Нет, неправильно.

— А что ты имеешь в виду? — спрашивает.

— Если все будут на горы лазать, смешно...

— Все не могут.

— А ты думаешь, они плохие?

— Почему плохие? Они обыкновенные люди.

— А ты? Необыкновенный? Да?

— С чего ты взял? Да что ты ко мне придираешься?

— Потому что воспитываешь...

— Ну и что?

— А я не хочу. Катайся себе и катайся. А меня не воспитывай.

— Да кто ты такой, чтоб так разговаривать?

— Я ужасно злой!

— Почему?

— Потому что не получается.

— Злись сильнее, тогда получится.

Я лыжи снял и нарочно запустил их ему навстречу. Пусть поймет, что меня отсюда все равно не сдвинешь.

Отец подобрал мои лыжины, одну за другой, и опять ко мне направляется. Злющий, наверное. Сейчас даст мне как следует палкой!

Некуда деться... Вот он подходит, и я решил первый нападать, пока он еще за меня не принялся.

— Как дам! — ору.

— Как? — удивился папа. — Ты со мной драться? Да ты что? Впрочем, давай, — смеется. — Ты рассчитываешь победить? Или мне это предоставляешь? Я же все равно тебя побью, потому что ты трусишь.

— Мне надоели эти лыжи...

— Не валяй дурака, надевай лыжи!

— Не буду надевать!

— Почему?

— Я лучше сяду и так скачусь...

— На что сядешь? На лыжи?

— Я без лыж сяду...

— Да ты очумел от страха? На чем ты хочешь с горы съезжать?

Пришлось снова лыжи надеть, а то подумает, я трус.

— Ты не бойся упасть. Упадешь — не беда. Встанешь — опять поедешь.

— Не хочу!

— Теперь это уже не важно: хочешь — не хочешь. Теперь это уже НАДО.

— Не могу, ноги не сгибаются.

— Подпрыгни с лыжами на месте: раз-два!

— Не могу!

— Не будешь же ты сидеть здесь вечно. Сам посуди.

— Ладно, — говорю. — Сейчас назло тебе умру на этой проклятой горе. Ты будешь виноват.

Лыжи вдруг поехали, я за ними не успел, хотел упасть, но нечаянно вперед наклонился, и это меня спасло. Не успел я этому обрадоваться, как сразу свалился назад, но ударился совсем не больно. Подумаешь...

Тут же вскочил и вверх полез.

Папа стоял, опираясь на палки, и улыбался.

Очень большая гора, долго мне на нее карабкаться. Папа со свистом промчался мимо. Потом нагнал.

— Ну вот и все, — сказал он и протянул мне руку. — Не хочешь ли теперь подкрепиться?

— Как это все? — говорю. Тебе хорошо говорить, ты не упал.

— Ну, как тебе гора?

— Ничего гора, — говорю. — Я хочу теперь съехать без падений.

— Теперь тебе никакая гора не страшна. Я за тебя спокоен.

Я снова скатился и не упал. Если бы упал, полез бы еще раз. Но вышло сразу удачно. Настроение стало хорошее. Мы встретились внизу на снежном озере.

— Гора замечательная, — сказал я. — Извини за хамство.

— Ты меня тоже извини, — говорит папа.

— За что?

— Я обращался с тобой жестоко. Но ты вообще отважный мальчик. Мне с тобой интересно.

Папа вынул из рюкзака наши запасы. Рюкзак постелил на снег, и мы на него сели. Разлили из термоса сладкий чай и ели хлеб с маслом. Папа, наверное, заранее знал, что у нас разыграется аппетит и хлеба с маслом надо побольше. У нас его было вдоволь. Я ел кусок за куском, запивал горячим чаем и все больше уважал взрослых: они так хорошо знают, что надо, даже удивительно.

Л. ФАДЕЕВА

ДВОЙКА

Двойка,
Двойка,
Двушка!
Выпятила брюшко,
Голову склонила
И глядит уныло.
Двойка притворяется,
Что она печалится! —
За печальной спиной
Хвост — веселою волной!
Двойка очень рада:
«Так тебе и надо!
Не учил?
Не учил!
Вот и получил!»

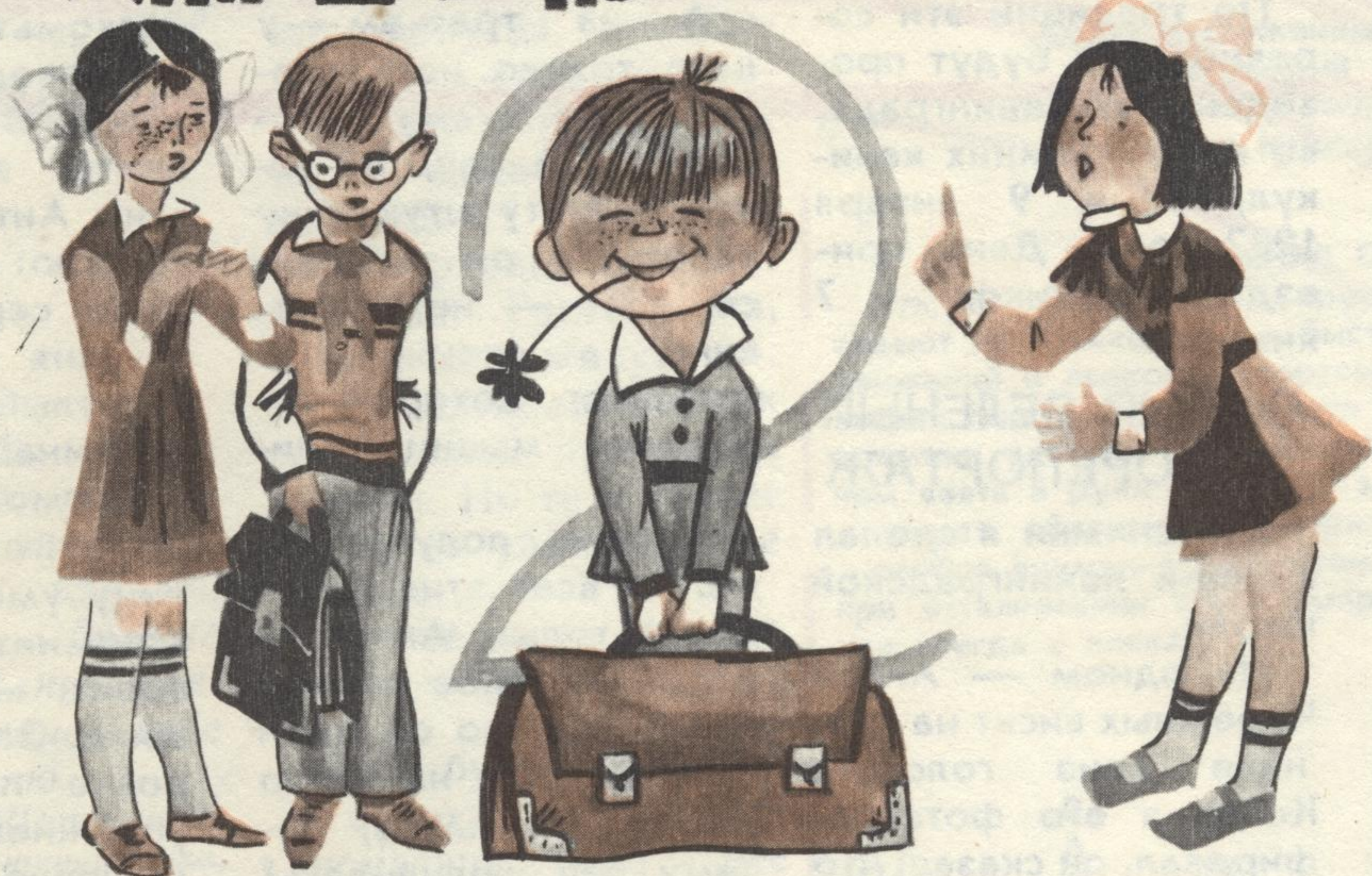
ВОЖАТЫЕ

К нам вожатые придут!
Нас куда-то поведут!
Кто вожатые у нас?
Пятый класс!
Эти классы пятые
Самые вожатые!
Говорил Капустин Вова,
Что они и рыболовы,
И артисты,
И туристы,
И еще в кино ходисты!
К нам вожатые придут!
Нас куда-то поведут!
А куда — не все равно!
Рвется Глебова в кино,
Генка Плисов — на рыбалку,
На балет — Смирнова Галка,
А с Давыдовым беда —
Он не рвется никуда...
Пятый класс,
Пятый класс!
Что придумал ты для нас?

Рисунок О. Филипенко

-ДЛЯ ШКОЛЬНОГО ТЕАТРА-

В. Панков

ДОЗНАНИЕ

В пионерской комнате заседает совет дружины.

Председатель. Я думаю, мы так никогда никого не разыщем. У каждого есть оправдания. Я предлагаю пойти от противного...

Чей-то голос. То есть?

Председатель. Позовите следующего... Только попрошу мне не мешать и ничему не удивляться. (Он надевает очки.) Начинаю допрос!

(В комнату входит ученик.)

Председатель. (Молча обходит его и вдруг резко спрашивает.) Фамилия?

Ученик. Б-булкин.

Председатель. Вчера кто-то разбил стекло в учительской и похитил классный журнал. Мы проводим расследование. А ты...

Булкин. Я?! (Мечется.) Тут какая-то ошибка, да у меня вчера весь день был забит до отказа. Я вчера к школе и близко не подходил.

Председатель. Доказательства?..

Булкин. Вот билет в кино. Случайно сохранился... Начало как раз в четыре.

(Все переглядываются.)

Председатель. Алиби?

Булкин. Точно, алиби, отсутствие на месте преступления!.. А с утра я по телевизору мультяшки смотрел и еще какую-то муру.

Председатель. А потом?

Булкин. А потом во дворе в футбол играл.

Председатель. С кем играл? Из вашего класса был кто-нибудь?

Булкин. Ну, если вы кого-нибудь из наших подозреваете, то прямо скажу: напрасно. Никого в школе не было. Все на стадионе паслись. Считайте, у нас у всех алиби!..

Председатель. Ну вот... (Разводит руками.)

Как же нам все-таки разыскать тех, кто вчера участвовал в озеленении школьной территории?.. Кому подарки-то вручать?

ВСЕ ЗА ОДНОГО

Первый. Когда я был еще маленьким, получил я... однажды... двойку.

Второй. Да, помню. Двойка эта позорным пятном легла на весь класс.

Первый. Вызвали меня после уроков на сбор отряда и говорят...

Второй. Позор! Опять в нашем классе двойка. Проглядели, прозевали... Предлагаю строго предупредить Лену Вострикову за то, что она, отличница, а не помогла нашему двоечнику Владимирову...

Первый. Потом я, помнится, получил двойку по ботанике. Опять вызвали и говорят...

Второй. Поставить на вид Саше Килькину. Как он, такой опытный юный натуралист, проморгал эту двойку и не научил нашего двоечника Владимирову любить природу..?

Первый. Потом я получил два по физкультуре...

Второй. Ну и досталось Букину! Он спортсмен, а не вовлек отстающего Владимирову ни в какую секцию...

Первый. Потом, если мне память не изменяет, получил я двойку по химии...

Второй. А попало Козину. Он должен был подсказать, а не сумел.

Первый (с восторгом). Тогда я — по математике...

Второй. Позор Суриной, не подготовившей Владимирову домашних заданий!

Первый (со вздохом). Ну, теперь, наверное, в школе все не так, все по-другому... Теперь, наверное, двоек в школе и не получают... А?

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

НАШИ НОВОСТИ

Управление легкой атлетики Спорткомитета СССР и редакция журнала «Костер» приняли решение о проведении III Всесоюзных финальных соревнований спортклуба «Кузнечик».

По традиции эти соревнования будут проведены в Ленинграде, во время зимних каникул, 8 и 9 января 1982 года. День приезда участников — 7 января.

САМЫЙ ЗЕЛЕНЫЙ ФОТОРЕПОРТАЖ

Эти снимки я сделал в 348-й ленинградской школе.

На одном — Антон Черемных висит на турнике вниз головой. Когда я его фотографировал, он сказал, что так многие прыгуны тренируют свой вестибулярный аппарат.

На втором — Антон учится не бояться высоты: ухватился за ка-

нат и, как на качелях, летает под самым потолком из конца в конец зала.

А на третьем — у него только ноги торчат. Хотя я ему и говорил: «Антон, ты зачем под эту штуковину залез?» А он засмеялся: «Это — не штука, а специальный тренажер, который укрепляет мышцы спины».

Короче, получилось, что на всех этих снимках — только Антон да Антон. И такое впечатление, словно он один «кузнечик» на всю школу. И знаете, почему так получилось? Стал я в школе с «кузнечиками» знакомиться и решил пошутить: мол, интересно, кто из вас самый зеленый? Отвечают: «Самый зе-

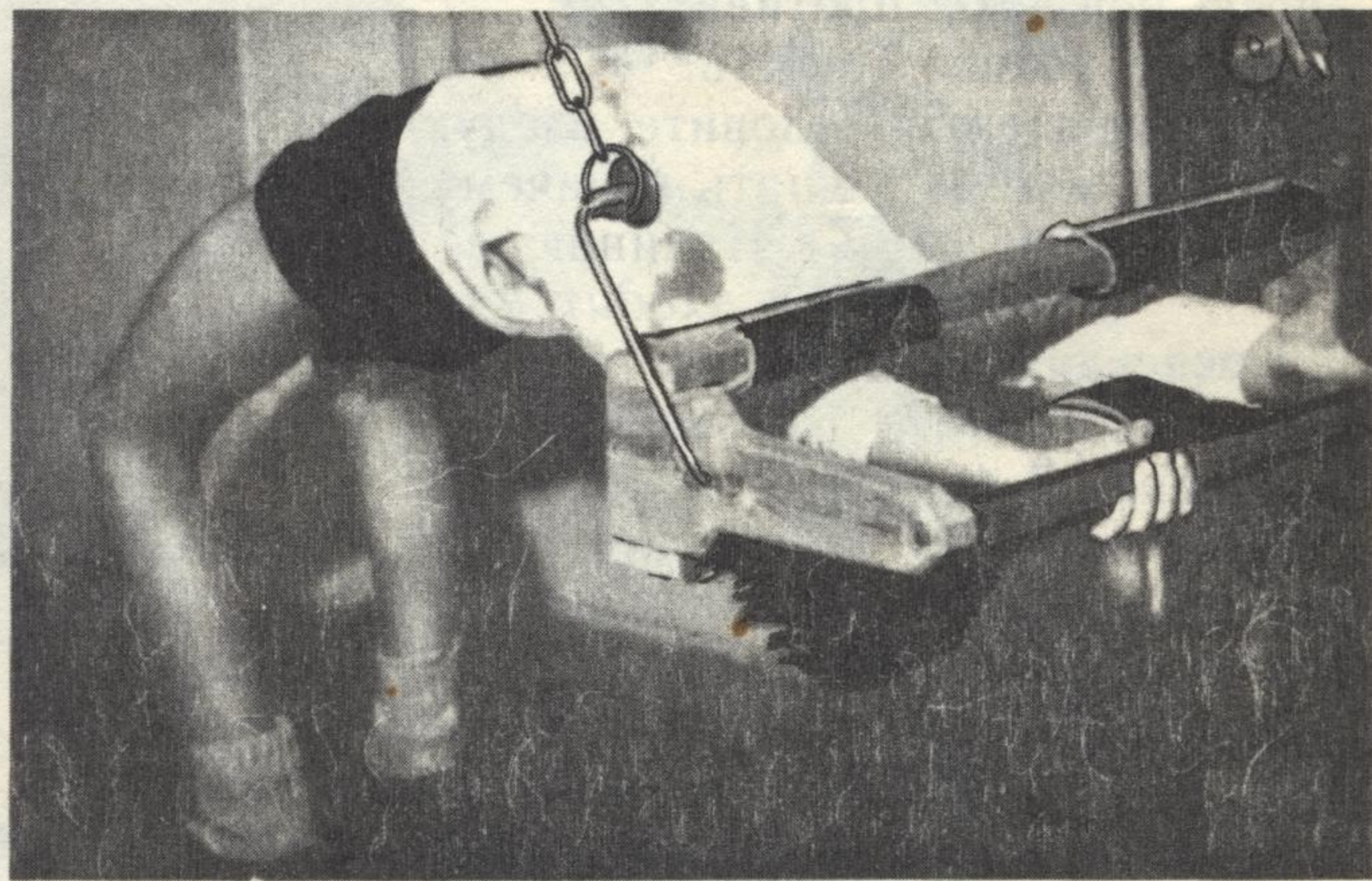
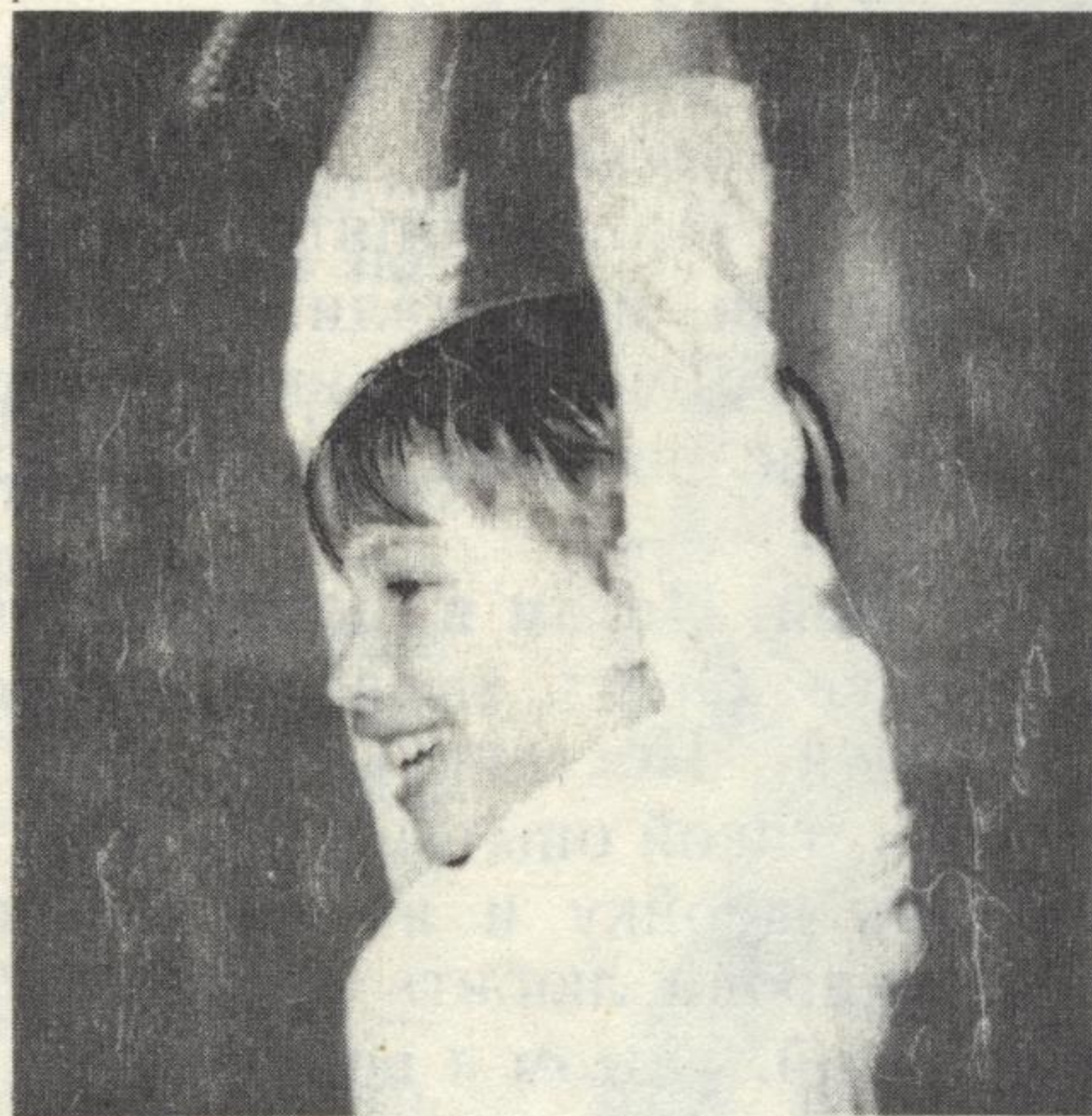
лennyй — Антон Черемных, он всех младше — в третьем классе учится. Пожалуйста, познакомьтесь!»

Словом, вот такая история. А недавно мы опять встретились с этим Антоном, и я ему говорю: «Тренировка — дело серьезное, а ты у меня на всех снимках улыбаешься. В чем причина?»

Посмотрел он на меня так, словно всю таблицу умножения хотел вспомнить, а потом говорит: «Вы же и смешили. Зачем на тренировке после каждого упражнения спрашивали: почему да почему, как почемучка?»

Вот тебе и самый зеленый!

Текст и фото
Р. ГЕРМАНОВА

ИЗ ПРОТОКОЛОВ МОСКОВСКОЙ ОЛИМПИАДЫ

Соревнования по прыжкам в высоту

		МУЖЧИНЫ										
		2,10	2,15	2,18	2,21	2,24	2,27	2,29	2,31	2,33	2,36	2,38
Герд Вессиг	ГДР	—	○	—	○	○	○	ХО	○	ХО	ХО	XXX
Яцек Вшола	ПНР	—	○	—	ХО	ХО	○	○	ХО	XXX		

		ЖЕНЩИНЫ									
		1,75	1,80	1,85	1,88	1,91	1,94	1,97	1,99	2,01	2,02
Сара Симеони	Италия	—	○	○	—	○	○	ХО	—	—	XXX
Килан Урсула	ПНР	—	○	○	○	○	○	XXX			
Кирст Ютта	ГДР	○	○	ХО	○	ХХО	ХО	XXX			

Примечание: ○ — высота взята, — пропуск высоты, Х — высота не взята

Здравствуй, «Кузнечик»!

Радостями и неудачами, конечно, можно поделиться с родителями и друзьями. Но мне кажется, что ты, «Кузнечик», больше всех за нас волнуешься. И поэтому пишу тебе каждую неделю.

*Фаина Шаталина,
село Вольноандреевка,
Запорожская область*

ЕСТЬ ТАКОЙ ТРЕНЕР

Коллективный рассказ о тренере детской спортивной школы завода «Ростсельмаш» Галине Григорьевне Пукште ее бывших воспитанников.

Мне кажется, наша Галина Григорьевна никогда не забывает о своем детстве. А детство у нее было трудное. Отец погиб на фронте. Дом сожгли фашисты. Долгое время жила с больной матерью в старом сарае. И поэтому ребятам с ней легко — ведь она знает, что такое трудно.

*Ирина Писаренко,
мастер спорта СССР*

Однажды Галина Григорьевна узнала, что все ребята одной из ее спортивных групп хотят стать детскими тренерами. Узнала и расстроилась. Другие бы на ее месте радовались, а она ночей не спала. Помню, говори-

ла: «Тренер — это человек, который отказался от самого себя. А что они об этом знают, попугаи несчастные». И в один прекрасный день собрала группу и давай стружку снимать. И одна половина группы сказала: «Галина Григорьевна, извините, пожалуйста». А другая половина так и осталась при своем мнении. Но те и другие стали ее уважать еще больше.

*Наташа Козеева,
мастер спорта СССР*

Не буду называть фамилию. Скажу дипломатично: был у нее один мальчишка, — беспросветный двоечник и хулиган, а стал известным ученым и, главное, настоящим человеком. И этот человек потом ей писал: «Можно прожить сто лет, но так и не понять, что самое прекрасное на свете — это доброта, если доброта терпелива». Если бы мне хоть раз так написали... А у Галины Григорьевны таких писем много.

*Валерия Титова,
мастер спорта СССР*

Иногда ловлю себя на мысли: «Вот опять закрутилась и не позвонила Галине Григорьевне. Забыла поздравить с праздником, не узнала, как она себя чувствует». А она ни о ком и ни о чем не забывает. Иногда сама тебя навестит. Посидит минутку. Удостоверится, что у тебя все в порядке, и скажет: «Ну, ладно, я пойду. Ты уж извини, некогда». А ты думаешь: «Кто же перед кем извиняться должен?»

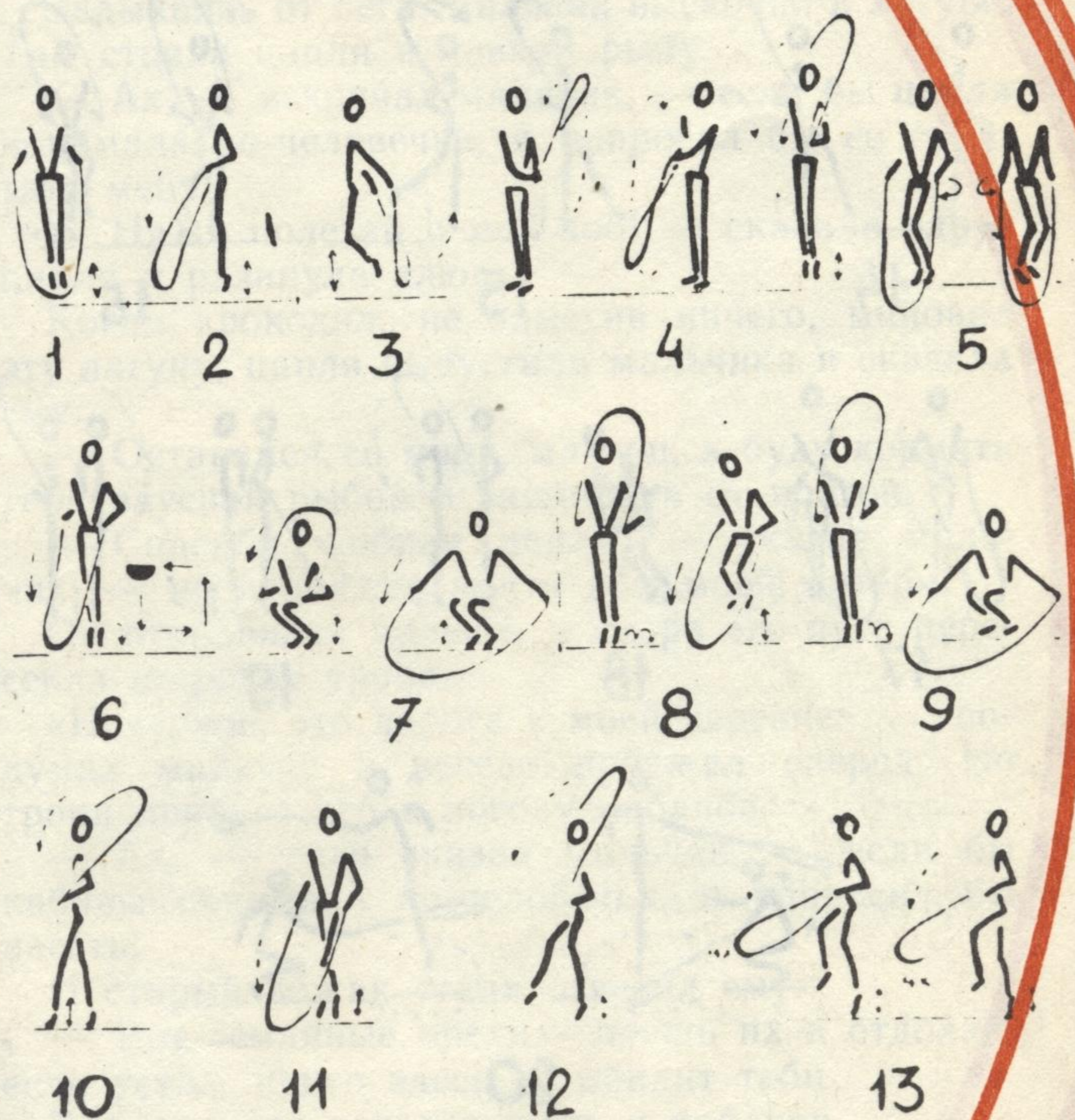
*Тамара Воронкова,
мастер спорта СССР*

Ведет заслуженный мастер спорта,
заслуженный тренер СССР,
главный тренер спортклуба «Кузнечик»
Эдмунд Исидорович РОХЛИН

УПРАЖНЕНИЯ СО СКАКАЛКОЙ

Эти, на первый взгляд, простые упражнения хорошо развивают не только силу и быстроту ног, но и координацию движений и ловкость спортсмена. Недаром даже представители такого мужественного вида спорта, как бокс, много времени уделяют упражнениям со скакалкой. Но прежде, чем взять в руки скакалку, запомните:

прыгая, обязательно выпрямляем ноги;
особое внимание обращаем на технику работы стопы — при отталкивании стопы выпрямляем, а приземляемся на нее всегда с носка;

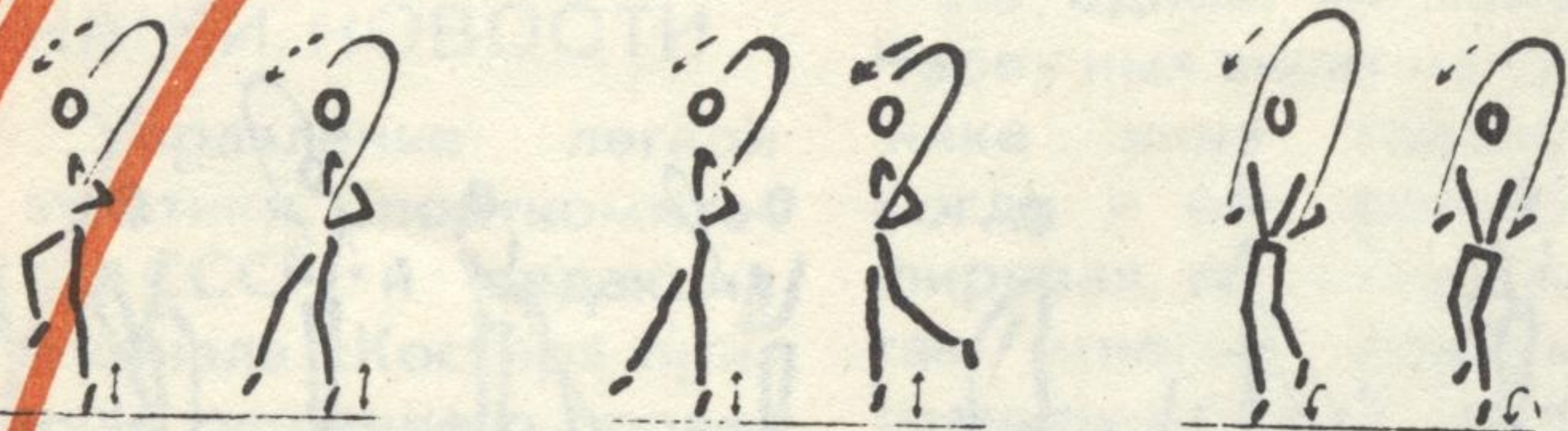

1. Прыжки с промежуточными подскоками
2. Прыжки без подскоков
3. Прыжки с двумя и тремя оборотами скакалки
4. Прыжки с вращением скакалки через левую и правую стороны
5. Прыжки с поворотом таза влево и вправо
6. Прыжки с перемещением по квадрату, меняя направление
7. Прыжки в приседе
8. Прыжки из полуприседа
9. Прыжки из полного приседа
10. Прыжки меняя положение ног — одна перед другой
11. Прыжки ставя ноги скрестно
12. Прыжки на одной ноге
13. Прыжки по четыре раза на одной ноге

колени сгибаем и разгибаем коротко и упруго; каждое упражнение выполняем 2—3 минуты, по несколько раз в течение тренировки. Между упражнениями отдыхаем, расслабляя и, как говорят тренеры, «растряхивая» мышцы, делаем маховые движения; дыхание не задерживаем; прыгаем в туфлях с мягкой, гибкой подошвой, а еще лучше босиком или в носках.

Что же касается скакалки, то вы, конечно, знаете: она может быть веревочной или из резинового жгута, на концах — деревянные рукоятки или просто узлы.

И — последнее. Разучив упражнения, можно провести соревнования. Например, между октябрятскими «звездочками» или пионерскими звеньями. И даже между «звездочками» и звеньями. Здесь ведь неважно, что одни младше, а другие старше. Важно — кто самый прыгучий!

14

15

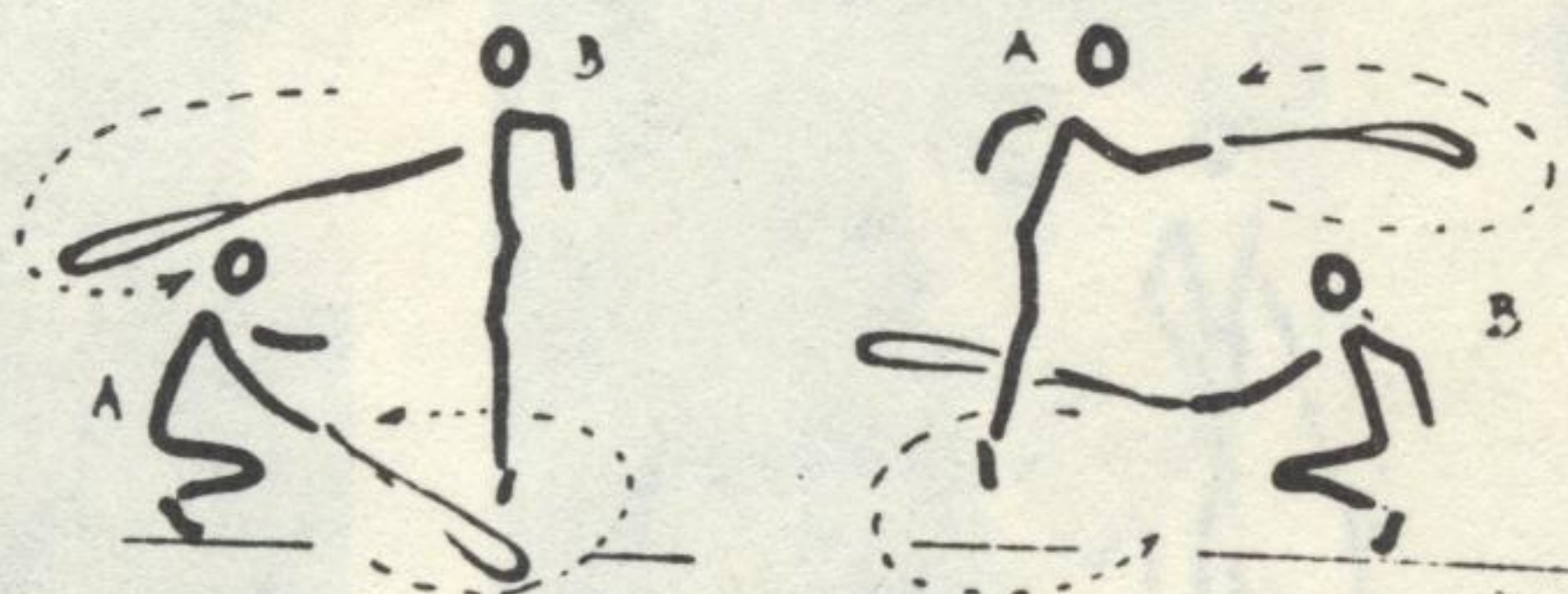
16

17

18

19

20

14. Прыжки с одной ноги на другую
15. Прыжки с отведением ноги вперед и назад
16. Прыжки с отведением ноги в сторону
17. Прыжки на двух ногах скрещением рук со скакалкой
18. Перепрыгивание через скакалку вперед и назад
19. Прыжки вдвоем
20. Парное упражнение с вращением скакалки, держа ее в одной руке

ВНИМАНИЕ!

ПРИЕМ В СПОРТКЛУБ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. УСЛОВИЯ ПРИЕМА СМОТРИ В «КОСТРЕ» № 3 ЗА ЭТОТ ГОД.

Ю. Беломлинской

Рисунки
Ю. Беломлинской

НА ШАХМАТНОМ турнире в Гааге 84-летний немецкий гроссмейстер Мизес выиграл у 86-летнего голландца Ван Форреста.

— Вот что значит молодость! — сказал довольный Мизес.

В ПРИСУТСТВИИ Марка Твена зашла речь о лунатизме.

— Не знаете ли вы рецепта от этого недуга? — спросили писателя.

Тот вместо ответа взял листок бумаги и написал: „Коробка канцелярских кнопок. Три столовые ложки на ночь около постели“.

В НАЧАЛЕ прошлого века по Европе возили механического шахматиста-куклу, одетую турком. Автомат обыгрывал каждого, кто решался сесть с ним за доску. Обыграл он и Наполеона.

— Я всегда преклонялся перед механикой! — воскликнул император.

Он не знал, что внутри куклы сидит человек — очень сильный шахматист.

МАЛЬЧИК И КОЗОДОЙ

СКАЗКА

«Не стреляй в козодоя, а то он уведет тебя к большой реке», — так говорят индейцы тембе своим расшалившимся детям. Хочешь знать, почему они так говорят? О, это старая история.

Как-то раз одна женщина пошла со своим маленьким сыном на поле. И пока она выкапывала корни маниоки, мальчик стрелял по птицам. Вдруг прилетел козодой. Мальчик и в него пустил стрелу, но промахнулся. А козодой вспорхнул и сел неподалеку. Мальчик выстрелил еще раз, и снова промахнулся.

Так и преследовал мальчик козодоя, пока птица не скрылась за деревьями. Оглянулся мальчик и понял, что забрел далеко от материнского поля.

Он знал, как тембе находят дорогу домой, и смело побежал через лес. Но скоро оказался на берегу большой реки.

«На пути сюда не было потока, — подумал мальчик. — Значит, я заблудился. Это колдовство козодоя». Сел мальчик на берегу большой реки и горько заплакал.

Летел мимо дятел.

— Ах, — воскликнул мальчик, — если бы дятел понимал по-человечьи, я попросил бы его перенести меня через реку!

И тут дятел опустился перед мальчиком на ветку и сказал:

— Садись мне на спину, и я перенесу тебя через реку.

Засмеялся мальчик от радости, взобрался на спину дятла, и они взлетели. Видел ты когда-нибудь полет дятла? Он то взмывает вверх, то падает к земле. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

— Ой, постой, погоди! — закричал мальчик. — Скорее назад, спусти меня на землю! Я сейчас упаду!

Так мальчик снова оказался на том же берегу. Плыл мимо крокодил.

— Ах, — громко вздохнул мальчик, — если бы крокодил понимал по-человечьи, я попросил бы его перевезти меня на тот берег!

Крокодил подплыл к берегу и сказал:

— Садись, я перевезу тебя.

Обрадовался мальчик, залез на спину крокодила, и они поплыли.

Но когда крокодил достиг середины реки, он вдруг спросил мальчика:

— Ну-ка скажи, как твоя мать называла меня?

«Ну нет, — подумал мальчик, — если я скажу ему, как моя мать называет крокодила, он меня съест».

— Я жду, — сказал крокодил, — говори, как твоя мать называла меня, не то я тебя проглочу!

— Хорошо, — ответил мальчик, — скажу. Но подплыви ближе к берегу, на быстрине у меня кружится голова.

Едва он приблизился к берегу, мальчик прыгнул на землю и закричал:

— Злобная безмозглая тварь — вот как моя мать называла тебя! — и со всех ног пустился наутек.

А крокодил преследовал его по пятам.

Задыхаясь от бега, мальчик выскочил к лагуне. Там стояла цапля и ловила рыбу.

— Ах, — вскричал мальчик, — если бы цапля понимала по-человечьи, я попросил бы ее спрятать меня!

— Ну-ка полезай в мой зоб! — сказала вдруг цапля и разинула клюв.

Когда крокодил, не заметив ничего, миновал эту лагуну, цапля выпустила мальчика и сказала ему:

— Оставайся со мной, малыш, я буду кормить тебя вкусной рыбой и защищать от врагов.

— Спасибо, добрая цапля, — сказал мальчик, — но я должен найти дом моей матери.

Он отправился дальше, и скоро его путь пересекла широкая тропа.

«Наверное, это дорога к моей деревне», — подумал мальчик и весело побежал вперед. Но тропа привела его к логову кабанов.

— Ах, — тихо сказал мальчик, — если бы кабаны понимали по-человечьи, я попросил бы поесть!

И старый вожак стада ответил ему:

— Вот земляные орехи — поешь их и отдохни, если устал, никто здесь не обидит тебя.

Так мальчик остался жить у кабанов.

Однажды кабаны отправились на дальние поля воровать у людей бататы. И мальчик пошел вместе с ними. Кабаны рылись в земле, а мальчик бродил вокруг. У поваленного дерева он остановился и сказал про себя: «А ведь это поле моей матери. Здесь она сняла короб в тот самый день, когда я погнался за козодоем».

Наелись кабаны бататов и побежали обратно в лес, а мальчик спрятался за деревом и остался один.

Скоро он увидел, как по полю идет его мать. Вот она сняла с плеч короб и поставила его на землю у поваленного дерева. Тут-то мальчик и выскочил из-за своего укрытия навстречу матери.

Увидела мать своего потерянного сына и заплакала от радости.

Весь день и всю ночь мальчик рассказывал о том, что с ним случилось, и вся деревня собралась послушать его.

Пересказала Л. КОКОРИНА

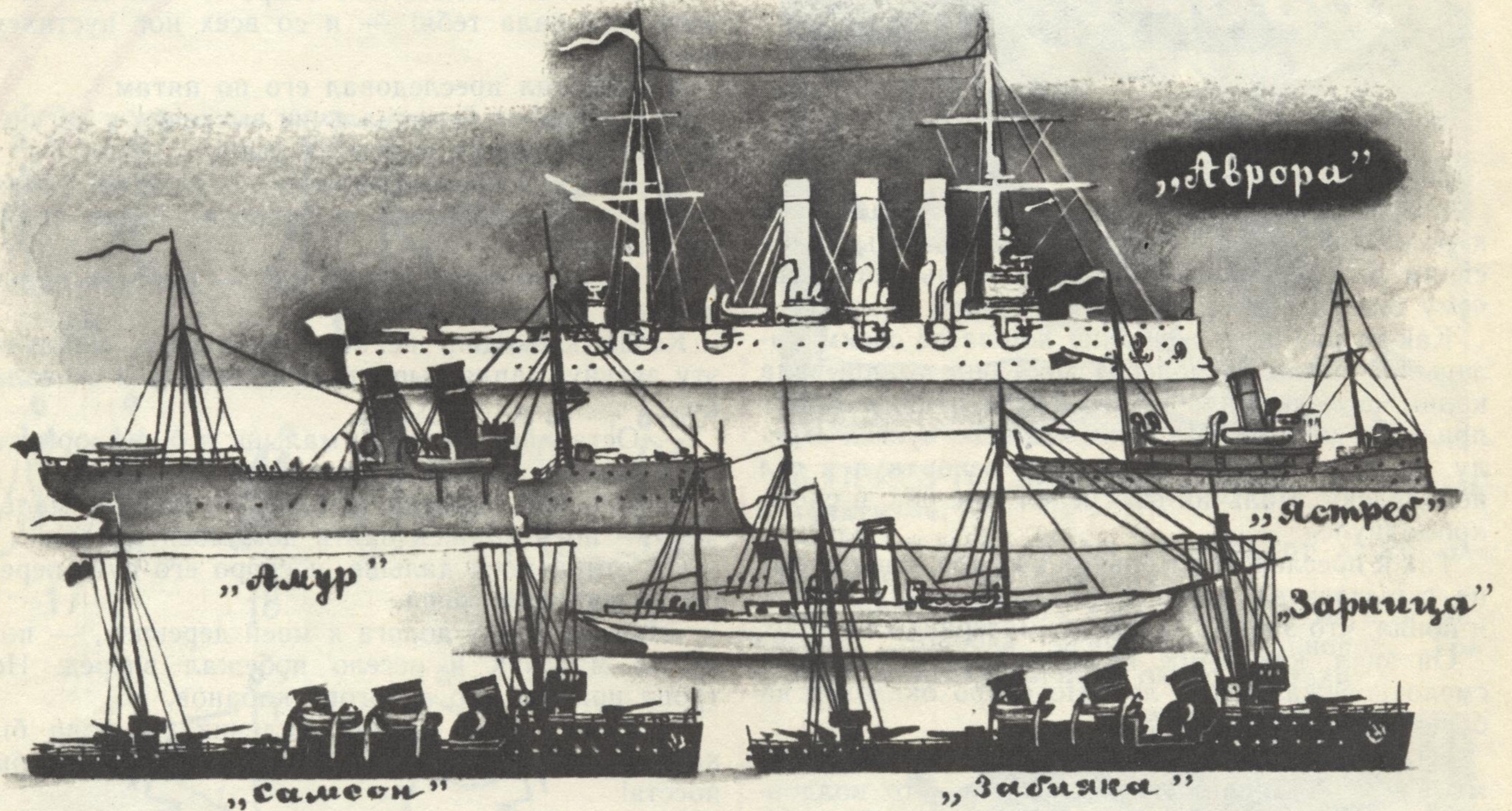
МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 25-й

КОРАБЛИ ОКТЯБРЯ

«Аврора». Этот крейсер известен всему миру. С «Авроры» прогремел исторический выстрел. Моряки с «Авроры» штурмовали Зимний, очищали город от юнкеров, охраняли Смольный. Нет человека на Земле, кто не знал бы этого звучного, легкого названия — «Аврора»...

Но «Аврора» была не единственным кораблем Октября.

Посыльное судно «Зарница». Матросы с «Зарницы» тоже участвовали в штурме Зимнего, а когда революционные отряды захватили дворец, матросы с посыльного судна несли его охрану.

Минный заградитель «Амур». На «Амуре» размещался штаб Кронштадтского сводного десантного отряда. 25 октября с «Амура» высадились две тысячи матросов. Некоторые из них принимали участие в аресте Временного правительства.

Сторожевой корабль «Ястреб». На подмогу революционному Петрограду из Гельсингфорса пришел «Ястреб». Он привез боеприпасы и оружие для участников восстания.

Эсминец «Забияка». Десант с «Забияки» занял боевую позицию у Николаевского моста — важного стратегического пункта города. После

свержения Временного правительства, когда на Петроград двинулись отряды контрреволюции, «Забияка» по приказу Ленина поднялся вверх по Неве и встал на огневую позицию у села Рыбацкое.

Эсминец «Самсон». Этот корабль вошел в Неву в канун штурма Зимнего. Его комиссар доставил в революционный Петроград важный пакет — резолюцию о полной поддержке моряками Балтийского флота II Всероссийского съезда Советов. Моряки с «Самсона» тоже штурмовали Зимний и наводили революционный порядок на улицах города.

СЕКРЕТНЫЙ ГРУЗ

Случилось это в последние дни героической обороны Севастополя.

Фашисты окружили город с суши, и только с моря на кораблях шла помощь. Ночью приходили корабли, ночью уходили.

Одним из последних в Севастополь пробился лидер эсминцев «Ташкент» — быстроходный красавец-корабль.

Севастополь горел. Даже ночью не умолкали взрывы, и горы, окружавшие город, сверкали огнями выстрелов и время от времени освещались лучами прожекторов.

Всю ночь шла погрузка на «Ташкент», и палубы его быстро заполнились беспомощными ранеными, детьми и женщинами. Миновала полночь. Погрузка была окончена, но лидер не уходил...

Люди на палубах начали волноваться: с рассветом на корабль налетят бомбардировщики. Почему медлит командир? Чего он ждет?..

Прошел час, другой. Люди волновались все больше, и среди пассажиров прошел слух: корабль задержался потому, что ожидают еще какой-то груз. Какой — неизвестно. Груз — секретный...

В Севастополе скрывались и фашистские лазутчики-шпионы. Один из них прослышал про секретный груз и той же ночью сообщил в фашистский штаб: «На „Ташкенте“ большевики вывозят секретный груз»...

Секретный груз прибыл в третьем часу ночи. Он был укрыт в серые солдатские одеяла. Его живо спрятали под палубу корабля, и «Ташкент», не медля, вышел в море.

Он шел самым полным ходом, и две волны, как два белых крыла, поднимались по сторонам его острого носа-форштевня.

Но как ни быстро мчался корабль, фашистские самолеты догнали его на рассвете. Бомбардировщики один за другим с воем начали пикировать на корабль и сбрасывать бомбы. Летчикам было приказано: «Любой ценой потопить «Ташкент»!

Тяжелые бомбы поднимали столбы воды рядом с кораблем, и осколки секли воздух, воду и борта «Ташкента». Все больше и больше пробоин. Все ниже и ниже в волны оседал «Ташкент».

Три часа отбивался корабль и хотя и медленно, но уходил от врага.

Наконец подоспела и помощь — прилетели краснозвездные самолеты, подошли эсминцы, помогли добраться до порта Новороссийск. С полузатопленного корабля сняли людей. И тогда вынесли на берег «секретный» груз. Это была знаменитая на весь мир картина — панорама «Оборона Севастополя в 1855—1856 году»...

Г. ГУСЕВ

Фрагмент панорамы „Оборона Севастополя“. Художник Франц Александрович Рубо

Разговоры на полубаке

- Где бывали, что видали?
- За морем бывали... В одном порту угостили нас кренгельсом... А с чем его едят — не знаем...
- Известное дело! Кренгельс едят с молоком!
- Да ну! А вот еще что было: тянули мы

втроем один шпигат, а он возьми да и лопни... Беда.

- Салаги вы, салаги!
- Сами такие! Небось и не знаете, на что лучше всего клюют в Красном море люверсы?
- Люверсы? На живца...

Послушал такие разговоры боцман Румпель и прогнал горе-моряков с полубака — «Морской словарь» учить... А что скажут юные моряки?

ОБЪЯВЛЕНИЕ
„Морская газета“

ПРОСИТ
ПОБЕДИТЕЛЯ ВИКТОРИНЫ

Игоря Шарова
из КАЗАНИ
уточнить свой адрес.

Наши сообщают

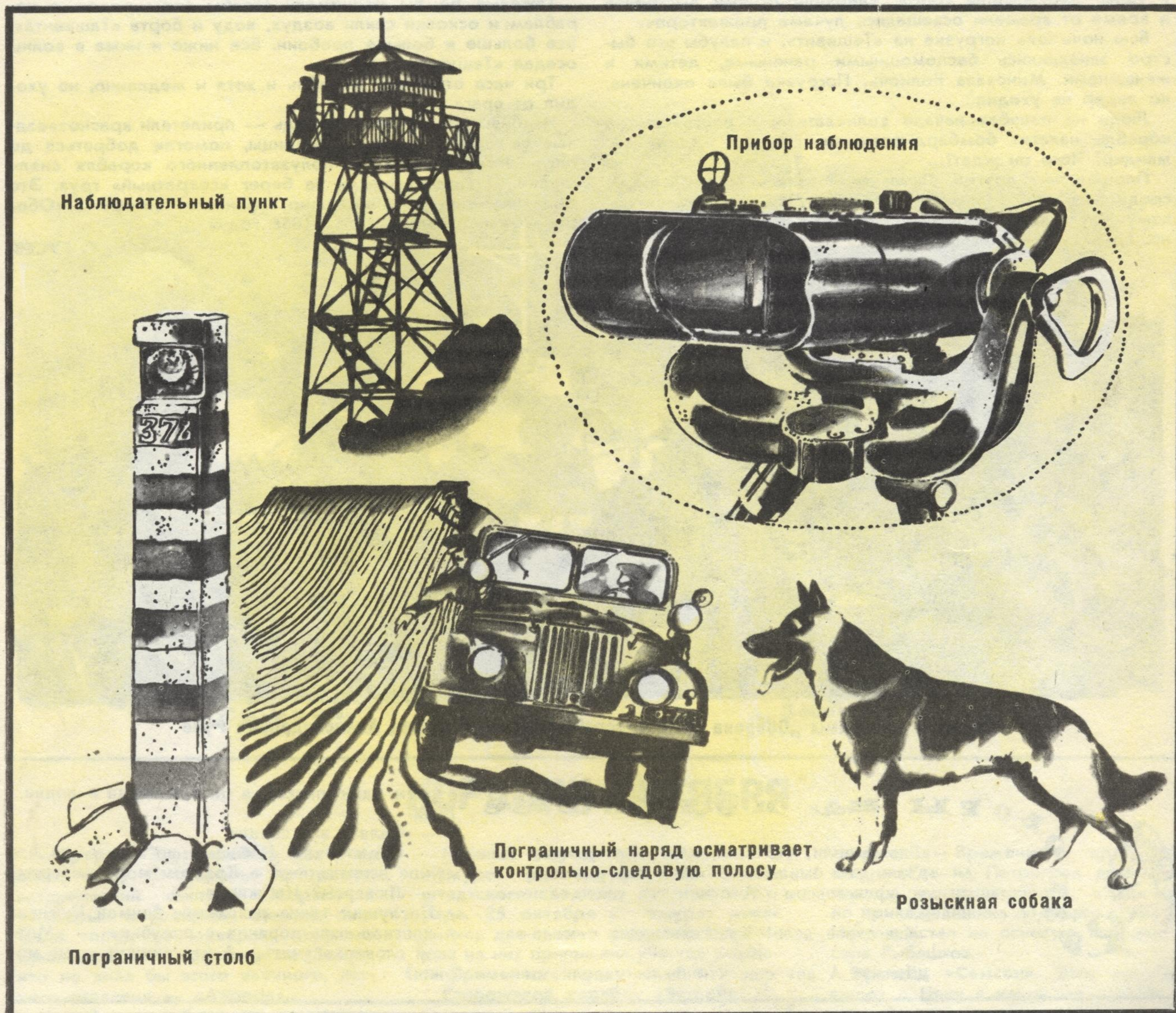
Наша флотилия носит имя героя Советского Союза Николая Вилкова. Флотилия не маленькая — 400 человек. Мы изучаем судовождение, судовую механику, радиодело и морское дело. Каждый курсант должен отлично знать корабли нашей страны, назначение их и устройство. Мы еще практически осваиваем флажный семафор и такелажное дело. А в летние каникулы мы совершаем увлекательные походы на нашем учебном корабле «Волгоград». Учимся управлять судном, обслуживаем двигатели. В походе мы не только учимся, но и хорошо отдыхаем.

Курсанты флотилии, Волгоград

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Более чем на 60 тысяч километров — через горячие пески пустынь, горные хребты и лесные чащобы, моря и заснеженные просторы Севера — протянулась государственная граница Советского Союза. И всюду, охраняя священные рубежи нашей Родины, надежно и уверенно несут свою службу воины-пограничники.

На вооружении Пограничных войск находятся самые современные средства связи и обнаружения, приборы ночного видения, вертолеты, быстроходные сторожевые катера и могучие вездеходы. И поэтому днем и ночью, в любое время года, в стужу и ненастье наша граница на замке.

ЗАСТАВА ЛЕЙТЕНАНТА УСОВА

20 минут — за такой срок фашисты рассчитывали уничтожить советские пограничные заставы в первый день войны. Но они просчитались. Все заставы мужественно выполнили долг перед Родиной: ни одна не отступила без приказа, многие дрались до последнего.

Застава, которой командовал лей-

тенант В. М. Усов, находилась в полосе наступления крупных сил противника. После жестокой артподготовки со стороны Августовского леса появились сотни вражеских автоматчиков. Они шли спокойно и неторопливо, уверенные, что застава уничтожена. И тут из наших траншей ударили пулеметы, часто захлопали винтовочные выстрелы. Враги, неся потери, стали пятиться к лесу. Тогда лейтенант Усов скомандовал: «За Родину — в атаку! Ура!» И горстка бой-

цов — а было их всего тридцать четыре — бросилась вперед за командиром.

Стояло раннее июньское утро 1941 года. Еще по радио не объявили о нападении фашистской Германии на нашу страну, а застава лейтенанта Усова шла в атаку! Быть может, самую первую в Великой Отечественной войне.

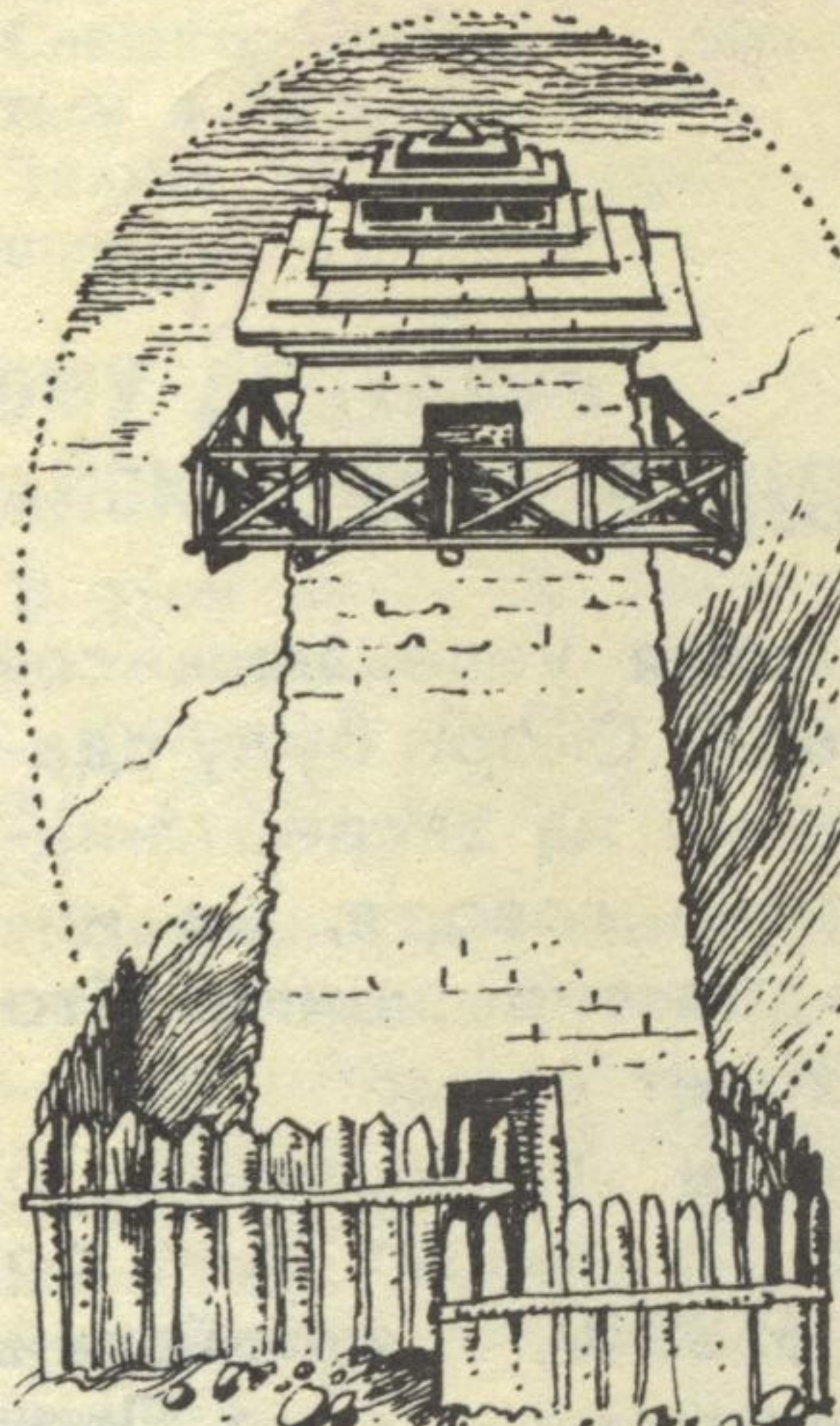
За боевые заслуги в войне 150 воинов-пограничников удостоены звания Героя Советского Союза.

Зарождение пограничных войск в России уходит далеко в прошлое. Середина XIV века. Южные окраины Московского великого княжества то и дело терзают набеги кочевников. И тогда стали выставляться сторожевые посты и станицы, которые назы-

вались «Московские сторожи». Потом начали возводить засечные черты, а позже пограничные линии. В 1571 году воевода М. И. Воротынский разработал «Приговор о станичной и сторожевой службе». Это был первый устав пограничной стражи в России.

28 мая 1918 года В. И. Ленин подписал декрет об учреждении пограничной охраны РСФСР. Шла гражданская война. И пограничные войска вместе с бойцами Красной Армии

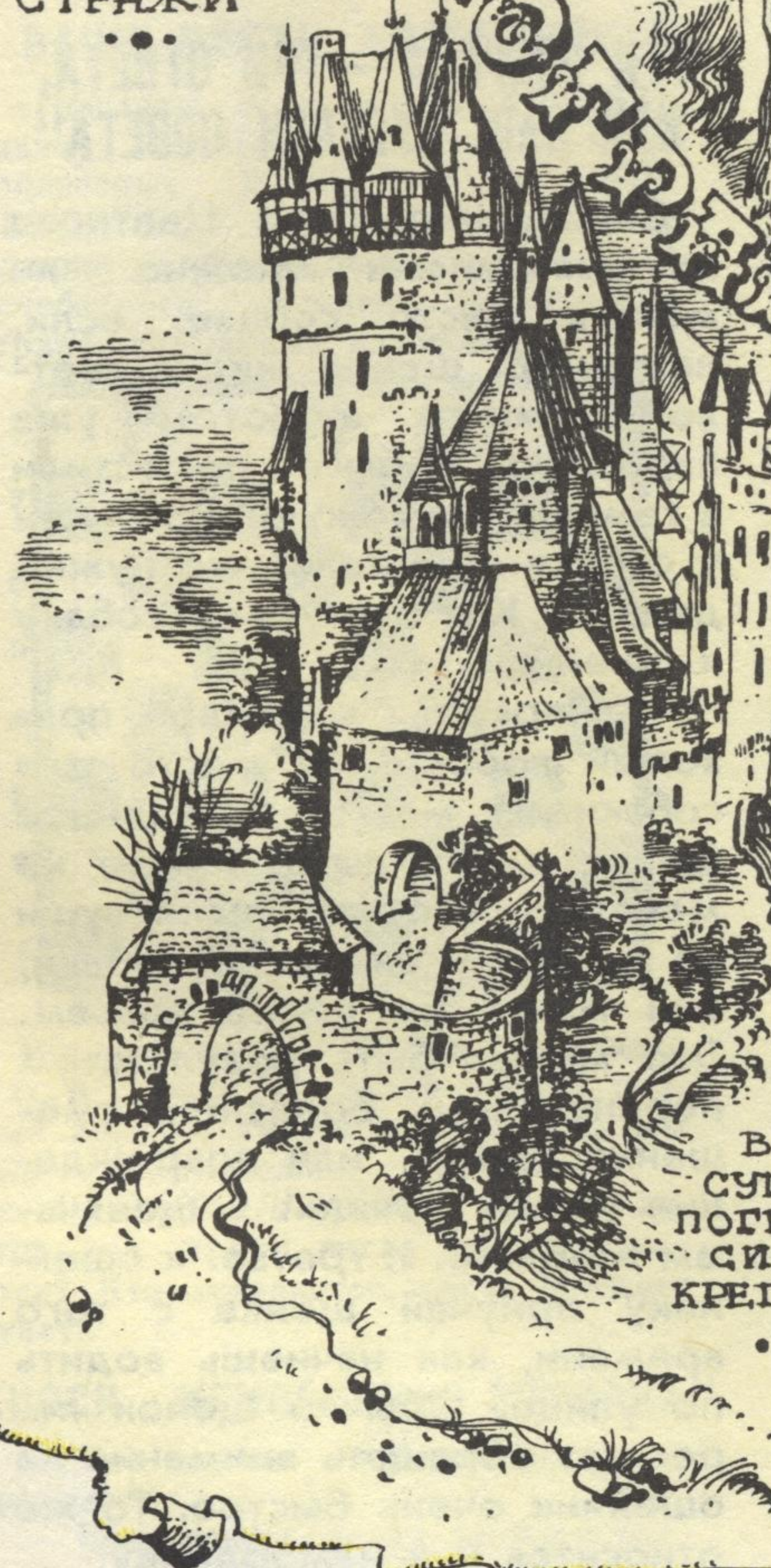
вступили в борьбу с белогвардейцами и интервентами. Эта борьба не окончилась и в мирное время, в годы первых пятилеток. С 1925 по 1935 годы только пограничники Туркменского округа задержали 110 510 нарушителей границы и провели 828 боевых операций.

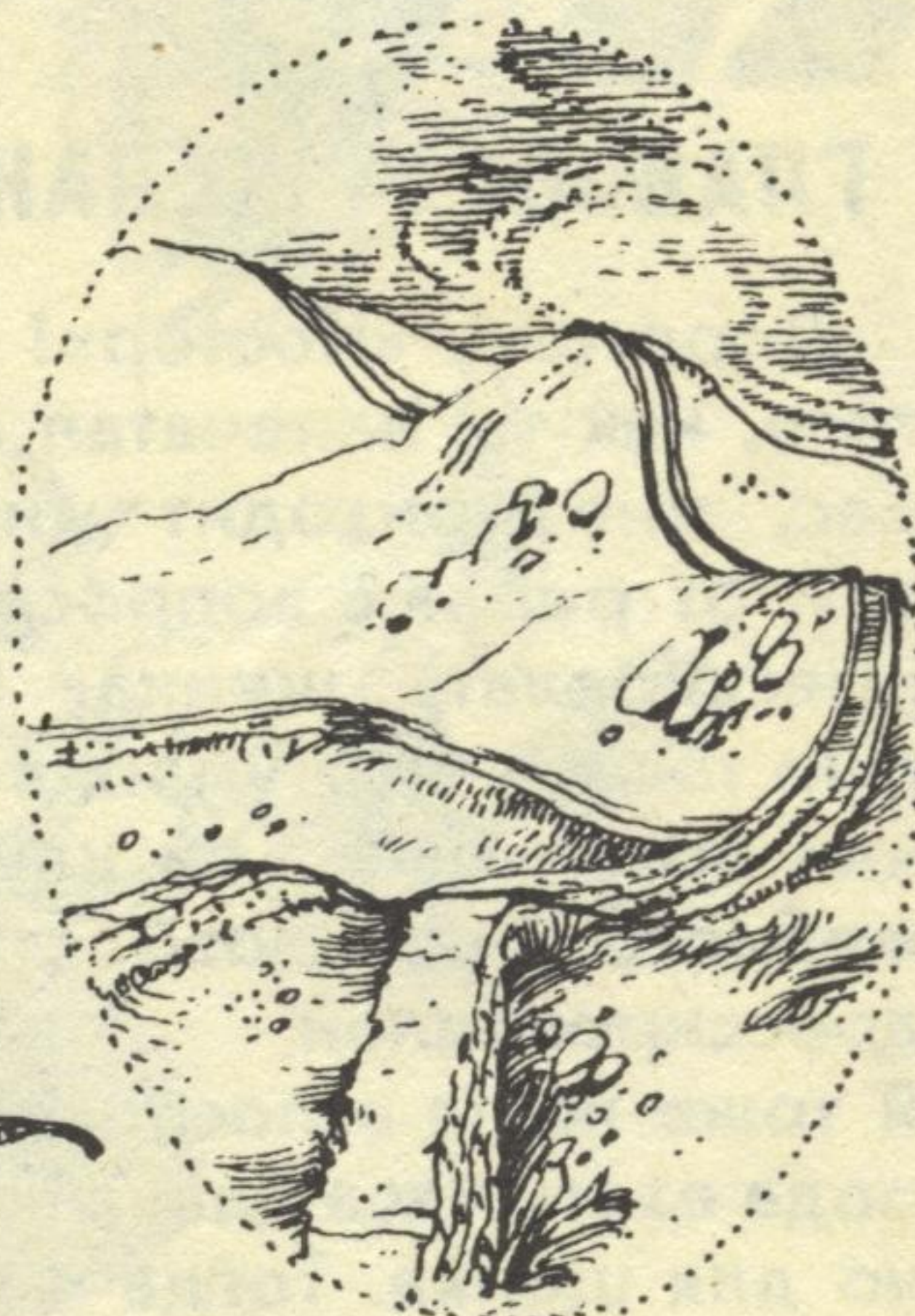
РИМСКИЕ
ПОГРАНИЧНЫЕ
СТРАЖИ

ПОГРАНИЧНЫЙ ДОВОР

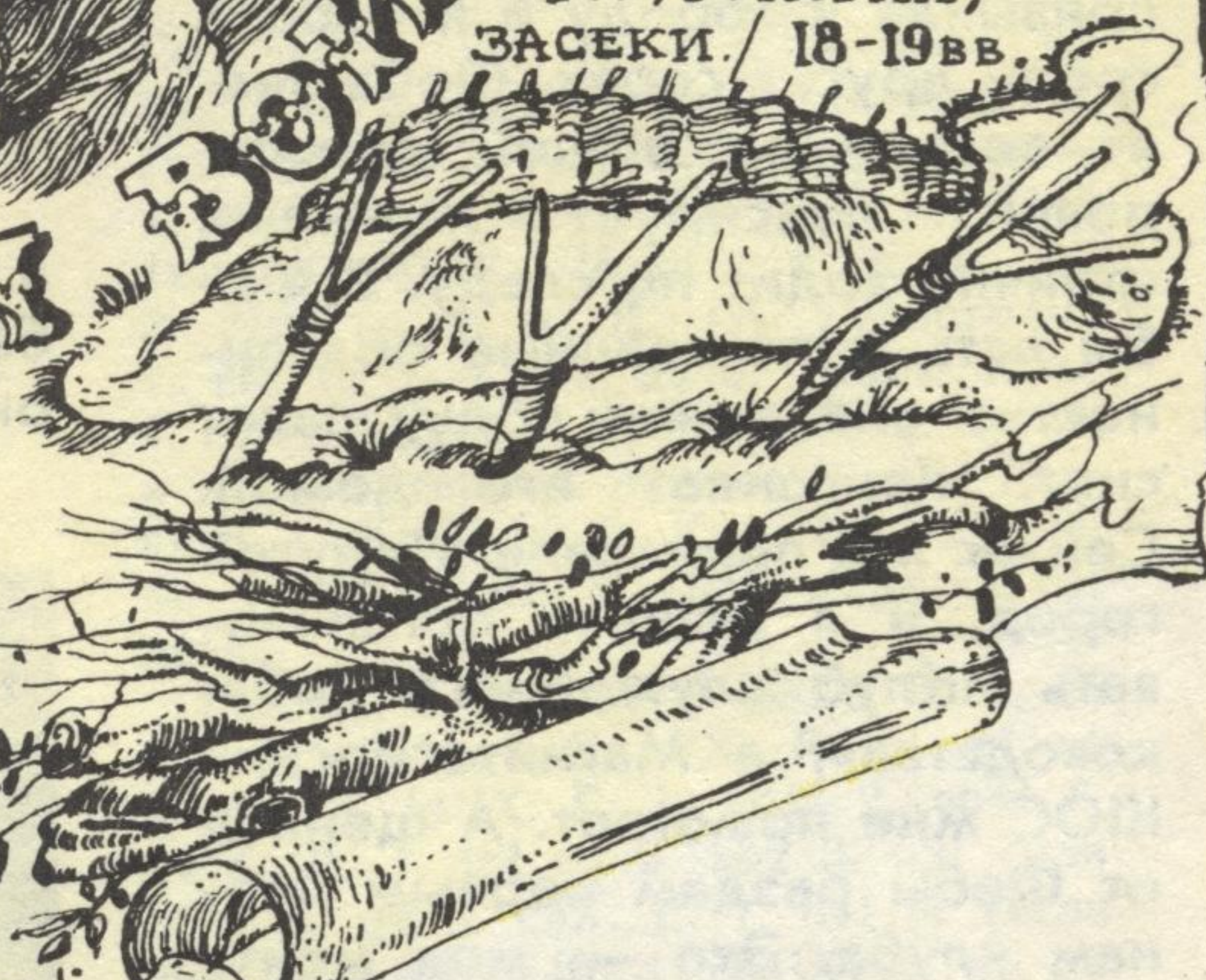

В СРЕДНИЕ
ВЕКА
В ЕВРОПЕ
СУЩЕСТВОВАЛА
ПОГРАНИЧНАЯ
СИСТЕМА
КРЕПОСТЕЙ

«РИМСКИЙ
ВАЛ»
/ДРЕВНИЙ РИМ/

ПОЛЕВОЕ, ПОГРАНИЧНОЕ УКРЕПЛЕНИЕ. /ТЫН, ВАЛ, РОВ, РОГАТКИ, ЗАСЕКИ / 18-19 вв.

ВОЕННЫЙ СЛОВАРЬ

МАЙОР. Слово латинского происхождения, означало — большой, старший. Впервые это звание появилось более четырехсот лет назад в испанской армии, где так называли помощников полкового командира. В России это звание появилось при Петре Первом, в 1711 году.

В Советской Армии звание «майор» введено 22 сентября 1935 года.

Оформление В. Цикоты

ТВОЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ

ГЛАВНОЕ — ЖЕЛАНИЕ...

Дорогой «Костер»! После того, как ты напечатал мой адрес, мне приходит много писем от ребят с вопросами: как дрессировать щенка. Некоторые пишут, что у них в городе или поселке нет ни клуба служебного собаководства, ни дрессировочной площадки. Я тоже жила в поселке. До города ехать часа два, а это трудно для щенка. Тогда я сделала дрессировочную площадку у себя во дворе: бум, барьер, лестница, ров, штaketник. Занимаюсь я с Фебой сама, мои помощники — книги. В Магнитогорск на площадку я ездила только для того, чтобы Феба привыкла к городу и к работе среди других собак. Феба знает весь курс общей дрессировки, буксирует лыжника, отлично ходит по следу. У Фебы есть и постоянные обязанности: она возит воду, пасет скот, пригоняет его домой. Сейчас мы переехали в другой город, и я решила организовать «Клуб служебного собаководства», а Магнитогорский КЮС мне помогает. А щенков от Фебы раздам первым членам клуба. Это — моя мечта и главное желание. Обязательно его осуществлю.

*Люда Иванова,
Новотроицк*

МОЯ ЧАНА

У меня — собака-пудель Чана. Я дрессирую Чану сама. Она ходит со мной в магазин и несет сумку. Чана охраняет дом и не пустит чужого. Мы стрижем Чану, бабушка шерсть прядет, а мама вяжет перчатки и шарфы. Я люблю Чану, и мы вместе второй год ходим в кружок «Юный натуралист». А дрессировочной площадки у нас нет...

*Анжелика Бардина,
Бежецк*

КРАСИВАЯ И УМНАЯ

Все хотят большущих собак, а вот у меня — маленькая, болонка. Кличка — Сильва. Но она очень красивая и умная.

Все понимает и все умеет. А когда она провинится и я начну ее ругать, она сделает такой жалобный вид, словно сейчас заплачет. Сильва — белая, а глаза как две смородинки, блестящие на солнце.

*Таня Панина,
Владивосток*

НА САНЯХ НА СОБАКЕ

А у меня — карело-финская лайка. Я научила Тимура возить санки, и хоть он не ездовая лайка, а катает здорово! И знает все команды. Шлю фотографию своего друга.

*Оля Майорова,
Куйбышев*

ПИШИТЕ МНЕ...

Много лет я увлекаюсь собаководством. Скоро буду сдавать экзамены на эксперта-кинолога, иначе говоря, на инструктора-дрессировщика. Кто из ребят хочет со мной переписываться и спрашивать о собаках, пусть пишут мне по адресу: 658040, Алтайский край, г. Новоалтайск, 7, ул. Парковая, д. 1, кв. 78. Наташе Ивановой.

ТРИ ВОПРОСА — ТРИ ОТВЕТА, ИЛИ НАШ „УГОЛОК СОВЕТА“

Спрашивает Лена Цветкова из Челябинска: «Можно ли менять место собаке, если, например, щенок жил в светлой комнате а потом уже взрослую собаку поместили в темную прихожую? Если уши у собаки не встали, что нужно делать? Как приучить собаку к ошейнику?»

— Первое: в темной прихожей вообще не место для собаки. И место, отведенное щенку для отдыха, лучше не менять... Второе: если уши не встали у взрослой собаки, они могут не встать совсем. Это может быть результатом перенесенных болезней, смещения пород или повреждение ушных хрящей в щенячьем возрасте. И третье: к ошейнику приучай щенка с того времени, как начнешь водить по улице. Обычно щенок перестает обращать внимание на ошейник очень быстро. То же относится и к наморднику.

ЗАПИШИСЬ В ЧЕМПИОНАТ!

Шахмат-адмирал Ферзьбери объявил прием заявок от желающих выступить в новом чемпионате Армии Разведчиков Черно-Белых Клеток (АРЧЕБЕК) по шахматам и шашкам.

Кого примут?

Каждого, кто пришлет заявку!

Будут ли отмечены победители?

Их ждут дипломы, призы и спортивные разряды!

Когда начало соревнования?

В январе!

А если человек не умеет играть?

Его зачислят в особый отряд и подготовят к следующему чемпионату!

Спешите, спешите, спешите записаться в Чемпионат-82!

Заявку («Прошу принять меня...») пишите на открытке.

КОМУ ДОСТАЛСЯ МАЙСКИЙ ПРИЗ?

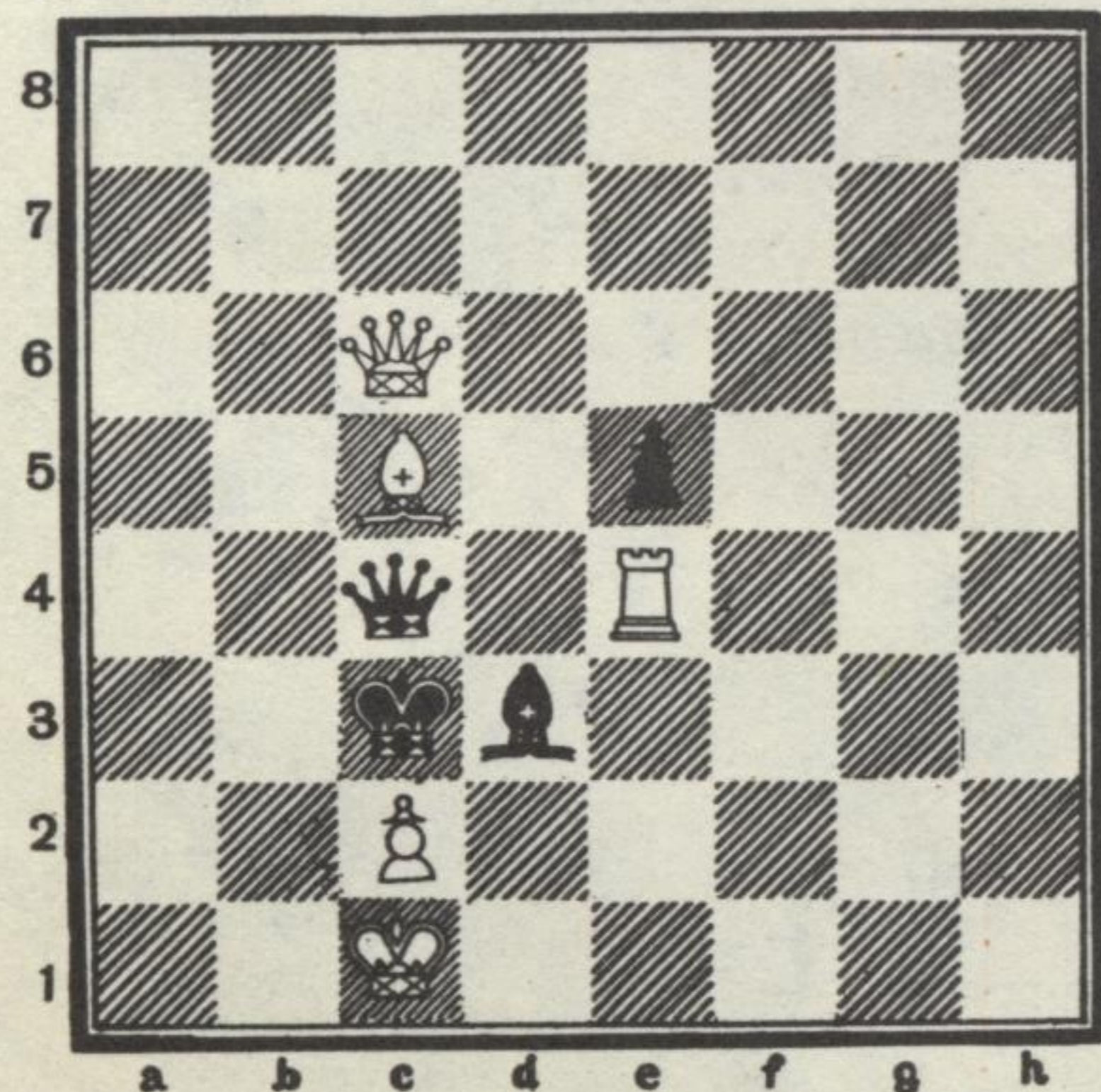
В этом конкурсе («Костер» № 5) награждаются — Андрей Тугов (с. Рубское), Роберт Бергер (Харьков), Люда Клепикова (с. Тихонькая).

Отличные донесения прислали также разведчики — Дианоз Цанава, Люба Чупракова, Сергей Яковлев, Валерий Быков, Сергей Медников, Игорь Чеповецкий, Алексей Копылов, Таня Магомедова, Валерий Берсенев, Юля Кирпичникова и многие другие арчебековцы.

Всем участникам этого состязания шахмат-адмирал Ферзьбери выносит благодарность.

В ВАШУ ЧЕСТЬ, РАЗВЕДЧИКИ!

«Посылаю в любимый АРЧЕБЕК задачу, составленную мною в честь доблестных РАЗВЕДЧИКОВ-АРЧЕБЕКОВЦЕВ», — пишет Александр Гришин (с. Ермоловка), сам бывший арчебековец, а теперь известный в стране шахматный композитор.

Вот эта задача. В ней надо дать мат в 2 хода. А сделав верный первый ход, вы сможете убедиться, что она действительно составлена в честь РАЗВЕДЧИКОВ. Каков же этот ход и что после него получается? Кто догадается, пусть пришлет ответ!

КИОСК „МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— Что значит «побить пешку на проходе»?

— Если пешка, делая двойной ход,

проходит через поле, атакующее неприятельской пешкой, то та ответным ходом (но не позднее!) может побить ее на проходе. Белые: Крс5, пп. а5, b4; черные: Кра6, п. b7. Ход черных. Если они пойдут b7—b5, белые имеют право побить эту пешку — а5:b6 (белая пешка ставится на b6).

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Сегодня в кабине проводится тренировка разведчиков всех трех отрядов АРЧЕБЕКА — ШХМ, РШ, МШ. Заходите!

ШХМ. А. (Ю. Селявкин, Воронеж). Белые: Крh1, Фс4, п.h2; черные: Крh3, Се1. Могут ли белые дать мат в 4 хода?

Б. (Ю. Селявкин). Белые: Крд8, Фг1, черные: Крf8, пп.e7, f7. Могут ли белые дать мат в 5 ходов?

РШ. А. (В. Юрзинов, Москва). Белые: с1, d2, f2, f4, g5, h4; черные: а3, с5, с7, d4, d6, e7, g7. Могут ли белые выиграть?

Б. (В. Степанов, Абаза). Белые: с3, d2, d4, e1, f2, g1, h6; черные: а5, b4, b6, f4, f6, f8, g7, h4. Могут ли белые выиграть?

МШ. А. (Б. Шкиткин, Москва). Белые: 8, 13, 19, 33, 41, 45; черные: 2, 4, 22, 32, 34, 36, 40. Белые одерживают победу.

Б. (А. Коврижкин). Белые: 9, 13, 24, 30, 34, 45; черные: 10, 12, 15, 18, 22, 38, 39, 43. Белые одерживают победу.

О результатах тренировки все разведчики должны доложить шахмат-адмиралу Ферзьбери!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 8 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Фh1! Лb8 2. Лb6! **Б.** 1. Лс1 и, если f1Ф, то 2. Сg3, если f1К, то 2. Ch4, если же Крf1, то 2. Cd2+. **В.** 1. g5! Крд5 2. Ла5+ Крд4 3. Кс5. **Г.** Мат в 4 хода — 1. h8Л! Кр:h1 2. Крf3 и т. д., 1... Крf2 (или Крг3) 2. Л8:h3 и т. д., 1... h2 2. Л:h2 и т. д. **Д.** (А. Гербстман) 1. e6! fe 2. Крс6! а6 3. Лh8+ Кра7 4. Лh7+! Кра8 5. Крb6 Лb5+ 6. Кр:а6, и черные теряют ладью. **Е.** (Б. Горвиц) 1. Крд7 h2 2. Кре6 d4 3. Крf5! d3 4. Крг4! d2 5. Лd7, и результат ясен.

РШ. А. 1. b6! а5 2. а3!X. **Б.** 1. с5 fe7 2. ed6! g3 3. с7X. **В.** 1. g1 e1 2. d6! 3. f4!X. **Г.** 1. ed4! 2. ab4! 3. d4!X. **Д.** 1. f6! e3 2. ab2 3. h2! (или g3!) 4. g3 5. с3X. **Е.** 1. h4! f4 (если ef6, то 2. e5 3. f6! 4. cb4!X) 2. g5 g1 (если f4, то 3. de3! 4. g3X) 3. d4! 4. bc3X.

МШ. А. 1. 32! 2. 42 3. 25 4. 23 5. 22X. **Б.** 1. 42! 2. 25! 34 3. 41 4. 30X. **В.** 1. 30! 2. 27! 3. 24. 4. 20X. **Г.** Если 1... 37?, то 2. 14! 46 (или 20 3. 24!X) 3. 22!X. **Д.** Если 1... 35?, то 2. 21 3. 3 38! 4. 33!X. **Е.** Если 1... 15?, то 2. 33—28! 3. 21! 4. 40X.

Резерву. Пешка проводится в ферзи в первой и в третьей позициях.

Кто сказал что? «А я бы дал мат в один ход!» — сказал Знай, так как сразу сообразил, что последним ходом черные продвинули пешку с b7 на b5, а поэтому белые могут сейчас побить ее на проходе — 1. а5:b6X.

ПИОНЕРСКИЙ ГАЛСТУК

Алый галстук повязан
у меня на груди.
И теперь я обязан
быть всегда впереди.
Дышит холодом Невский,
но не зябко ничуть:
галстук мой пионерский
согревает мне грудь.

*Вова Торчинский,
9 лет,
Ленинград*

КОРАБЛИ

В серый жемчуг тумана
Вновь ушли корабли
Бороздить океаны
Вдалеке от земли.

Там в просторе безбрежном,
Точно солнечный блик,
Алый парус надежды
Их поманит на миг.

Им захочется остров
Неизвестный открыть,
И в рассыпанных звездах
В даль небесную плыть.

В синем мареве моря
Не теряйте мечту
Хорошо на просторе
И тоскливо в порту.

*Марина Александрова,
8 класс,
Ленинград*

В ТАЙГЕ

Звенели пилы, топоры
В тайге глухой, морозной.
Валились сосны, кедрачи
Мерцали в небе звезды.
Зиме мести премного дней,
Гудеть деревьям хрупким.
А после вьюг нам вывозить
Деревья с лесорубки.

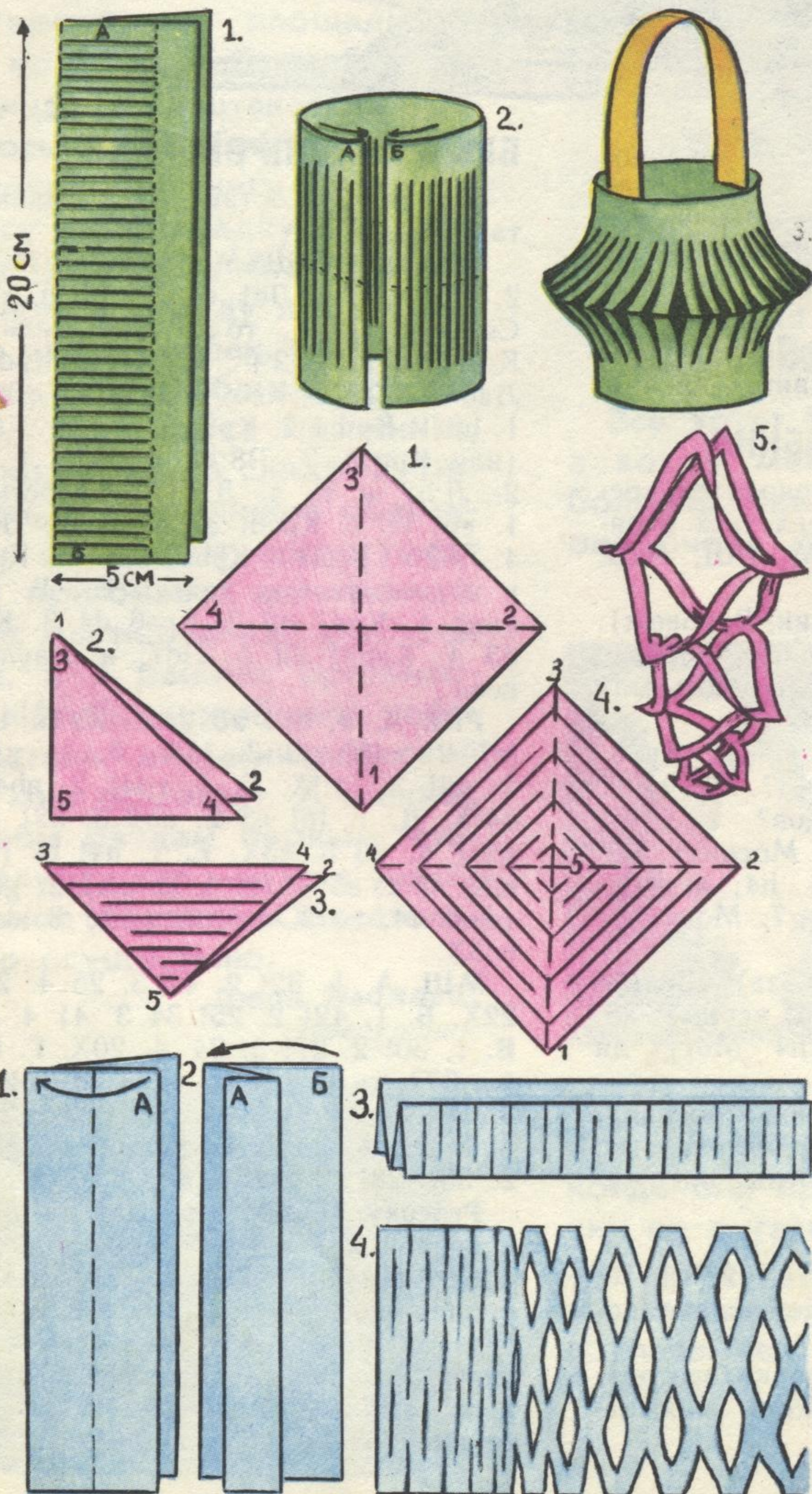
*Боря Федулов,
7 класс,
Пенза*

В магазинах уже продают елочные игрушки, на улицах скоро появятся елочные базары, а однажды ты увидишь людей, несущих елки. С чем сравнить ожидание новогоднего праздника! Но праздничная обстановка и настроение сами не появятся — нужно позаботиться о них. Укрась свой класс и класс подшефных октябрят. Хороши хвойные гирлянды, перевитые серпантином. Нетрудно сделать разноцветные бумажные гирлянды, на окнах развесить фонарики и звезды.

А теперь несколько слов о елке. Не перегружай ее игрушками, иначе пропадет красота и свежесть живых ветвей. Сначала вешай электрическую гирлянду, потом (выше и поближе к стволу) большие игрушки, а на концах веток мелкие игрушки. В последнюю очередь развешивают бусы и «дождь». Не советую раскладывать на ветвях вату — «снег». Вата быстро грязнится, и елка приобретает несвежий вид. Если елки нет, сделай композицию из одной или нескольких еловых ветвей. Их можно поставить в кувшин или укрепить на стене и украсить нитями золотого «дождя».

Рисунок Т. Петуховой

За семью

Как-то Разгадайка пришел в гости к одному своему юному другу. Тот сидел за письменным столом и решал арифметическую задачу. При этом постоянно заглядывал в таблицу умножения.

— Эх, если бы у меня была счетная машина, — горестно вздыхал он. — Тогда бы не приходилось тратить время на поиски ответа.

— Считай, что она у тебя есть! — воскликнул Разгадайка и поднял вверх... руки. — Твои десять пальцев — первая счетная машина на земле. Какие числа тебе нужно умножить?

— Пять на девять, — ответил удивленный собеседник.

— Положи перед собой руки на стол. Каждый палец слева направо

будет означать соответствующее порядковое число: 1, 2, 3 и так далее до 10. Приподними пятый палец. Число остальных пальцев слева будет числом десятков произведения, а число пальцев справа — числом единиц. Какой результат у тебя получился?

— Сорок пять, — обрадовался школьник.

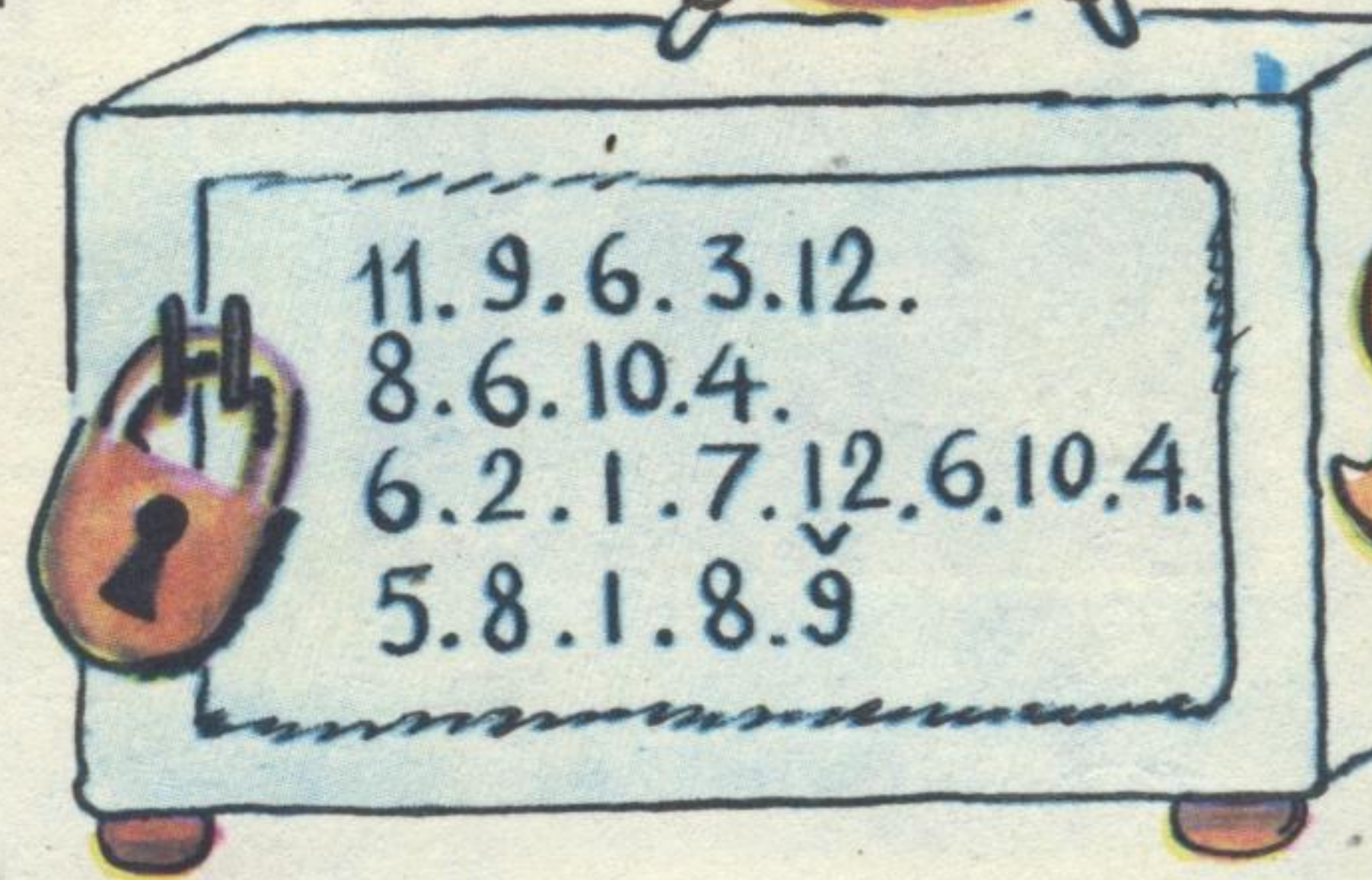
— Теперь ты можешь пользоваться своей универсальной счетной машиной тогда, когда понадобится умножить любое однозначное число на 9. Но было бы лучше, если бы ты выучил таблицу умножения наизуток, — сказал Разгадайка, прощаясь. — И кстати, подумай на досуге, почему с помощью рук можно умножать только на девятку?

П
е
ч
а
т
я
м
ш

В Древней Индии остроумные задачи часто излагались в стихотворной форме. Считалось, что изящество математического мышления должно сочетаться с изяществом поэтическим. Вот одна из таких задач.

На две партии разбившись,
Забавлялись обезьяны.
Часть восьмая их в квадрате
В роще весело резвилась;
Криком радостным двенадцать
Воздух свежий оглашали.
Вместе сколько, ты мне скажешь,
Обезьян там было в роще?

Чтобы открыть сейф (рис. 1), необходимо прочесть крылатое выражение Пифагора, помещенное на дверце. Подумайте, как это сделать. Может быть, вам помогут часы, стоящие на сейфе?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 10

Химическая формула «мертвой» — тяжелой воды: D_2O

Крылатое выражение М. В. Ломоносова: «Широко распространяет химия руки свои в дела человеческие».

Мини-ребус: Бутлеров.

Вопросы Разгадайки: 1. Рутений. Рутения по-латыни — Россия. 2. Путем ядерных реакций ртуть ныне превращают в золото. 3. Наличие платиновых руд определяется отсутствием всякого растительного покрова.

Оформление А. Януса

1. Какое из двух чисел больше — 6 или 110, если первое записано в десятичной, а второе — в двоичной системе счисления?

2. Что общего у слова «воля» со сторонами горизонта?

3. Какими двумя цифрами заканчивается число «111»?

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ, Л. А. БОГАЧУК (зам. главного редактора), Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

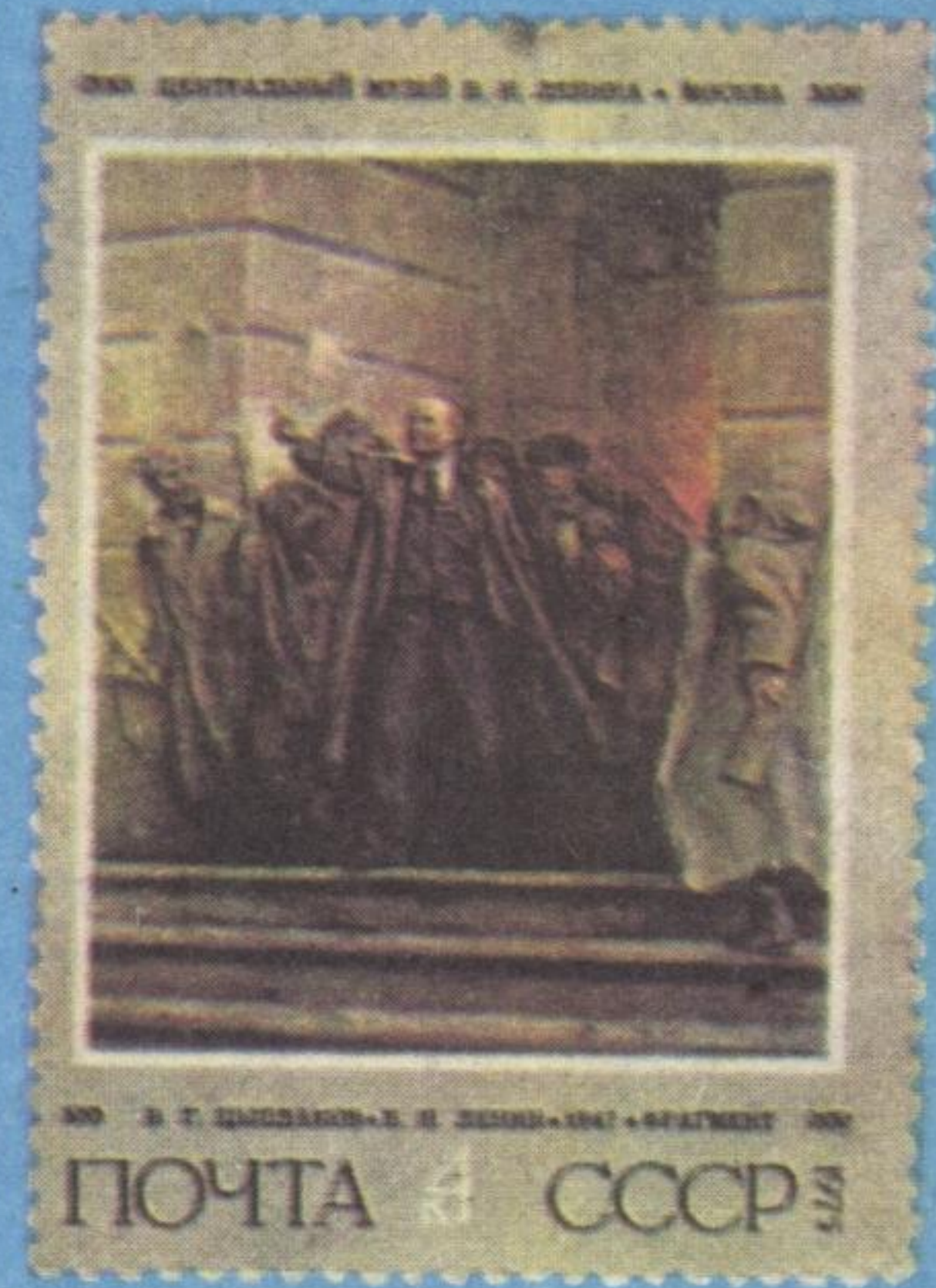
Корректор М. Е. РОШАЛЬ

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-23195. Сдано в набор 06.08.81. Подписано к печати 05.10.81 г. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,4. Печать офсетная. Тираж 775 000 экз. Заказ. 3074. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

колл 19-13 КОСТЮК

Владимир Ильич Ленин — главная тема в коллекции юного филателиста из Ленинграда Сережи Игнатенко.